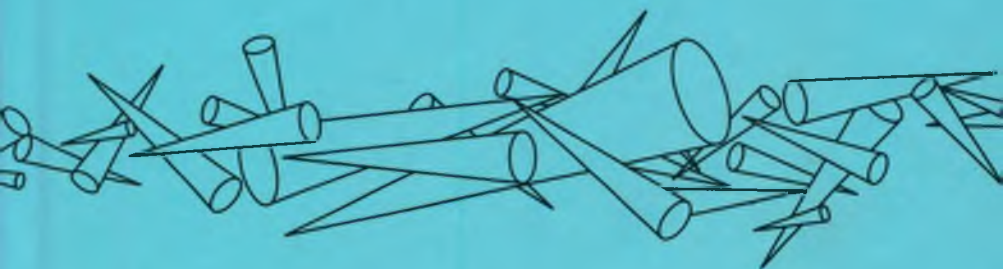

Александр Мильштейн **ПИНОКТИКО**

прозанOVA

АЛЕКСАНДР МИЛЬШТЕЙН

ПИНОКТИКО

роман

ФОРМАТ

АОЗТ «ТЯЖПРОМАВТОМАТИКА»

Харьков

2008

УДК 821.161.2-31
ББК 84(4УКР=РУС)6-44
М 60

Серия «Проза Нова» основана в 2008 году

Дизайн серии 3Z studio

Мильштейн А.

М 60 Пиноктико: Роман / Александр Мильштейн. — Х.: Тяжпром-автоматика, 2008. — 256 с. — (Серия «Проза Нова»).
ISBN 978-966-2196-01-6

Основной интригой романа является предсмертный рассказ отца, который кажется Йенсу как-то связанным с испытываемым им синдромом дематериализации. Как будто, чтобы избежать логического конца этого процесса, мир Йенса распадается на два слоя: в одном живут так называемые «дужи» — «дети умных женщин», в другом — «уртюпы», т. е. некие регрессирующие в первобытное состояние сущности; невидимая постороннему глазу ломаная граница между этими мирами бежит по городу... Роман можно рассматривать в том числе и как постиндустриальный парафраз сказки Коллоди, а один из главных его планов повествования — описание современной мюнхенской арт-сцены.

УДК 821.161.2-31
ББК 84(4УКР=РУС)6-44

© Мильштейн А. М., 2008
© Дизайн. 3Z studio, 2008
© Оформление. АОЗТ «Тяжпромавтоматика», 2008

ISBN 978-966-2196-01-6

РОМАН

ПИНОКТИКО

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы познакомились с Йенсом много лет назад в маленьком баре, который я про себя называл «кабачком 13 стульев». Помню, что когда я в тот вечер вошёл в заведение, Д., стоявшая там за стойкой, сказала: «А вот и наш писатель! Только он пишет на русском, и мы не можем его прочесть... Но верим ему на слово... К тому же, он недавно перевёл книгу Юдит Герман». Мне показалось, что интерес, который зажёгся после этого в глазах незнакомца, был не совсем праздный, но я не стал, что называется, тянуть его за язык, и мы разговорились о чём-то нелитературном, может быть, о позвоночниках высших приматов и первобытных людей, сравнением которых занимался в то время его одноклассник, кажется, где-то в ЮАР... Или об этом мы говорили в следующий раз, я уже не помню, потому что давно это было, и с тех пор мы тысячу раз встречались в той же самой кнайпе... Короче говоря, мы уже были старыми друзьями, когда в прошлом году Йенс позвонил и сказал, что у него ко мне как бы дело... Мы встретились в шесть часов вечера — в такое время в баре, как правило, пусто, и это удобно, если беседа деловая. Признаться вполне обычный для подобных случаев монолог и допив одним глотком оставшееся в кружке светлое пиво, Йенс выложил на деревянный стол CD-Rom в пластиковом футлярике. Встретившись с его вопросительным взглядом, я сказал: «Давай для начала я это прочту, да?» Вот и вся, собственно говоря, предыстория. Хотя бы уже потому, что вы теперь держите в руках эти «переводные картинки», ясно, что, прочитав рукопись, я позвонил ему и сказал: «Согласен».

А. Мильштейн

1. ВВЕДЕНИЕ В БЛОГ БАСТАРДА

Притом что сон, который вчера приснился, был менее странным... Я хочу сказать, в меньшей степени похожим на сон, чем то, что отец сказал мне наяву...

Ещё раз: если отбросить версию «травматического психоза» и допустить, что он говорил всё это осознанно... Мог ли он после того, что с ним случилось, придя ненадолго в сознание, сочинять *истории*? Почему он это придумал, я в общем-то догадываюсь... Но я сейчас не представляю, как он мог — чисто физически — в таком состоянии — вообще что-то выдумывать...

Впрочем, это могло быть заготовкой... «Моя история» могла быть у него заготовлена — вместе с завещанием.

А если вспомнить размер этого самого завещания... Это не упрёк... Просто Ахим был слишком щедрым отцом и, говоря по совести, я промотал большую часть завещания ещё при его жизни...

Вчера мне снилось, что он позвонил по мобильному и стал нести какую-то пургу... Пока я не сообразил, что надо не болтать по телефону...

— Почему ты не звонишь в спасательную? — прервал я его. — Они пришлют вертолёт. Или давай я позвоню!

— Они не пришлют. А даже если... Он не сможет меня достать.

— Но почему?!

— Это сложно объяснить... на пальцах, Йенс... Я на этот раз так занырнул...

— Разве ты нырял? Я думал, ты в этот раз был с парашютом...

— А я думал, что играю роль пронзённого стрелой...

— Отец! → закричал я. — Ты нашёл время декламировать Гейне! Дорога каждая минута! Надо вызывать вертолёт!

— Не надо... Я давно уже перешёл черту, за которой всё стало шуткой... А ты так и не понял...

— Но я же слышу по голосу, что тебе там на самом деле хреново...

— Ты никогда не умел меня слушать... Но сейчас ты прав, я действительно... лежу глубоко в ущелье, у меня нет ног... Да и рук... только хэнди*... Кроме того, снег, я замерзаю... Это не страшно, когда замерзаешь, ты просто погружаешься в чей-то сон... Вот я и попал в твой сон... Наверное, потому что ты был самым близким мне человеком на Земле... Но я не могу тебе объяснить, почему сюда не может залететь вертолёт... Это ущелье стало частью меня... Ты представь, что в меня влетает вертолёт, Йенс, нет, ты только представь... — после того, как Ахим рассмеялся, я проснулся... За окном была полутьма, шёл дождь, я встал и посмотрел вниз, на перекрёсток. Там кто-то стоял — на трамвайной остановке, прямо под дождём, хотя достаточно было сделать несколько шагов, чтобы оказаться под навесом. Это был не отец, вообще моего отца уже не было, как минимум, две недели в живых...

А может быть, его вообще никогда не было — у меня...

Во всяком случае, там, внизу, на трамвайной остановке, стоял явно не мой отец, но то, что он стоял под дождём, когда мог сделать несколько шагов и спрятаться под козырьком остановки, казалось как-то связанным со сном, приснившимся мне под утро...

• Мысли путались в голове, как будто их перемешивали лопасти вертолёта... Который не смог пробраться в сон и завис над его входом...

Сон в тот момент я помнил гораздо лучше, чем сейчас: кусок разговора, который я воспроизвёл, — конечно, реконструкция, довольно жалкая, надо сказать...

Я только помню, что долго говорил с отцом о какой-то чепухе, то и дело вспоминая, что он тем временем лежит в горном ущелье

* мобильный телефон (нем.).

с переломанными костями... И кричал, что надо вызывать вертолёт, но отец каждый раз заговаривал меня, и так это продолжалось, пока я не проснулся и не увидел человека, который предпочитал мокнуть под дождём, хотя в двух шагах от него был навес остановки.

От него, я думаю, от этого силуэта, протянулась ниточка к бомжу под мостом, о котором ещё тоже пойдёт речь, а вовсе не от отца и, значит, даже мысли такой у меня не должно было быть... И не было, или точнее, больше не будет.

По-моему, отец во сне называл ущелье пещерой и что-то говорил о наскальной живописи... А может быть, и нет, я теперь уже не так хорошо помню сон; с другой стороны, отец всю жизнь так много говорил со мной о живописи наяву... Пока не договорился.

Пока я не пришёл в больницу, где он лежал после того, как не вписался в очередную схему полёта...

Наяву его не закрутили воздушные потоки — так, чтобы он уже не мог даже приблизительно указать свои координаты после того, как рухнул...

Впрочем, ему достаточно было просто позвонить спасателям, они нашли бы его по сигналу мобильного...

Но сказано ведь было, что это сон...

Отец во сне намекнул, что мы во сне, и после этого я проснулся...

А наяву, примерно за месяц до этого, отец мне сказал, что он не отец...

И я решил, что его слова надо записать, по крайней мере...

Но прежде ещё немного про сон, потом я ведь окончательно забуду... Мне кажется, что Ахим лежал там где-то в районе Голубых Скал возле Тегерензее...

Может быть, это опять же — детские воспоминания виноваты, Ахим меня туда брал с собой, ещё совсем маленького, в рюкзаке...

Это было ведь вообще не Alpenraum — то, откуда звонил отец, а Alptraum*, хотя... По сравнению с тем, что случилось наяву, не такой уж это был и кошмар...

Потому что наяву отец говорил со мной из перифокальной зоны мозга... Причём, по словам нейрохирурга, таких зон у него было несколько, так что, из какой именно — точно неизвестно...

После того, как он не вписался в составленную им самим схему...

Отец ударился, точнее, бился, пока долетел, о стену кривой, как Пизанская башня, шахты...

Его оттуда, конечно, достали...

В больнице делали всё, что могли...

Но сделать смогли немного, так что в каком-то смысле отец был прав, когда говорил, что вертолёт не имеет смысла...

Хотя из шахты — наяву — его достал, конечно же, не вертолёт...

Я понимаю, почему я так долго цепляюсь за такой пустяк, как этот сон... Просто он меня устраивает немного больше, чем явь... Отец разбился, но ведь это не первый раз, это бывает с ним, главное, что он снова остался жив... И при этом — моим отцом...

Но мне всё равно не удастся поменять местами явь и сон...

Однако что наяву, что во сне отец мой был трюкачом... Довольно известным не только в Германии и её окрестностях... Он принадлежал к числу лучших в мире «basic sportsmen», зарабатывал на жизнь исключительно затыжными прыжками с гор, небоскрёбов и монументов...

Или превращался в бумажного змея и летал — с кислородной маской — на такой высоте, где летают разве что ещё истребители с изменяющейся геометрией крыла...

Он был большой чудак, мой отец...

* Игра слов: Alpenraum — район Альп, Alptraum — кошмарный сон (нем.).

С одной стороны, зная его фокусы с пелёнок, я уже каждый раз не волновался так, когда он прыгал... Скажем, в Рио... Или — чтобы ещё нагляднее — он делал это с головы статуи «Родина-мать» в Сталинграде...

И даже не с головы, а с меча... Привёз тогда с собой из России эту поговорку...

После его не совсем удачного прыжка русские дополнили свою суеверную присказку «не ешь с ножа» вот этим: «...и не прыгай с меча».

Тогда парашют раскрылся на несколько долей секунды позже, чем было запланировано, Ахим выжил... Вернувшись домой, хромал какое-то время...

Я не собираюсь здесь перечислять все его подвиги, об этом достаточно много написано, многое снято на видео... Ясно, что помимо денег отца толкала на эти, достаточно эксцентричные, движения ещё и страсть... В газетах её банально сравнивали с «русской рулеткой»...

И вот в конце концов отец не смог вписаться в трубу, или точнее, в узкую шахту, в вертикальный тоннель...

Зачем ему нужно было прыгать в эту головоломку? Я не знаю, а зачем всё вообще...

Парашют он предполагал раскрыть у самого дна...

Его привезли в больницу и поддерживали в нём жизнь сколько могли... Немногим более суток...

Монолог, который я теперь постараюсь как можно точнее повторить, мог произнести — после того, что с ним случилось, — конечно же, только мой отец... То есть я сейчас имею в виду не содержание, а просто даже длину этого монолога, чисто физически это кажется мне невозможным...

Наверное, это можно объяснить только тем, что у отца был уже некий опыт... Что он и так был *не в себе* во время исполнения некоторых трюков... Я помню, что он пытался как-то выразить мне это словами, ещё при жизни, но слова эти были настолько пута-

ными, что я не хочу сейчас этого касаться... Скажу только, что это отчасти помогло мне не провалиться в полное отчаяние, это-кое релятивирование небытия, но я не хочу в это подробно вдаваться — тогда это помогло, в больнице, сейчас же, после похорон, я не уверен, что это был не «травматический психоз» — как сказал нейрохирург... Впрочем, он сказал только, что такие психозы при открытой черепно-мозговой травме возможны... Конечно же, я не стал пересказывать врачу, что именно сказал Ахим... Просто спросил, мог ли он бредить... И врач сказал: ещё как...

Я сидел на стульчике в больнице, рядом с подключённым к приборам телом и забинтованной головой...

— Йенс, — отчётливо сказал он, — Йенс, мальчик... Ты — самый близкий мне человек на Земле, поэтому я не хочу, чтобы оставались какие-то тайны. Эта история — последний барьер между нами... Хочу, чтобы его тоже не было...

— Отец, о чём ты? — сказал я. — Лежи спокойно, тебе не нужно волноваться...

— Йенс, ты имеешь право узнать правду о своём происхождении...

Услышав эти слова, я стал уговаривать его не торопиться. Не то чтобы я боялся что-то узнать, нет, конечно... Я просто подумал, что отец начинает бредить... Может быть, так оно и было, я говорю себе, или нет, я пытаюсь сказать себе, что это был просто бред, отец уже начал заговариваться...

Нейрохирург со мной потом согласился, как я уже сказал... Но как-то поспешно он согласился, я не уверен, что этот молодой врач в незаметных очках, которого я ухватил за рукав в коридоре, вообще слушал меня... Отца уже не было, и было видно, что врач не совсем понимает, о чём я... Но потом поспешно закивал головой, сказал, что я абсолютно прав, «травматический психоз», «сумеречное состояние»... И всё, больше он не может говорить, потому что ему надо бежать на другой этаж на планёрку...

А я теперь не могу себя убедить на сто процентов, что это был бред, вспоминая, как отец всё это произносил — спокойно и чётко...

— Помнишь, я говорил тебе, что когда-то, ещё до твоего рождения, недолго работал в полиции?

— Да, что-то припоминаю... Ты сказал как-то раз, а я тогда подумал, что ты шутишь. Ты и полиция... Наверное, ты учил их прыгать с крыш?

— Нет-нет, я сам был полицейским... Хотя это была не совсем полиция... Это была частная охранная фирма... Я не уточнял, чтобы оставаться подальше от этого места...

— Какого места?

— В котором появился ты.

— Я-то тут при чём?

— Сейчас. Дай мне воды.

Я взял с тумбочки пластмассовый поильничек, в котором вода казалась какой-то мутной, поднёс к его губам...

— Мать что, родила меня прямо в участке? — насмешливо спросил я, чувствуя уже, однако, и некоторое волнение...

— Вряд ли... Хотя на самом деле я не знаю, где она тебя произвела... на свет, — сказал Ахим. — Кроме того, я вообще её не знаю. Я никогда её не видел, поэтому...

— Ты говорил, что вы жили вместе, а потом уже она пропала в Марракеше...

— Теперь, пожалуйста, не перебивай меня. За год до того, как ты появился, в Мюнхене произошло несколько громких ограблений. Это было действительно что-то невероятное, я до сих пор не могу понять, как им это удавалось, скажем, с виллы Шёнхера... Один только случай был раскрыт — инвалид на коляске вывез из пинакотеки «Бедного поэта» Шпицвега, спрятав его под пледом, которым были укутаны его ноги...

— Бедного поэта?

— Йенс, пожалуйста, не перебивай меня... Но инвалид никого не сдал, может, он и в самом деле был сам по себе, во всяком случае, кражи продолжались. При этом частные коллекции охранялись нашей фирмой ещё круче, чем та же пинакотека... И тем

не менее украли две картины... Тулуз-Лотрек исчез у одного очень уважаемого в городе человека... Неважно... Был ограблен и Лотар-Гюнтер Буххайм... Его пощипали тогда не на шутку: три работы Отто Мюллера, штуки четыре — раннего Бекмана... Похищенные картины нигде не могли быть проданы, это ясно, разве что безумцу, который хранил бы их всю жизнь у себя в сейфе... Есть, конечно, и такие, но что-то подсказывало моему коллеге, что это делают, возможно, и не ради денег...

— А ради чего?

— Мой коллега убедил городские власти сделать специальные помещения, куда эти «шутники»... Или просто люди, отчаявшиеся продать картины... И недостаточно бессовестные при этом, чтобы их уничтожить... Могли бы тихо, анонимно подбросить... И уйти... И спать по ночам спокойно... Знаешь, как ловят рыбку спортсмены-рыбаки: поймали, полюбовались секунду и бросили обратно в воду... Губу немного порвали, но это не страшно, заживёт...

— Вот как тебя сейчас...

— Ты думаешь?

— Уверен!

— Ну посмотрим... Картину тоже могли подпортить, вырезать из рамы... Ты меня внимательно слушаешь?

— Да, — сказал я, — но тогда ведь уже видеокамеры всюду стояли, как сейчас...

— Во-первых, не совсем... Тогда не весь город просматривался. То есть не каждый кубический сантиметр... Во-вторых, об этих местах объявили везде: в газетах, по радио, по местному телевидению... И каждый раз повторяли, что никакой слежки не будет и тому, кто вернёт картины, украденные накануне или пятьдесят лет назад, вообще ничего не будет, полнейшая амнистия... Пункты приёма картин делались в полуподвальных помещениях...

— Если амнистия, зачем вообще нужны были какие-то специальные места? Нельзя принести картины обратно в музей?

— Глупый вопрос...

— Согласен.

— Их было всего-то шесть или семь на весь город, этих «приёмников»...

— Всего-то!.. Зачем так много?

— Ну если вор ленив... Чтобы ему далеко не ехать — только для очистки своей совести, чтобы он не передумал... Они были хорошо оборудованы, эти «бункеры», там поддерживалась определённая температура, влажность, как в музейных хранилищах... Так что, несмотря на то что это были полуподвальные помещения...

— Ахим, зачем ты мне всё это рассказываешь? Да ещё так подробно... Подвальные, полуподвальные...

— Потому что если бы это были сырые, неотопливаемые подвалы... Ты бы не сидел сейчас здесь, Йенс... Был ведь ещё только марг... Послушай меня, чтобы ты потом смог понять ход мыслей... Этой женщины... Скорее всего, девчонки... Которая тебя родила... Ты должен понять, что примерно за год до этого в городе открылось с десяток пунктов, куда можно было анонимно подбросить новорождённого... Это сделали после того, как одна женщина в Лоххаме родила и удушила восемь детей... Примерно каждый год по ребёнку... Останки нашли на чердаке... Этот случай стал последней каплей... Такие вещи в то время происходили нередко, но всё же когда на одном чердаке нашли восемь крохотных скелетиков... Власти города решили, что надо что-то предпринимать... Были срочно оборудованы... Специальные места... Куда можно было положить новорождённого и уйти... Опять-таки с полной уверенностью, что тебя не снимают на камеру, что не будет никаких последствий... Я бы не сказал, что «приёмники» для картин и для детей были похожи, как две капли воды, Йенс... Но твоя мать — мне так короче её называть, ты уж прости... Уверен, её кто-то ввёл в заблуждение... Рассказал, что есть такое место, там-то и там-то... В общем, этого мы с тобой уже никогда не узнаем, Йенс, я уверен, что произошла путаница... Причём наши по-

мещения и те, что были сделаны для подкидышей, имели существенное отличие. В тех стояла сигнализация, так что вскоре после того, как там оказывался ребёнок, там уже была специальная машина. Задержка была именно такой, чтобы горе-мать успела унести оттуда свои проклятые ноги. А в наших «приёмниках» — для картин — не было, конечно, никакой сигнализации. Мы просто наведывались туда примерно раз в неделю... Ну, ты понимаешь, как это технически — вор или тот, кто подбрасывал артефакт, туда не заходил, с улицы была такая заслонка, металлическая... Похожая на железный занавес... Её надо было приподнять, опустить туда свёрток с картиной, как в огромный почтовый ящик... Для подкидышей же всё было устроено иначе: двери, отдельная кабинка... Но ту, что тебя родила, ничего не смутило, какой-то дурак ей, очевидно, сказал, вот она и пошла... Подняла заслонку и бросила тебя внутрь...

— Неужели прямо вот так взяла и бросила?!

— А ты думал... Ты был в конверте... И скажи спасибо, что кто-то её хоть на это надоумил... Ну перепутал места... От перемены мест, ты видишь... *Ergo sum*, да... А сколько тогда находили детей в мусорных баках, ты знаешь? Я не хочу это сейчас рассказывать тебе, просто пойми, что твоя мать поступила далеко не худшим образом... И не держи на неё зла... Я уверен, что это была совсем ещё девчонка... И ты, что называется, родился в рубашке: в приёмнике для картин было тепло и сухо, мягкая подстилка... Хотя, сам понимаешь, если бы не счастливая случайность...

— Какая ещё случайность?

— Не загляни я туда в тот день, тебя бы сейчас скорее всего не было... Я не знаю, продержался бы ты неделю... Всё, Йенс, я устал. Я понимаю, что у тебя много вопросов, но ответы на них ты можешь найти, подумав минуту или две... Да, Йенс, человек должен иногда думать, шевелить мозгами... Тебе это не нравится, ты бросил университет...

— Ахим, ничего я ещё не бросил...

— Ладно... Я сделал всё, что мог... Вырастил тебя... А теперь ещё и восполнил... Этаким пробел в твоей биографии... И хватит с меня... Дальше думай сам.

— Ты говорил, что какое-то время вы жили вместе, что Марта исчезла, когда мне было два с половиной...

— Это уже мелочи... Я говорю, включай голову... Ну разве не ясно, что Марта, с которой я тогда жил, считала себя твоей матерью. Так же, как и я — отцом... Да я и сейчас так считаю... А ты... нет?

— Что за глупости! — попытался рассмеяться я. — Отец, неужели ты мог подумать, что я поверю в очередную твою сказку...

— Сказку? А я, по-моему, не так уж и много тебе их рассказывал. Разве что когда ты был совсем маленьким, а Марта растворилась в песках, оставив меня с тобой на руках... А так — ты же знаешь, что я плохой сказочник, Йенс. Жизнь занимала меня целиком... Всё так или иначе было только подготовкой к очередному трюку... Вот только то, что я тебе сейчас рассказал, это был не трюк, Йенс... И даже не трюизм...

— Но *зачем* ты мне это рассказал?

— Я чувствую теперь какое-то облегчение. Все эти годы видеть тебя и скрывать эту историю... А теперь я хочу побыть один, немного побороться в темноте... Пожалуйста, не надо больше никаких вопросов. Если что, завтра... Я надеюсь, ты придёшь?

— Ну ещё бы, — сказал я, тихонько пожал его руку и ушёл, не подозревая, что только что говорил с ним последний раз...

Штефи сдерживала себя каждый раз — подносила ладошку к губам, вспоминая, что я только что потерял отца, и смеяться, по крайней мере, так вот сразу над его последними словами было бы бестактно... Даже если то, что он сказал напоследок, было шуткой... Всё равно, Штефи — воспитанная девочка... Поэтому она выслушала «мою историю» без смеха.

А потом вполне серьёзно спросила меня:

— Йенс, ты в это веришь?

— Не знаю, что и сказать, — признался я. — Вроде бы как нет... Для импровизации это звучало как-то слишком складно... А в то, что он всю жизнь мог такое скрывать от меня, я тоже не верю...

— Ахим был профессиональный шутник, я же его хорошо знала.

— Но всё-таки я лучше...

— Да? Ну допустим.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Просто он несколько раз серьёзно говорил со мной в твоё отсутствие...

— Серьёзно? Так при чём же тут шутки...

— Прежде чем заговорить на серьёзную тему, он шутил, рассказывал анекдоты, я всегда смеялась, как сумасшедшая...

— Ну хорошо... Но о чём же таком серьёзном Ахим с тобой говорил после этого?

— О тебе. Ахим считал, что ты...

Дальше она стала пересказывать мне то, что я тысячи раз слышал от отца... Я не знаю, как можно быть такой наивной и не понимать, что потому-то Ахим всё это и говорил ей... Что я уже не мог это слышать — я просто затыкал уши и уходил в другую комнату...

Что он говорил? Ну это было типичное отцовское бла-бла-бла... «Учиться, учиться... Ты талантливый, ты даже не понимаешь... Рисовать, танцевать, считать в уме, решать задачки, брать уроки, лепить, лепетать, поступать, защищаться...» Ну, в общем, ясно, да?

Короче, вместо того чтобы пересказывать пересказ и ёрничать по поводу благих намерений отца, я лучше ещё раз опишу коридор больницы, в которой он отошёл, эти стеклянные стеллажи... Я уже их описал вчера... И вычеркнул, решив, что это перебор... Я многое вычеркнул на следующий день, все эти рефлексии...

Но после того, как Ахим стал повторять мне устами Штефи свои нотации... А я чуть не стал их здесь воспроизводить... Я сейчас подумал, что лучше я восстановлю стёртый абзац — о выставке Аннелоры...

Проходя по коридору клиники, в которую доставили отца, я вдруг вспомнил, что однажды там уже был.

Но я не мог вспомнить, кого я там посещал... Вроде некого было...

Я восстановил это в памяти, только когда подошёл вплотную к стеклянным стеллажам, стоявшим вдоль стены коридора...

Это было шесть или семь лет назад...

До этого я не видел ни одной картинки Аннелоры...

Мне нравилась сама художница... Поэтому я и пришёл на её вернисаж, то есть туда, куда она меня пригласила — в эту самую клинику, в Швабинге*...

Анни тогда выставлялась везде, где только можно было, в кафе, в праксисах дантистов, проктологов, психиатров... В фойе кинотеатра «Ателье»... Или вот — в одном из корпусов больницы в Швабинге...

Я прошёл по территории больничного комплекса по нарисованному на приглашении плану, вошёл в корпус, пошёл по коридору — он казался бесконечным, но в одном из залов, получавшихся при пересечении этого коридора перпендикулярными ему «больничными улицами», я увидел стеллажи с «объектами»...

Вокруг никого не было, я решил, что пришёл первым, стал ждать... Разглядывая произведения Аннелоры, лежащие на стеклянных полках...

Там были фигурки из металла, что они изображали или что они означали, мне было неизвестно, но от фигурок веяло такой серьёзностью... Они так важно поблёскивали — почти как детали машины, попавшей в руки фетишиста... Я знаю несколько ребят, которые шлифуют детали «жучков» (древних «Фольксвагенов») до ослепительного блеска, а тот из них, что побогаче, покрыл внутренности капота позолотой...

Есть у меня и знакомый скульптор — Мориц, который делает подобные «объекты», лёт из металла такие сквозные улитки...

* Район Мюнхена.

Но в фигурках Анни было больше силы, что ли... Я вообще-то нечувствителен к таким вещам, как «аура Адорно» и проч.

Но тут, повторяю, что-то почувствовал, и когда из-за угла коридора вдруг появилась Анни в сопровождении целой свиты врачей и пациентов — некоторые катились на колясках, ковыляли, гребли... Хотя были и прямоидушие, и в цивильных костюмах, и, судя по всему, такие же посетители, как я...

Анни радостно воскликнула: «Йенс!»

— Здорово! — сказал я. — Просто даже не ожидал... Не то чтобы лично от тебя, а что вообще такому толстокожему человеку, как я, может *так* понравиться какой-то кунштштюк... Но это действительно здорово, Аннелора... Bravo!

— Я рада, — прямо-таки вспыхнула она. — Старалась...

Я хотел продолжить, но тут кто-то спас меня — взял её за руку и что-то произнёс на ухо...

— Там человек интересуется, — шепнула Анни, — кажется, покупатель... Йенс, прости, я тебя должна оставить на минутку...

И она пошла к человеку, который пристально рассматривал какую-то абстрактную мазню — теперь только я заметил на стенах картины...

Я пошёл по коридору дальше и увидел, что они висят везде... Цвета: салатный, жёлтый, синий... Брррр... Отличались они только размерами...

И до меня наконец дошло... Что здесь на самом деле *выставляется*...

Хотя могла быть и живопись, и скульптура, или, как тогда уже стали говорить, «объекты»...

Может быть, это был первый вернисаж Аннелоры, который я посетил, я точно не помню...

Скорее всего — раз я настолько не разбирался тогда в её творчестве...

Что мне понадобилась помощь... Чтобы понять, что это там за железки на стеллажах...

Я спросил у одного из врачей, что там разложено...

Он сказал: «Это новейшие образцы искусственных суставов».

«Вот — шейка бедра из титана, вот хромированный мениск, а вот ключица из...»

Собственно, я всё это вспомнил ради того, чтобы сказать о состоянии, в которое меня тогда ввергло это открытие... На вернисаже Аннелоры, когда мне объяснили, что это за «объекты»...

Но сейчас я вижу, что вчера я был прав, когда всё это вычеркнул... Во-первых, всё равно невозможно это описать словами... Во-вторых, даже если бы это было возможно, это в самом деле было бы перебором после пересказа истории, рассказанной мне Ахимом перед смертью...

И в-третьих, я сейчас понял, что это подозрительно напоминает «Голубой период де Домье-Смита»...

«Insight» там происходит после того, как герой видит человеческие запчасти в витрине магазина или аптеки...

А с другой стороны, я настолько не люблю обскурантизм, замену слов на какие-то дурацкие жесты, подмигивания... Что пусть, пока суть да дело, и это воспоминание остаётся в тексте... Никогда не поздно «убрать лишнее», как говорил скульптор... Тем более, если в итоге должно остаться что-то не слишком человеческое — некий insight... Или даже Inside-out...

Или что-то в таком роде.

Мы поехали со Штефи к её родителям в Ландсхут. Там она наконец-то перестала касаться темы моего происхождения...

Я и так довольно странный для её родителей тип... Они довольно милые старички (Штефи — очень поздний ребёнок), но чересчур буржуазные, точнее, мелкобуржуазные по сути своей, несмотря на их бунгало, напомнившее мне в первый раз дворец императора в Запрещённом Городе: два «Ягуара» в гараже и всё такое прочее...

Ко мне относятся доброжелательно...

Но немного насторожённо... Зная, что мой отец был циркачом, вертопрахом...

Но всё же лучше, чем вообще никакого отца... То есть неизвестно, кто тогда отец... А вдруг?..

Поэтому Штефи не пересказывала им его последние слова...

Её отец приобнял меня за плечи ещё на пороге и препроводил меня в дом, на кухню...

Где мы стали молча есть тыквенный суп...

Мясные рулады с картофельным пюре и синей капустой...

Потом мы сидели в гостиной-библиотеке у камина и говорили о ценах на недвижимость...

Я не понимал, каким боком её отца это волнует, вроде, дом он продавать не собирался...

Мы пили красное вино, я смотрел на огонь, с какого-то момента от меня не требовалось участвовать в беседе...

Потом мы со Штефи вышли из дома подышать-свежим-сельским-воздухом-перед-сном...

Зашли наугад в какой-то бар, под ногами я увидел — сквозь стекло — бурный поток воды...

Это было красиво, но больше ничего хорошего там не было, играл унылый провинциальный джаз-бэнд, я взял Штефи за руку и хотел увести оттуда, но она уговорила меня остаться.

— Ты знаешь, что Ахим говорил со мной о Кастанеде? — сказала она, когда нам принесли напитки. Мне — местное тёмное пиво, ей что-то шипучее в высоком бокале с вишенкой...

— Ну и что? — сказал я. — Мой отец был вполне New-Age'вый тип, понятно, что его интересовали подобные вещи. И кстати, когда он этим увлекался, это ещё не было таким китчем...

— Нас учат тому, что китч — это то, что нравится, — важно сказала Штефи. Я не помню, говорил ли я, что Штефи учится в Мюнхенском университете имени Максимилиана... Надо ли уточнять, что на факультете искусствования?

— Ну и правильно вас учат, — сказал я. — Но ты к чему?

— А к тому, что у Кастанеды где-то говорится о том, что магу, чтобы стать полным, или как там это называется... Нужно забрать у своего ребёнка... Ключик? Или жало? Я точно не помню.

— Мгм, — насмешливо промычал я. — Отмычку...

— Ну что-то такое... Без чего он не может быть полным. И там даже техника этого дела описывается... Магу надо не отказываться от ребёнка, а вот именно отнять у него это самое жало... Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Послушай, — сказал я, — я и сам хочу оставаться сыном своего отца. Не надо меня в этом убеждать, о'кей? Потому что это имеет обратное действие...

— Ты что, маленький ребёнок?

— Возможно. Ахим включил какой-то механизм этим своим рассказом, я не могу этого отрицать. Я теперь заново переживаю свою жизнь, всё пересматриваю в другом свете... И, может быть, сейчас — как раз детскую фазу.

— Нет, твой отец в этом уж точно не виноват, поверь. Ты в этой фазе был и раньше, ты просто никогда из неё не выходил, Йенс.

— Ну и ладно, — сказал я. — Это всё, что ты хотела мне сказать?

Я долго не писал, так что теперь всё это будет выглядеть, наверное, ещё более хаотично...

Хотя... С другой стороны, не будет ли это приближением к литературе? Как таковой... Хотя бы на пушечный выстрел...

Не писал ли один из *Literaturfürsten**, что писатель — это только тот, кто свободно обращается с материалом, что персонаж просто обязан состоять из множества разных людей...

Ну или наблюдений за разными людьми, лучше так сказать, точно я сейчас не процитирую, а это вот «состоять из разных людей» напоминает скелет из фильма Руица...

* «Литературных графов» (нем.).

Да, я посмотрел этот скучный фильм, «Климт». Мы пошли, потому что предыдущий фильм Руица мне очень понравился, это было «Обретённое время», экранизация последнего тома эпопеи...

Я помню, что тогда я на него пошёл из какого-то мазохистского устремления, мне было и так херово и, прочитав в газете, что в «Музее кино» идёт экранизация «Обретённого времени», я подумал, что большой абсурд представить себе трудно... Как это можно экранизировать?

Но оказалось, что можно. Фильм — совершеннейшее волшебство, пардон, но у меня просто нет для него других слов... Как будто уснул с книгой, плавно проскользнув вовнутрь...

Другого Марселя, другого де Шарлю... Я с тех пор вообще не могу себе вообразить...

Поэтому, узнав, что в «Музее кино» идёт новый фильм Руица, где играет всё тот же Джон Малкович...

Я просто не мог не пойти, хотя чувствовал... Да ладно, теперь, конечно... мне кажется, что я всё заранее предчувствовал..! Зачем же тогда шёл?

Чтобы обсудить со Штефи всё это «на мета-уровне», хе-хе... Климт — Малкович — Пруст — Малкович... Ну да, «будучи Джоном Малковичем», становишься Марселем Прустом и видишь сквозь окошко, как развлекается де Шарлю, который... и есть Джон Малкович.

Что-то подобное происходит, кстати, и внутри «Being John Malkovitch», когда Малкович попадает в свою собственную голову через лаз на промежуточном этаже здания, отодвигает заслонку и...

«Я увидел то, чего не должен видеть ни один человек!» — говорит он после этого, имея в виду не приватность своей собственной головы, а пространство, заселённое одними малковичами... Ресторанное меню и вообще, по-видимому, язык, который состоит из единственного слова: «малкович»...

Так что, несмотря на то что это был уже другой фильм (но тот же режиссёр и — тот же Малкович), когда там какой-то эскулап

выкатил в коридор больницы, где отходил Густав Климт (лёжа в водяной постели — наверное, для плавности возврата в Единое), скелет, сказал, что это на самом деле — монстр, и начал перечислять: «Это — нога, взятая у французского солдата, погибшего на фронте в тысяча девятьсот пятнадцатом году, эта рука взята у серба, который умер в тысяча девятьсот двенадцатом» — и так далее... В этот момент, глядя на экран, я и вспомнил совет Пруста — что надо составлять фигуры романа из разных людей...

Я возвращался к этой мысли и позже, когда фильм стал совсем уже скучным, просто-таки *никаким*... Когда там эта модель, Адель... Устроила за простынькой театр теней, один человек в переднем ряду встал... Я узнал его профиль на фоне полутёмного экрана, это был видный видеокунстлер, профессор Академии искусств Клаус фон Брух...

Не так давно я с ним беседовал — на вернисаже в галерее «Гримм и Розенфельд», глядя в чёрной комнате «грибное» видео...

Видео как видео... Чего я его вспомнил? Ах да, оно было снято как бы сквозь тот же самый фильтр... Сквозь который Климт-Малкович приглядывался к новому бравому миру, доставая его то и дело из-за пазухи — такую пластиночку...

Я думал, что профессор фон Брух (кунстлер до мозга костей!) таким образом решил принять участие в происходящем на экране... то ли пустить туда погулять свою тень...

Но тень профессора решительно направилась к выходу — дойдя до конца, она соскользнула с экрана и одновременно из зала — хлопнув дверью...

А я чуть было не последовал за ней, но вспомнил, что я со Штефи... И должен был поэтому смотреть дальше — как тот же самый скелет появляется на экране ещё раз, потрясая на ходу своими ручищами разного происхождения...

Ладно, в конце концов, раз я так долго его пересказываю, фильм не совсем нулевой... Но страшно скучный...

Я бы на месте Руица просто экранизировал Пруста и дальше — все тома эпопеи, один за другим... Раз это у него так хорошо получается...

Но, по последним сведениям, он делает что-то другое, причём главную женскую роль будет играть дочь Пола Остера...

Хорошо ещё, что это был матинэ*, стало быть, целый день ещё был у нас впереди...

Посмотрев кино, мы проехали на велосипедах вдоль Изара к Райхенбахбрюке, там спустились к воде, по дороге прихватив в ларьке две бутылочки «августинера»**.

Мы сидели на асфальтовой плите у самой воды, наклонной, тёплой, смотрели на воду, потягивая пиво из горлышек, Штефи говорила о Климте, об «обратной экспроприации» его полотен, перекочевавших из Австрии в Штаты, проданных там по рекордным ценам...

Но я прервал её:

— Штефи, слишком много Климта... Да и вообще культуры... Для меня в один день...

— Должна ли я это понимать так, что ты не хочешь идти со мной на вернисаж к Тэду? — сказала Штефи каким-то странным голосом...

— Что ещё за Тэд? — спросил я.

— Я тебе говорила...

— Я забыл...

— Он — повар, художник и гитарист.

— Ну, это ещё ничего, — сказал я. — А что он играет?

— Блюз-рок, переходящий местами в драм-н-бейс... Он вообще-то из Австралии.

— Абориген?

— Почему ты издеваешься?

— Почему я издеваюсь? Я слышал, что там ввели специальную программу для поддержки художников-aborигенов, им теперь на-

* Утренний сеанс.

** Сорт баварского пива.

много легче попасть в галереи, чем просто австралийцам... Поэтому некоторые художники выдают себя за аборигенов... Так что твой Тэд вполне может быть аборигеном, даже если он не абориген...

— Смотри, — сказала вдруг Штефи и показала рукой, — вот он, настоящий абориген.

— Да нет, просто бомж. При этом вряд ли австралийский, — сказал я, глянув туда, куда она показала.

На другой каменной плите, гораздо более основательной... Возле самой опоры моста лежал человек, которого мы перед этим видели в драном кресле, стоявшем в высокой траве...

В районе Райхенбахбрюке Изар начинает делить своё русло поровну с широким травяным лежбищем — излюбленным местом множества котиков и кошечек, по вечерам там горят факелы, огромная поляна у воды занята так плотно, как будто там дают концерт!... Впрочем, мы в тот день были там в полдень, и кроме нас и бомжа с собакой никого не было, только зелень травы и зелень воды — все оттенки зелёного, и пятном на этом — красное кресло, в котором сидел белый человек...

Так мы его увидели с моста, а когда спустились к воде, он уже не сидел в кресле, а лежал у бетонной опоры моста на полотенце и больше не белел...

Полотенце было светлым, может быть, даже белым — когда-то, поэтому на его фоне... И ещё: рядом с ним мы теперь увидели большую — и действительно белую — собаку. Наверное, именно это заставило Штефи возразить мне:

— Он не бомж.

— Ты думаешь? — сказал я.

— Уверена, — кивнула Штефи.

Или всё это мы обсуждали уже после того, как этот тип обратил на себя наше внимание тем, что снял трусы у нас перед носом...

Он вдруг встал со своей подстилки и пошёл прямо к нам. Почти голый — в трусах-обтрёпках, загорело-грязный, местами покоцанный — густые синие ссадины или царапины... Не думаю,

что для Штефи это было такое уж приятное зрелище, хотя по-своему он был ничего...

В каждом мускуле его чувствовалось что-то первобытное...

Мы сидели так близко к воде, что можно было касаться волн пятками — что Штефи и делала, вода ведь была везде, и там, где этот тип был перед этим... и зачем он пошёл именно туда, где мы сидели?..

Нет, какого чёрта он должен был заходить в воду именно в том месте? Прямо перед нами?

Этот тип подошёл к нам вплотную и сказал: «Прошу прощения, я купаюсь без трусов».

Он как бы даже извинился, но таким голосом, что это выглядело скорее как издевательство. У нас просто не было в этот момент слов, мы со Штефи, как загипнотизированные, молча смотрели, как он снимает синие трусы, входит в воду, окунается и сразу же выходит, после чего — это было во всей последовательности его действий, пожалуй, самое отвратительное — он стал отряхиваться, как собака...

При этом собака как раз оставалась вдалеке, у его подстилки... Ей было как будто стыдно за своего хозяина, который стоял так близко к нам, что не одна или две... А просто все брызги полетели на нас...

Это был омерзительный душ, его тело не могло отмыться за такое короткое погружение в воду, и то, что с его поверхности теперь летело прямо на нас...

Мне показалось в этот момент, что потемнело вокруг...

Я открыл было рот и хотел крикнуть, чтобы он убирался прочь, но вдруг осознал, что бесполезно — именно потому, что это божж — ему всё как с гуся вода...

Я схватил Штефи за руку, и мы буквально перелетели с ней на другое место, это случилось практически мгновенно...

И вот мы уже снова сидели, точно так же, как перед этим, возле Изара, глядя на рифлёную воду...

— *Arschloch**, — сказал я. — *Arschloch, Arschloch, Arschloch!*..

* Мудак (нем.).

— А чего это ты теперь его обзываешь? — сказала вдруг Штефи с нескрываемым ехидством. — Когда он ушёл? Почему ты *ему* это не сказал?

Я немного отодвинулся и посмотрел ей в глаза... И увидел такую тьму веков, что... У меня перехватило дыхание... Передо мной была другая Штефи...

— Тебе хотелось, чтобы я начал с ним драться, — прочитал я вслух огненные буквы — там, в глубине её глаз, — с голым бомжем...

— Может, это и не бомж...

— С этим питекантропом, чтобы мы начали рвать друг друга зубами, когтями... У него на теле уже много таких следов... Тебе ведь этого вдруг захотелось, правда?

Штефи немного растерялась и не сразу нашла, что сказать... Ясно было, что я в точности прочёл её мысли...

И всё это было в вопиющем противоречии со всеми её декларациями, с её презрением к «этим примитивным самкам» вообще, со всем багажом культурной баварской девочки... Куда только всё это делось?

— Не надо, — сказала она через две-три секунды, — ни с кем драться, Йенс. Пойдём лучше кушать.

Но вокруг теперь всё было по-другому, небо заволокло, может, на самом деле, облаками, бомж лежал у моста на своей подстилке, собака смотрела на нас... Я подумал, что ничего на самом деле не меняется, только вода течёт, да и то... Только потому что с гор — есть наклон, поэтому так быстро...

Прежде чем мы пошли в остерию, я уговорил Штефи зайти на минутку в церковь святого Максимилиана, до которой от моста так же близко, как до остерии...

Я думал, она будет смеяться, как всегда, но она не смеялась, и когда мы сидели на скамье, Штефи была молчалива, сосредоточенна, не меньше, чем я... Странные мысли были в тот момент у меня в голове, опять же я не возьмусь их излагать, всё-таки «о чём говорить нельзя»...

Просто хорошо, что рядом была церковь Максимилиана, огромная и пустая, там можно было посидеть несколько минут на скамье... Когда мы вышли, безумия, пригоршню которого бросил в нас этот австралопитек, уже не было в воздухе... И вечером мы пошли-таки на парти к настоящему австралийцу.

Картинки Тэда были ничего себе, как бы офорты, выполненные на ломтях чёрного хлеба, я это не сразу заметил — такой тёмный обод в форме ломтя (зато вспоминал потом не раз творения Тэда — когда резал хлеб)... Рисует он то, что видит ежедневно: шеф-повара, поварят, кухню, шиш-кебабы... Ещё — розовых девушек, как же без них. Наивные такие рисунки, никакого, впрочем, омерзения у меня не вызвавшие... По-моему, за гранью добра и зла...

Но вернисаж, тем не менее, запомнился, потому что этот «мультиалант» играл с тремя другими поварами на гитарах и кастрюлях, что-то они пели, а главное — часть публики с какого-то момента стала танцевать. И вот это мне как раз запомнилось: две страшноватые женщины... Почти лилипутки: им не хватало, или точнее, у них было лишних, наверное, сантиметров десять, чтобы официально считаться лилипутками... Но они застряли в промежуточном состоянии, как будто их уменьшали в специальном приборе... И в последний момент уменьшитель дал сбой... И это отпечаталось на их лицах — прерывание процесса уменьшения...

Короче говоря, мне казалось, что *diese Zwerge haben groß angefangen**...

Они единственные танцевали — в нелепых платьях из аляповатой синтетики... Всё время в руках у них были бокалы с шампанским или белым вином...

Также их лицам не хватало совсем немного, чтобы быть азиатскими... Вроде бы разрез глаз был азиатским, но в силу общей

* «Карлики начинали большими» — несколько видоизменённое название фильма Вернера Герцога «Карлики тоже начинали маленькими».

их нечленораздельности, вызванной, как я уже сказал, уменьшением, трудно было понять, откуда взялись эти женщины, из Индокитая или Восточной Европы...

У Штефи они вызвали чёткие ассоциации со старыми фильмами Линча...

Так или иначе, пляска производила сильное впечатление... Не только на меня и на Штефи, но ещё и на финнов, которые были на вернисаже...

Финны снимали карлиц сразу на две или три видеокамеры, при этом у них не хватало терпения на съёмку, им хотелось одновременного просмотра, и они забегали в будущее, они как бы уже сидели в своих Хельсинках и показывали гостям запись путешествия в Мюнхен...

Впрочем, они и мне предложили взглянуть, их «пёрло» от этих кадров... Я вежливо глянул в экранчик... И убедился, что главного там нет — воздуха...

Воздух, да, просто сам воздух в тот день был какой-то странный... Так что творилось чёрт знает что, тут и там — как бы вспышки безумия... Я на самом деле подумал тогда, что солнце тут играет не последнюю роль, какой-то всплеск был в его активности — именно этим объяснялось и поведение Штефи на Изаре, и то, что полыхнуло на её глазных днищах, когда я туда заглянул...

Когда же мы, насладившись творчеством Тэда (про его кулинарную составляющую я чуть было не забыл упомянуть, всей еды той было... Какие-то цыплячи крылышки — их следовало макать в соус «тортилла», который я ненавижу), сидели в кафе «Бетховен» и поедали десерт, вошёл индус в красной куртке — разносчик «Абендцайтунг»*...

Когда он проходил мимо нашего столика, Штефи вскрикнула: «Мой дом!»

Разносчик сразу же оказался возле нас, Штефи купила у него газету...

* Вечерняя мюнхенская газета.

На первой странице на самом деле была фотография кремового здания в югендшtile, в котором она снимала квартиру...

При этом из нескольких окон валил густой чёрный дым...

Оказалось, что пока мы с ней сидели у Изара, в её доме взорвалась бомба...

Штефи читала газету вслух, в этом месте она прервалась и посмотрела на меня...

— Как ты думаешь, кто это сделал? — спросила она.

Я пожал плечами и сказал:

— Исламисты? Зомби из «красных бригад»?

— А вот и нет, — сказала Штефи. — Но это же уму непостижимо... Её взорвал мой сосед по лестничной клетке.

— А на хрена?

— Он хотел взорвать другого соседа, подложив в его квартиру бомбу с часовым механизмом, но во время закладки... Сам взлетел на воздух... Слушай, мне это всё не снится?

— Ты окружена террористами, Штефи... Знаешь, переезжай лучше на время ко мне...

— Но это же уму непостижимо... Подрывнику шестьдесят семь лет, он влюбился в подругу соседа... И решил его взорвать...

— Не может быть, — сказал я. — Такое бывает, скорее, в бульварных... романах.

Штефи протянула мне газету.

Я быстро прочитал статью и понял, что это был всплеск не её фантазии, а чьей-то — или чего-то другого... Может быть, всё-таки солнечной активности?..

— Сдалась тебе эта активность, — фыркнула Штефи.

— Просто на днях на месте снимка твоего дома была фотография солнца с близкого расстояния, и написано было, что в следующие дни...

— Вернись на землю, Йенс! Это мои соседи! Я каждый день их видела...

— Ты каждый день их видела? Я своих почти никогда не вижу...
Слушай, а может, это вообще из-за тебя?

— Тебе бы всё шутки шутить... Ну я не каждый день их видела, конечно, но я знала этого старикашку, он был очень мил... Второго — которому предназначалась бомба — я редко видела, он был помоложе, всегда загорелый такой, в костюме, благородно-седой... Нет, Йенс, это не из-за меня, ты читай, что там написано: «блондинка»!

— Мало ли, что написано, может, специально скрывают твою «айдентити»...

— Йенс, хватит шутить! Читай! Человек погиб! Дом оцепили! Всех эвакуировали! Потому что он у себя в квартире мастерил адские машины пачками...

— Я и говорю: перебирайся ко мне.

— Сегодня я точно буду у тебя... А завтра посмотрим... Нет, это уму непостижимо...

— Да, странно на самом деле. И то, что он сам подорвался... Хотел занять его место... И занял, да? Скоро у тебя начнёт звонить телефон, все будут спрашивать, жива ли ты.

— И правда, почему никто до сих пор не звонит? Я сама позвонила родителям, — она взяла в руку телефон и сказала: «Мам, ты ничего ещё не знаешь?» После чего стала снова читать вслух передовицу «Абендцайтунг»...

Глядя на её воодушевившееся лицо, я вспомнил, как она... по сути, провоцировала меня на речке... и подумал, что сегодня, наверное, просто день такой...

Международный день самки... Ну и, соответственно — дерущихся самцов...

Но ко мне это имело мало отношения, скорее у меня был свой... День сурка — как-то это было связано с солнцем, я всё же всё объясняю его активностью — вслед за «Абендцайтунг»...

Впрочем, когда мы пришли ко мне, я понял, что для раздражительности была ещё одна причина — у Штефи начались месячные...

Карлос Кастанеда, которого Штефи вспоминала в Ландсхуте (я после этого снимал с папиной полки один за другим тома — искал это место про деток, у которых надо отнимать золотой ключик, или жало, или затычку... Но не нашёл ничего похожего, зато между делом я почитал немного, тут и там, и в частности — про метафизический смысл менструаций), писал, что в это время разverzается трещина между мирами...

На этот раз она разverzлась величиной с Большой Каньон...

И мы со Штефи оказались по разные его стороны...

Хотя и не сразу... В тот вечер всё прошло довольно мирно, мне кажется, что настоящий разрыв произошёл через неделю или две.

До этого я случайно подслушал её разговор с Гизеллой, и это тоже послужило толчком... Причём то, что я не мог признаться в подслушивании, только обостряло ситуацию, потому что такие вещи, не будучи выговоренными, отягощают душу...

Штефи не заметила, как я вошёл в квартиру, потому что сидела на балконе, а я — не для того, чтобы шпионить... Я просто так... Опустился в кресло и стал смотреть на её затылок...

— Ну ладно, — сказала она, — мне надо готовить ужин... Да, представь себе... Ну да... Я сама не знаю, зачем мне это нужно... Играть роль матери... Которой у него никогда не было... Гризли, ты права, я сама не знаю, зачем мне всё это...

Я встал с кресла и так же тихо, как пришёл, вышел за дверь. Тогда ещё не совсем, просто мне не хотелось, чтобы Штефи узнала, что я слышал... Я думал, что это пройдёт, рассосётся, и не зачем поэтому ей знать, что я знаю...

Чёрт возьми, что она такого делала мне материнского? Один раз в месяц готовила ужин?

Это что, только матери делают?

Я думал сразу же вернуться, просто позвонить в дверь... Она бы спросила, почему я не пользуюсь своим ключом... Но выйдя на улицу, я почувствовал, что мне хочется побыть одному. Зашёл в бли-

жайший бар, взял single malt... Я подумал, что они все такие: Штефи, её подруги, подруги её подруг и так далее...

«Ну, не знаю, если совсем далеко зайти... — думал я. — Может быть, где-то и есть ещё женщины, которые способны если и не стать матерью... И не играть её роль... То, по крайней мере, не говорить подобные вещи... После которых даже не знаешь, о чём вообще говорить...»

Может быть, где-то во Вьетнаме или на Филиппинах есть ещё женщины...

Может быть, я так и поступлю, когда решу жениться: привезу маленькую женщину с Филиппин...

Или большую тёплую бабу с Урала или с Украины...

Но жениться мне рано, а в том, чтобы менять Штефи на одну из её подруг, я не видел никакого смысла...

Да и не в этом было дело, просто я почувствовал себя... Как будто меня не достали из ящика для краденых картин... А оставили там лежать — навсегда...

В баре, кроме меня, никого не было... То есть вокруг меня сидели люди, матери которых были умны и просто не рожали их, и всё... А моя мать была дурой... Рожать в те годы было ведь совсем уже глупо, все мало-мальски модные и умные женщины, а также те, что хотели ими стать... Заводили себе детей *мысленно*... По сути, их мыслеформы и заселяют теперь этот город — этих детей...

Это совсем не смешно, я знаю, о чём говорю...

Моя соседка, фрау Либескинд, завела себе такого... Лет тридцать тому назад... То есть примерно тогда, когда... Эта безмозглая девчонка родила меня физически...

Причём, в отличие от моей дуры, фрау Либескинд регулярно отправляет своему сыну письма, хвастает перед нами его успехами... Он достиг несравнимо больших высот, чем я...

Она мне много успела о нём рассказать...

Пока другой сосед не нашептал мне, что этот «сын» — плод её фантазии...

После этого фрау Либескинд перестала со мной говорить — она будто чувствует, веришь ты ей или нет, и как только перестаёшь верить, ты ей уже больше не нужен... Но ты не один, есть другие!

Поэтому в городе так безлюдно по вечерам, да и днём нигде ни души — вы же видели...

На самом-то деле они есть, эти «плоды женского воображения», их можно при желании разглядеть...

Не может же быть, чтобы все эти дома, старые и новые, стеклянные соты офисов... Были предназначены только для горстки таких же бастардов, как я...

Нет-нет, вокруг спуют невидимые *дети умных женщин*, т. е. «дужи», я-то их знаю, я их чувствую за версту...

Вы не чувствуете, я понимаю... А зачем это вам? Вы ведь турист...

Если всё же вы чувствуете, что вам это необходимо, загляните как-нибудь в подземный переход на Максимилианштрассе, прямо возле кафе «Рим»...

Снаружи вы увидите спускающиеся по эскалатору растения — на поверхности «дужи» иногда выглядят как растения, которые плотной толпой спускаются по эскалатору в подземный переход...

Чуть не написал «в метро», но это не метро, это видеопереход, хальт, он называется «Макс-форум»...

Кусты конопли, которые спускаются в метро, на самом деле текстильного сорта, листья их не вставляют — от них, хальт, не прёт... Эскалатор же, в свою очередь, неподвижен, он давно стоит на месте...

Возле аэропорта есть целое поле такой конопли... Летом, во время WM*, там трактором, что ли, вырезали картинку: два футболиста борются за мяч...

Штефи глянула в иллюминатор, когда летела в Стамбул и, увидев их, охнула...

* Чемпионат мира по футболу.

Сосед объяснил ей, что это — конопляное поле, что это «безопасный» вид конопли, так что это — никакая не галлюцинация...

Короче, в этом месте у нас вместо прихода — переход...

Где с обеих сторон стекло, вы пойдёте между двух огромных стёкол, за каждым из которых — видеоинсталляция, хальт, замкнутая на себя самоё...

То есть это не реклама и не кино, это искусство... Ради искусства!

Зрителей нет, и зачем, спрашивается, это крутится там в бесконечном цикле, нон-стоп круглые сутки...

Для дужей, хальт, для кого же ещё... Они это любят и всегда там толпятся, так что если вы будете там стоять и смотреть сквозь стекло, вы их почувствуете — рядом с собой...

Что, неужели по-прежнему не...?

Монтирует эти инсталляции Дирк, мой приятель. Он сидит там за стеной, покрытой голубым кафелем, есть такое незаметное, ничем не выделяющееся окошко. Когда Дирк на работе, оно слегка приотворено, как створка сейфа, и если в него крикнуть «Дирк!», оно может открыться, а потом и целая стена голубого кафеля отъедет, и оттуда выглянет лысый, маленький и очень крепкий нибелунг — Дирк.

У него там есть и собственная мастерская, где он красит картины, так что вряд ли он вас пропустит туда — чтобы вы посмотрели сквозь стекло с другой стороны и увидели дужей своими глазами...

Но может, и пропустит — спросите его, за спрос в нос он вам не даст... И вы тогда убедитесь, что я говорю правду — там, в подземелье, можно увидеть дужей... Особенно, если смотреть с другой стороны.

2. НАРУШЕНИЕ ЗАКОНА ОБ ОТРАЖЕНИЯХ

Я говорил, что в моей компании появилось несколько тёзок? Пришёл черёд рассказать о первом.

Йенс № 1 — выпускник Академии искусств, автор и исполнитель перформанса «Ивл Канивл», с которым он и разъезжает по всему свету. Я увидел его впервые в «Атомном кафе», в Мюнхене: он танцевал в майке из американского флага, похлопывая себя по бокам и по ляжкам, на фоне белой стены, заляпанной красной пятёрнёй... Потом, когда он уже не танцевал, а кочевал по залу со своей неизменной улыбочкой и пузырьком пепси, я подошёл к нему и спросил, почему он сделал такой перформанс? Ивл Канивл ведь каскадёр — я подумал об Ахиме, который так подрабатывал... Не прыгал на мотоцикле через десятки машин, нет...

Ахим делал другие трюки, но всё равно: каскадёрствовал...

Йенс пожал плечами, улыбнулся и сказал, что этого он не знает, почему, зачем... Но после окончания Академии только и делает, что этот перформанс...

Первое время после знакомства, встречая Йенса, я иногда спрашивал у него, что новенького... Йенс каждый раз расплывался в довольной улыбке (этот мой тёзка полный, у него есть двойной подбородок, не говоря о животике... Замечу, что остальные Йенсы весьма худощавы, включая того, кто всё это зачем-то записывает) и произносил: «Ивл Канивл!»

А потом в статье о Йенсе в журнале «Неон» кто-то написал: «Талант — вот главная новость!»

Так что, в самом деле, что за глупые вопросы? Зачем умножать перформансы?

Хватит уже, что Йенсов и без меня — целых три... Одного я описал, до второго и третьего ещё дойдёт очередь... Но может быть, начать надо было бы всё-таки с себя?

Ну, что мне сказать... pro domo... Я не закончил университет, может быть, я туда ещё вернусь, но будет ли это мой прежний факультет — математической лингвистики — или другой какой, я пока не знаю. Я в академическом, б...ь*, отпуске, так что оставьте меня, пожалуйста, в покое... Ничего я не делаю**... Или всё сразу, в зависимости от настроения... Отпуск мой — академический — слегка затянулся, хальт... Но разве я один такой? Скорее, я — правило, чем исключение... Надо только вовремя вернуться, если я хочу работать по специальности... Ясно же, что скоро машины начнут сами писать свои языки... А тогда получится, что три года жизни пошли насмарку...

Но пока у меня нет желания возвращаться из «академки»...

Стало быть, в тот вечер я ехал на перформанс Йенса, на 19-м трамвае по Максимилианштрассе.

Мне важен сейчас только тот момент в трамвае, при выходе из трамвая... Но, чтобы закрыть тему первого Йенса (Йенса-карикатуры на моего отца — ведь мой отец иногда подрабатывал каскадёром... Играл роль пронзённого стрелой — он читал мне во сне стихи Гейне, которого вчера кто-то в «Süddeutsche» назвал «единственным немецким easy-rider'ом», но меня куда-то снова заносит... Хотя Easy-Rider и Evel Knievel — не одно ли и то же?)... Короче говоря, Йенс в тот вечер добавил к своему перформансу несколько новых деталей. Во-первых, он пританцовывал перед

* В оригинале и здесь стоит слово «halt», имеющее другое значение, но используемое с такой же целью «украшения» языка, и к тому же похожее по звучанию, так что я ставлю для пробы его русский аналог.

** Нет, я подумал, что «б...ь» не подходит... Я буду просто опускать эти «хальт», по крайней мере, через раз, ОК?

треножником, на котором он грилил куски мяса, а во-вторых, рядом стояла тумбочка со стареньким телевизором, на экране которого шли «Страсти Христовы» Мела Гибсона...

Я машинально смотрел на Йенса, который тряс своими теле-сами в майке из звёздно-полосатого флага и в сотый раз пытался угадать, какая картина была в принявшем меня в свои объятия «бункере»... Когда я туда упал — что там лежало?.. Если вообще там была какая-то картина — отец не успел мне это рассказать... Я решил найти его старого друга Феликса Шварцхольцера, чтобы его расспросить про тот период — а вдруг... В общем, ход мыслей мой был прежним, я думал о приёмнике для картин, об Ахиме, о том, была ли в его шутке доля...

Но был в тот момент и ещё один пунктик... Из головы у меня не шёл тот самый тип, которого я встретил в трамвае... Тот самый тип, который за несколько дней до этого светил перед нами своей голой жопой и длинным татуированным х...м... Это был тот же самый тип, я узнал его, естественно, не по татуировке — в трамвае он был не наг...

Но нагл... Да и что там у него на х...е было изображено, я тогда не успел разобрать... Может быть, это были боевые шрамы... На теле ведь у него точно были шрамы, а не татуировки...

Частые-частые такие, синие штрихи, я, по-моему, писал, что он был весь испещрён ими, как штрих-кодом...

Но теперь я этого не мог видеть, потому что он был в одежде — брючки цвета сыра с плесенью, растянутые в коленцах, серая рубашечка, рюкзачочек... Всё это я увидел, обернувшись...

Обернулся я, чтобы увидеть воочию обладателя коричневого пальца с чёрным ногтем...

Который опередил мой палец и нажал на кнопку...

Было так: я хотел нажать на кнопку, дать водителю знать, что хочу выйти на следующей остановке, возле «Макс-форума»... Потому что я хотел зайти туда — меня пригласил толстый Йенс на очередной свой перформанс, при этом программа была большая, современный балет за стеклом, а по эту сторону должны были быть

роботы-диджей... Да так оно и было, винил в тот вечер ставили железные дровосеки... Поэтому я хотел нажать на красную кнопку... Чтобы трамвай остановился на следующей... Но в момент, когда мой палец уже фактически её коснулся (я всё делаю медленно и на кнопки тоже нажимаю всегда в некоторой задумчивости, не уверенный, что на самом деле хочу выходить на следующей, вот и в тот момент я думал: зачем мне в очередной раз смотреть перформанс Йенса? Но я вспомнил, что там будет ещё много всякой всячины, к тому же Йенс обещал, что в этот раз «Ивл Канивл» будет с какими-то наворотами, поэтому я искренне хотел коснуться кнопки, более того — её нажать... Но меня опередили... Причём сделали это грубо)... Возле моего пальца вдруг возник чужой палец, оттолкнул мой и нажал на красную кнопку, которую я собирался на...

Первая мысль была: палец принадлежит слепому...

Но тут же я подумал: а как он тогда мог увидеть кнопку?

Впрочем, слепые могут на ощупь... знать весь трамвай... Всё это пронеслось у меня в голове и напоследок — вопрос: а могу ли я видеть его, если он слепой... Да, я помню, что не сразу обернулся, как будто предчувствуя, что там стоит это чудовище...

Я мгновенно его узнал, мне не понадобилось даже переводить взгляд на его собаку...

Мне стало не по себе... Почему этот тип должен был входить в Изар именно в том месте, где мы сидели? Почему он должен был нажимать, отталкивая мой палец, ту самую кнопку, которую я нажимал? Почему?! В трамвае было ещё штук двадцать таких же красных кнопок — на каждом поручне... Нет, ну зачем ему было на неё нажимать, если это делал я? Какая разница, кто на неё нажмёт, результат-то один, впереди загорится красным надпись: «Wagen hält»*...

Так делают дети, подумал я, детям важно самим нажать на кнопку, они просят «дай я, дай я нажму»... Потому что вряд ли он сле-

* Трамвай остановится (нем.).

пой: даже если он случайно — вслепую — выбрал для купания именно то место, где мы сидели, он бы тогда не стал просить у нас прощения — он бы нас не увидел...

А теперь он шёл передо мной по Максимилианштрассе... Перед лицом он держал мобильный телефон — одной рукой, а пальцем другой — нажимал на кнопки... Писал SMS, очевидно, потому что к уху он телефон так и не поднёс... Если это вообще был телефон, а, скажем, не пульт дистанционного управления...

Он шёл по Максимилианштрассе с большой белой собакой, нажимая на кнопки, наверное, всё-таки телефона, который он держал перед собой... Может быть, я и раскусил его в тот момент, может быть, это был сумасшедший, который думал, что в руке у него пульт remote control и он управляет всем в округе... Поэтому он и оттолкнул мой палец в трамвае — от кнопки, — потому что на кнопки имел право нажимать только он...

Обо всём этом я продолжал думать уже под землёй, в «Максфоруме», глядя, как Йенс в звёздно-полосатой майке пританцовывает у дымящейся шашлычницы...

Может быть, он всё же слепой? — думал я... Ну не может взрослый человек вот так оттолкнуть чужой палец, чтобы самому нажать на ту же самую кнопку... Хотя если он сумасшедший...

Но почему он и в воду входил там, где был в тот момент я? Что, если его «перформанс» — бомжа, а не толстого Йенса — никак не был связан со Штефи, — как я подумал после того, как она чуть не спровоцировала меня на драку с бомжем...

«А что, если...»

Но в случае, если бы я додумал тогда эту мысль до конца, я бы с неё и начал свои записки...

Нет, я *ощутил* эту мысль, пощупал... Но словами передать её, наверное, нельзя...

Словами вот что можно сказать: я почувствовал, что этот бомж даже не житель другого мира... Но что он — *результат* накладки... Пересечения разных миров...

Я вспомнил «Соглядатая»... Но тут же понял, что это слишком нелепая инсценировка, в это просто невозможно поверить... Это ведь был не Смуров, в котором, хоть и скрепя сердце, можно было бы признать под конец себя самого...

Это был человеческий зверь, даже не питекантроп... Полная противоположность всего, чем напичкана моя голова...

Кто-то может возразить — как раз проекции бывают диаметрально противоположными...

Я не буду спорить, в стереометрии и в психоанализе я не слишком силён. Но за то, что в этом типе я не увидел себя — за это я ручаюсь... Я, скорее, просто вспомнил про Смурова... И сразу сказал себе, что это не я... И тогда я подумал... а не мой ли это отец? Я имею в виду не Ахима, конечно, а неизвестного мне *биологического* отца, если Ахим перед смертью сказал правду...

Эта мысль шевельнулась у меня ещё когда я шёл за ним по улице... И на другой стороне заметил огромную рекламу нового сорта пива Löwenbräu: «Urtyp — Vollmundig mit Charakter!» — было там написано огромными буквами...

Это была подсказка — мне, потому что, попав ко мне в голову, «Urtyp» сразу превратился в «Urvater»... А после этого осталось только отбросить приставку «иг»... Что я и сделал — точно так же, как это делают, решая уравнения методом «подстановки»...*

* Urtyp — прототип, Urvater — праотец, Ur — приставка, а Typ — просто тип... Это ур-чание Йенса мне напоминает не метод подстановок, а скорее «интеграл типа Коши» и то, как профессор Левин, читая нам лекцию, сказал «Слово “типа” относится в данном случае к интегралу, а не к Коши». Впрочем, я не знаю, как будет «интеграл типа Коши» по-немецки, и не буду смотреть в справочник, я перевожу слова в другую сторону, а это длинное примечание вызвано просто радостью узнавания... Ну и потом: я вообще думал выбросить этот абзац с перестановкой приставки «иг» как малопонятный, но, поразмыслив, решил, что не буду делать полный ge-writing (хотя Йенс дал мне и такие полномочия), а только переводить, более или менее свободно, ну да и болтать в сносках тоже обещаю поменьше.

Какие-то мысли пронеслись после этого сквозь мою голову... Слишком быстро — как Изар сквозь Мюнхен... То есть этот питкантроп перешёл с Максимилианштрассе прямо в мою голову и... Точно так же, как он выталкивал меня из меня самого — в наружном мире, он стал выталкивать Ахима — из моей памяти...

У меня перед глазами разыгралась вдруг сценка, которую я увидел, когда был ещё маленьким мальчиком... Мне было шесть или семь лет... Отец взял меня с собой в тренировочный поход, причём это было не в Альпах — это я точно знаю, но где именно было, не помню... Пиренеи, Гималаи, Анды?.. Я не помню, но это не играет роли... Просто клочок каменистой суши перед пропастью, какая разница где...

Несколько дней мы жили на этой стартовой площадке, я, отец, его тогдашняя подруга-трюкачка, её маленький сын... Такой же примерно, как я, может быть, на год старше...

Сейчас мне, правда, кажется, что там были и другие люди, может быть, это и так, но я их не запомнил... Сцена, которую я заново увидел, стоя в «Макс-форуме» и глядя не только сквозь стекло, но и сквозь всё, что там было за стеклом, — сквозь балет...

Хотя, может быть, каким-то случайным движением один из танцоров и выдернул из моей памяти эту сцену... А не только Уртюп, который, в отличие от танцоров, отнюдь не был статистом — он чуть не занял в памяти центральное место отца...

Я как бы заново открыл глаза, проснувшись ни свет ни заря на расстеленном брезенте, рядом с мальчиком, имени которого я теперь не вспомню... И увидел отца, расхаживавшего по-над пропастью... И там же стояла его... Магда?

Пусть будет Магда... Отец то и дело наклонялся, подбирал что-то с земли и бросал вниз... Но оттуда дул сильный ветер, и то, что он туда бросал, возвращалось назад...

Магда смеялась — я видел... Я не выдавал себя, и они не знали, что я проснулся, когда они поворачивались в нашу сторону, я просто прикрывал глаза... Почему? Мне показалось, что они хотят это сделать, пока мы спим... Замести следы...

Отец пытался сбросить с площадки разбросанные там розовые штучки... Которых не было видно ещё вчера... Очевидно, они лежали под их расстеленной палаткой... Их накопилось много за эти три дня...

Но ветер возвращал их... И тогда отец сделал вот что: он поднял с земли маленький камешек, положил его туда, раскрутил, как пращу и кинул... И на этот раз ничего не вернулось...

Так же Ахим поступил и с остальными... Это было очень странное зрелище, и, по-моему, с какого-то момента я понимал, что именно отец сбрасывает вниз... Хотя понимал ли я, для чего нужны были эти штучки?

Я смутно помню, что, просыпаясь ночью, я слышал сдавленные стоны или шорохи, доносящиеся как бы из пропасти... Гнездо Магды и отца было расположено гораздо ближе к краю, чем наше с Миши — вспомнилось его имя... Но что там происходило, я, конечно, не видел, и когда я смотрел, как отец раскручивает камешки и бросает их в пропасть, я, скорее всего, напрямую не связывал эти предметы с тем, что слышал во время ночных пробуждений...

Просыпаясь ночью, я быстро увлекался совсем другим — надо мной было такое небо, какого больше нигде и никогда... Было страшно — так близко и так ярко оно провисало... Звёзд было так много, что, когда одна из них срывалась, казалось, что чёрная материя сейчас окончательно порвётся — наступит какой-то немислимый, сиреневый день...

Я жмурился, снова открывал глаза, синие угольки срывались так часто, что я уже к этому привык, хотя вначале боялся... Ну да, я хотел пойти к отцу, но слышал там стоны и не шёл...

Это звучит слишком эпично, я понимаю, но это же так и было: я боялся звездопада, но не мог перебежать к отцу, потому что там, где он лежал с Магдой, была пропасть, в которую можно было легко ступить в темноте...

Я спрашивал отца, не могут ли звёзды в нас попасть, но днём спрашивал, на следующий день...

И вот теперь, переживая заново то, что я видел в глубоком детстве... Стоя в подземном «Макс-форуме», я думал о том, что сперма отца могла иметь ко мне такое же отношение, как камни...

«От кого же я был рождён? — думал я. — От отца родного или непосредственно от матери-и...»

«Есть же теория “панспермизма”, которая говорит о том, что жизнь на Землю принесли метеориты или что-то в таком роде...

Но она, вроде, была опровергнута, когда открыли жёсткое космическое излучение... Или не полностью опровергнута?»

Может быть, по этой причине туда и пролез Уртюп...

Как посредник между протоматерией и Ахимом...

Пока ещё он там был не один, он стоял рядом с Ахимом, но того и гляди — казалось — толкнёт Ахима в пропасть... после чего займёт его место...

Чтобы это не случилось, я заказал себе тройную порцию водки со льдом, закрыл глаза и стал тереть виски...

Это помогло... Точнее, это помогло вспомнить что-то похожее на наскальную сцену... Но гораздо более красивое... (И романтическое, да? Na und? Я — последний романтик...) Вспомнить то, что вытеснило бы наконец из головы предыдущее воспоминание... Просто заняло его место и всё — механизм замещения... Щёлкнул... И я увидел, как отец вкладывает камушек — точно такого размера... Но не в презерватив... А в резиновый наконечник волана...

Где-то не в горах, а теперь уже во Флахландии*, может быть, в Гамбурге, в тот день был сильный ветер, и мы не могли с ним играть в бадминтон, волан уносило чёрт знает куда...

Точнее, я не мог, Ахим-то умудрялся его принимать, но я, в отличие от отца, не умею летать...

А когда отец положил туда камушек, волан стал двигаться по чёткой траектории... Тютелька в тютельку... Ветер теперь

* То есть на равнине (нем.).

был — не помеха... Но так далеко воланчик стал теперь летать — хоть и плавно, и предсказуемо, что мы с Ахимом — теперь мне уже было лет двенадцать — стали расходиться друг от друга...

Всё дальше и дальше... Пока Ахим не предложил вообще... Стать по разные стороны дома, во дворе которого мы с ним играли, не помню я, в каком городе... Дом был многоэтажный, пять или шесть...

«Жди, — сказал он, уходя в соседний двор, — сейчас прилетит».

Я стал ждать и действительно увидел, как над крышей пролетел... Этаким ангелочек...

Волан был тогда с настоящими перьями, причём в нём осталось уже только одно, максимум два пера — поэтому он и летал так далеко... Я знаю, потому что потом, когда я проделал подобное с другим воланом, он так далеко не летал... И я не мог понять, как же тогда... Не приснилось ли мне? Пока не вспомнил, что волан был тогда совсем другой — с белым пером...

Я даже смог его принять... Он ударился о сетку моей ракетки с глухим звоном и полетел назад — через крышу... И через какое-то время снова вернулся... Может быть, всё-таки это было во сне?..

Нет-нет, наяву, я это хорошо запомнил...

Стоя в «Макс-форуме», я подумал, что неизвестно, кто подавал... Потому что Ахим зашёл за дом, и я его не видел... Просто оттуда прилетал ангелок... И летел назад...

С другой стороны, если отвлечься от того, что там — в горах — он раскручивал камушки в презервативах... Кажется, что Ахим там играл в ту же игру, а это уже ближе к делу...

Дело же было в том, что Ахим играл в «йо-йо» с Земным Шариком... Я догадался, когда однажды в его присутствии кто-то начал: «Дайте мне точку опоры, и я...» — Ахим громко сказал: «А у меня она есть!»

Он слегка поворачивал этот мир каждый раз... Ровно настолько, чтобы очередной трюк удался...

Не записывайте нас с Ахимом в сумасшедшие, я шучу, конечно... Шучу!

Просто в самом деле казалось... Например, когда Ахим делал эти упражнения — перед полётом или затяжным прыжком... Похожие на что-то восточное, но я знал, что он сам их разработал...

Или, скажем, играл в «йо-йо» с презервативами, в которые вкладывал камешки, прежде чем запустить их в пропасть...

— Странно, что он это делал — бросал со скалы, потому что внизу кто-то мог идти, и потом, ты же знаешь, Ахим был очень чистый человек...

— Поэтому он, уходя, и расчищал площадку, — сказала Штефи. — Потому что любил оставлять после себя чистоту...

— Да нет, я имею в виду, что при детях размахивать такими вещами...

— Он ведь думал, что вы спите.

— Он знал, что я часто лежу с полуприкрытыми веками... Не верится, что это был он, знаешь... И в то же время я так чётко вспомнил...

— Так кто же там мог быть, если не он?

— Не знаю я... Пращур с пращой?

— Погоди, это ведь тебе не приснилось? И ягод ты в тот раз не объелся?

— Нет... Но мог ведь кто-то случайно идти там, внизу... И получить камнем по голове...

— Камешки были крохотными, — сказала Штефи так, как будто она сама там была...

— Но с такой высоты...

Мы сидели с ней в кафе, кажется, в «Танкштелле», где есть ещё и маленький театр, в котором я никогда не был, и в тот вечер мы тоже просто сидели в кафе при каком-то театре, Штефи потягивала коричневую жидкость «куба-либре» через соломинку, а я рассказывал, как накануне видел «уртюпа», как он чуть не пролез в мою голову...

Но Уртюпа Штефи проигнорировала, он был ей неинтересен...

— Послушай, Йенс, — сказала она, — ты мне не нравишься. Ахим — если бы знал — ни за что не стал тебе рассказывать эту историю, неважно, правдивая она или нет.

— Но ведь он рассказал.

— Он просто думал, что ты уже взрослый мальчик. А ты играешь в какие-то дурацкие игры с собственной памятью... Что ты хочешь там откопать? Трюю?

— Ты права, — сказал я, — я больше не буду. Но скажи — последний раз, — объясни мне: зачем он это сказал? Неважно, правда это или нет, но — зачем?!

— Может быть, он... поставил на тебе эксперимент.

— Что-что?

— Не знаю, я недавно так подумала, когда прочла интервью с Ларсом фон Триром...

— Где он говорит, что в нём сидит зверь?

— А что, он разве так говорит?

— Он говорит, что в каждом человеке сидит зверь, но я, прочитав, подумал, что не знаю, как в каждом, но в Трире так точно: Тир в Трире*...

— Нет, я, наверное, читала другое интервью, где Ларс говорит, что перед смертью мать призналась ему, что фон Трир — не его отец. Что она на самом деле родила его от композитора Хартмана — в порядке эксперимента...

— Так в чём эксперимент-то состоит?

— В том, чтобы специально зачать гениального ребёнка!

— Смешно.

— А дальше ещё смешнее. Трир ведь всю жизнь думал, что он еврей, ну наполовину, неважно, а тут вдруг, узнав, что его отец — датчанин, заявил: «Я — наци».

— Правда?

* Йенс, очевидно, здесь имеет в виду, что по-немецки «зверь» — «Tier», ну а «Трир» — «Trier».

— Ну не совсем. Он же левый. Но в каждой шутке...

— В общем, наполовину... Ну да, если учесть, какие шутки любит Трир... «Догвилль», к примеру...

— Нет, Йенс, мы уже об этом говорили, и я не хочу возвращаться к этой теме. Надоело.

— Но согласишься...

— Не соглашусь. Можно и так посмотреть и этак, и я вообще сейчас не о том. Просто, это предсмертное признание матери Трира не могло мне не напомнить о признании Ахима, это же понятно...

— То есть ты хочешь сказать, что я могу быть евреем?

— Нет, я это не имела в виду, — улыбнулась Штефи, — хотя почему бы и нет? Ты что-то имел бы против?

— Знаешь, меня никогда нельзя было упрекнуть... К примеру, на вопрос анкеты, которую мы заполняли в универе, «не против ли вы, чтобы ваш сосед был евреем?» я ответил «не против». Но на этом мои чувства к ним заканчиваются. Сам я быть евреем не хочу. Имею право?

Штефи рассмеялась:

— Но почему у тебя сразу испортилось настроение?

— Не из-за евреев, во всяком случае. Я не хочу ими, или одним из них, быть просто потому, что для меня это слишком сложно. Может быть, это и не страшно, и вообще никак, но столько вокруг этого мифов, что... Не хочу. А настроение испортилось просто потому, что я подумал: ведь я могу быть кем угодно — и даже не наполовину... Евреем, русским, поляком... Или вообще-е-е-е...

— Ну кем?

— Австрийцем!

После этого мы наконец перестали говорить на серьёзные темы, мы расплатились и поехали к ней или ко мне, я уже не помню...

Ничего не предвещало, что через день мы расстанемся, хотя, как я теперь понимаю, это было её прощанием — неожиданная волна нежности, которая захлестнула меня в тот вечер с головой...

Штефи умеет всё, в том числе и прощаться.

3. ЗАГОВОР ВЕЩЕЙ

Есть люди, которые, расставаясь, сразу же находят себе очередную пару. Мне всегда казалось, что они похожи на летающих собак... Или белок-летяг — вроде они и летят, но на самом деле, если присмотреться, — только от одного дерева к другому... То есть любовники, да и вообще люди, для них — деревья, по-настоящему же летать — подолгу — они не умеют...

А мне захотелось по-настоящему, что-то я видел там — у Кас-танеды, томики которого перелистывал в эти дни: пять правил для одинокой птицы... Впрочем, там это было цитатой, из Санта-Круса, кажется...

Почему Ахим не научил меня? Прежде всего, потому что я этого не хотел. Я даже не хотел ходить с ним в горы...

А теперь не то что жалею... Просто было бы больше воспоминаний. Горы — хороший фон для воспоминаний, я так отчётливо помню всё, что там было... Но, может, потому и помню, что редко бывал...

Помню, как Ахим один раз свернул со мной с туристской тропы туда, где стояла табличка: «Только если есть опыт скалолазания и не бывает головокружений».

Какое-то время всё было по-прежнему, такая же точно тропа, я удивлялся: зачем поставили щит с этой надписью — только чтоб пугать людей?

И вдруг тропинка оборвалась. То есть её — мысленное — продолжение было — в пропасть — напрямиком.

Отец указал мне на железный трос, который был протянут по отвесной стенке. Я глянул вниз и сказал:

— Пап, ты с ума сошёл, я здесь никогда не пройду. Я полечу вон туда...

— Не смей меня, Йенс. Это проще простого. Держись крепче за трос и ставь ногу туда, куда я ставлю. Только не наступай мне на пятки, малыш, а жди, когда я уберу ногу... Тогда только ставь свою туда же... Ты меня понял?

Я сказал: «Да». А что мне было делать? Идти назад? Так ведь, оглянувшись, я понял, что там теперь всё изменилось. Не было больше той тропки, по которой мог пройти любой идиот... Она, наверное, была только в моём воображении... А теперь растворилась — в сыпчаке, в картине другого мира... Мир, подумал я тогда, — это просто калейдоскоп, камешки складываются то так, то этак... То есть на самом деле нет никакого мира... И, выбирая между отвесной стеной — но с протянутым тросом и указующей стопой отца... И не такой отвесной, но тоже крутой и коварной... Я решил идти вслед за Ахимом.

Не сразу решил, несколько минут ему понадобилось, чтобы меня убедить. Он не говорил «не хочешь — иди назад», или «сейчас же иди за мной», нет, он так ласково меня уговаривал, как никогда...

Но от его неожиданно ласковых интонаций мне стало ещё страшнее: куда он меня манит, а? — думал я... Отец-то он отец, но — со сдвинутой резьбой... Не на заклинание ли?

Я навсегда запомнил этот момент — как я сказал себе: «Будь что будет» — и шагнул вслед за Ахимом...

Больше я в горы с ним никогда не ходил. Он, может быть, кого-то чему-то и научил, во всяком случае, я знал людей, которые называли его учителем... Но, по мне, он был плохой педагог...

Когда мы преодолели отвесную стенку, Ахим имел наглость сказать мне: «Зато теперь тебе будет что вспомнить».

А я в ответ прокричал: «Надо, чтобы ещё было кому!»

И вот теперь есть вроде бы что, но кому? Как бы это сказать... Последнее время — после того, как не стало Ахима и ушла Ште-

фи, — я стал сомневаться... Казалось бы, наоборот: на фоне чьего-то отсутствия чётче должна обозначиться твоя экзистенция...

Но всё получилось наоборот. Моя всегдашняя неуверенность в себе стала зашкаливать за какую-то красную отметку... Из-за этого я и стал писать... Причина та же самая, что и надписей-царапин на стенах, деревьях или скалах... «Я был!» — вчера видел на деревянном столе в биргартене, наверное, когтем... Потом я пошёл отлить и в туалете над писсуаром, возле которого я как раз встал, увидел ещё одну надпись, причём в рамочке:

«С 1973 года наш любимый обербургомистр всегда пишет в этом самом месте!»

Вот поэтому история, рассказанная мне отцом, — единственное, что тебе понравилось, неведомый читатель, из всех моих записок, я прав? — мне теперь так не нравится.

Когда и так то и дело возникают сомнения... Когда я чувствую себя скорее волной, чем частицей...

При этом волной, описываемой так называемой вырожденной системой уравнений...

Одним соотношением — неопределённости...

И когда вдобавок эту систему ещё и лишают начальных условий...

Не обязательно быть физиком, чтобы понять, что я имею в виду, слова — это такое дело... Говорят сами за себя... Я же тоже не физик и не лингвист... Не волна и не «элементарная частица»... Я вообще никто... Но просто волны — самое близкое мне сейчас и нерящее душу...

Только эта зелёная полоса воды и кажется реально существующей, я присаживаюсь к Изару в разных местах по-турецки, смотрю на бегущую воду, и только в эти минуты или часы — я не засекаю время, не делаю засечки на деревьях — мне хорошо, мне правда не так уж и плохо...

Я вижу, как кто-то невидимый успеваешь писать на воде тонким прутиком... Такие завихрения в потоке, а когда я перевожу через

полоску травы взгляд на брусчатку, она выглядит как окаменевшая вода....

Особенно после того, как я видел у Гарлахинского ручья детей, сидевших по обе стороны потока с белыми альбомами...

Ну а что они ещё могли рисовать, если одни сидели на одном берегу, а другие на другом, и смотрели как бы друг на друга...

Но присмотревшись, я понял, что они поглядывают не друг на друга, а вот именно на ручей...

А значит, его и рисуют...

Я ехал мимо на велосипеде, ясно, что мне очень хотелось заглянуть в их рисунки, но я вовремя не затормозил, а возвращаться было как-то совсем уж глупо... И вскоре я собирался обратно, так что я подумал: на обратном пути...

Но когда я ехал обратно, их и след простыл... Тут-то я и остановился, мне странно было, что они так быстро исчезли, рисовать воду не так просто...

И тут я заметил под ногами у себя эту старую брусчатку — камни уже почти полностью ушли в землю, и осталась вот именно сетка, как будто расчертили земляную дорожку прутиком... Это такой вид брусчатки, при котором ряды камней не прямые, а расходятся веером... Очень похоже на рисунок ручья, право слово...

И всё же мне было жаль, что я не увидел того, что нарисовали эти дети... Я вспомнил, что некоторые из них положили раскрытые альбомы на спины других мальчиков и девочек, от чего у тех как бы выросли белые крылья... Я не уверен, что это вообще были дети, а не стайка усердных ангелов...

Но тогда они вполне могли отложить альбомы и нарисовать ручей на земле...

«Язык булыжника мне голубя понятней», — прочёл я недавно у Мандельштама...

В магазине «Dichtung und Wahrheit» стоит на втором этаже его полное собрание...

После этого я долго сидел на траве, глядя на воду в каком-то странном состоянии, похожем на приход... Но это был не приход...

Может быть, под мостом мне теперь вообще самое место — уртюп своим животным инстинктом это почувствовал — что можно с кем-то поменяться местами...

И я решил, от нечего делать... Или — чтобы защитить себя... То ли от Уртюпа, то ли от манифестаций Ничто...

Что-то всё-таки попытаться разузнать — о своих начальных условиях...

С этой целью я и разыскал в телефонной книжке Феликса Шварцхольцера.

— Нет-нет, никто между нами не пробежал, забудь... Просто прошёл период в его жизни под названием «Дружба с Феликсом», ну и в моей, соответственно, с Ахимом Айгнером... Может быть, он стал слишком занят... Но не заносчив, нет... В общем, не стоит об этом и говорить, мы навсегда остались друзьями, точка.

— О'кей, — сказал я.

— Так что же ты хотел у меня узнать?

— Феликс, прости, дорогой, у тебя нечем смочить горло? — сказал я.

Феликс встал, протопал к холодильнику и достал оттуда две бутылки «шнайдера». Глядя на него, я подумал, что они ведь ровесники... Хотя в это трудно поверить... Казалось, что Феликс — отец Ахима и соответственно — мой дедушка... Он весь был седой, толстый, он шумно дышал и сильно потел... при этом пот имел характерный, с детства знакомый мне запах...

Он переливал пиво в бокалы, наклоняя их под 45 градусов, чтобы всё не превратилось в одну сплошную пену...

Я сделал глоток и сказал: «Феликс, перед смертью Ахим...»

Нет, было немного не так... Я не думал так подробно всё это пересказывать, я вначале спросил: «Феликс, это правда, что Ахим меня нашёл?», но Феликс потребовал, чтобы я для начала выложил всё, что мне было об этом известно.

Впоследствии я об этом пожалел. Я подумал, что у старых друзей могли ведь существовать определённые договорённости на все случаи жизни. Ну, вроде того, как заведомо дают алиби другу при распросах женщины: «А правда ли, что Феликс вчера был у тебя?..»

Но Феликс сказал следующее: «Я должен убедиться, что ты действительно это услышал от Ахима. Может, ты просто слышал звон, да не знаешь, где он? Потому что Ахим взял с меня слово. Я договор с ним кровью подписал, да-да-да, не смейся... Что никогда и ни при каких обстоятельствах... Я этого не выдам — никому в жизни... Но тут вроде бы другой случай, ты сам сказал... Вот поэтому мне и надо подумать».

— Да не о чем думать. Ты ведь мне уже на самом деле всё сказал, — ответил я. — Спасибо, дядя Феликс. Prosit!

— Ничего я тебе ещё не сказал! — громыхнул Феликс о стол, — откуда ты знаешь, о чём меня просил не говорить Ахим? Может быть, это гораздо сложнее, чем ты думаешь. А посредством слухов это всё может превращаться в какие угодно... притчи... во языцах... имеющие очень мало общего с тем, что было на самом деле... Я храню твоё *Geburtstags-Ur-Kunde**, Йенс, уже столько лет, что, уж поверь, немного в курсе того, во что эта история способна трансформироваться...

— Но ты же говорил, что никому на свете... Так ты предатель, дядюшка Феликс?

— Нет! Я никому не проговорился... Но даже в отдельно взятой голове, Йенс... Когда я возвращался к твоему *Urkunde* — невольно, мысленно, — я каждый раз видел всё это как-то по-новому... Там мерцал какой-то новый смысл... А так как много воды утекло с тех пор, иногда мне казалось, что всё это и было... метафорой.

— Метафорой чего?

— Да чего угодно! Например, последнего времени! («*Endzeit*»)

— Слушай, Феликс, ты учился, случайно, не вместе с Вимом Вендерсом?

* Свидетельство о рождении (нем.).

— Нет, я закончил раньше его на два года... А почему ты спросил?

— У вас похожие образы, цитаты...

— Ну нет, я не думаю...

— Ты не думаешь, а я знаю. Ладно, так значит, как я и предполагал, это была метафора. А метафора — это «повозка» на греческом... Ахим решил меня отправить в странствие — подтолкнул тележку, она покатилась...

— Нет, ты не прав. Дай мне подумать.

— Зачем тебе думать, Феликс?

— Мне нужно понять, что сделал бы Ахим, будь он сейчас на моём месте. Давай ещё выпьем... — сказал он. Встал и направился к холодильнику.

— Йенс, — сказал он через какое-то время, — всё было так, как Ахим сказал. Всё так и было.

— Ладно, спасибо за откровенность. Хотя... Разве Ахим не мог и тебе соврать?

— Нет, — сказал Феликс.

— Как ты можешь быть уверен?

— По очень простой причине...

— Ну — и? Что за причина?

— Мы нашли тебя вместе с Ахимом.

— Ты что, тоже работал в охранной фирме?

— Ну да, подрабатывал... Почему ты смеёшься?

— Так, просто смешно, все вдруг оказались охранниками...

— А ты как думал? Prosit! Сейчас вон вообще всех социальщиков хотят использовать для патрулирования... в качестве мер по борьбе с терроризмом... Тебя ещё не привлекали?

— Феликс, я не безработный.

— Ахим мне говорил...

— Я не знаю, что тебе говорил Ахим. Я в академическом отпуске, хальт...

— Ну тогда я его неправильно понял. Да всё равно, министра, который это предложил, все осмеяли. Ты представь себе этих

торчков и алкашей с повязками, роющихся в чужих сумках... Вот это был бы цирк!

Я представил себе Уртюпа с повязкой на плече... Нет, это было бы не смешно, совсем не смешно, нет...

— Там была какая-то картина в тот момент? — спросил я у Феликса.

— В какой такой момент? — сказал он, вытирая то ли слёзы, просочившиеся сквозь смех, то ли пиво...

— Когда я приземлился в этот самый «приёмник»... Ну куда меня родная мать закинула.

— А. Нет. Или была, но не музейная... То есть какая-то ерунда... Я вспомнил: акция как раз тогда началась — примерно в то же самое время.

— Какая ещё акция?!

— Ахим не рассказал? Художники, когда узнали, что в городе открыли пункты для приёма краденых музейных ценностей, устроили акцию «В пинакотеку с чёрного хода!». Они стали бросать туда свои картины... Нет, вряд ли они надеялись таким образом попасть в музей... Но им бы только почудить, ты же знаешь эту братию. Поэтому пункты вскоре закрыли — они были доверху заполнены штабелями мазни, которую никто никогда не крал и не украдёт... Знаешь, ты вовремя там появился, Йенс, чуть позже — и тебя бы забросали холстами, хе-хе... А некоторые и рам не жалели — дубовых!.. Согласись, что это невероятная история, Йенс, мальчик!

— Да уж...

— Ты бы видел лицо Ахима, когда мы зажгли свет и увидели, как ты там лежишь... Как он тебя схватил, невзирая на запах... Ты был вот такой, — Феликс расставил ладони.

— Вот такой кусок говна...

— Да брось ты. Сразу стало ясно, когда Ахим тебя схватил... Что он тебя уже не выпустит из рук никогда!

— Так вот и сразу?

— Ну да. Если бы не он... — Феликс вдруг замолчал... Но и так ясно было, что он хотел сказать...

Никакого прилива нежности, надо сказать, я от этого к нему не испытал, скорее, наоборот...

— Знаешь, как я тебя называл первые полгода? — проговорил Феликс, расплываясь в блаженной улыбке. — «Пиноктико»!

— Чего-чего?

— Ну из «Пиноккио» и «пинакотеки» я тебя сотворил. Шучу, не тебя, конечно, но твоё имечко, понял?

— Ну, дядя Феликс, вы и шутник... Почему же я этого «имечка» раньше не слышал?

— Это было только первый год, или даже полгода... Потом Ахим строжайше мне запретил когда-либо произносить...

— Ладно, — сказал я, — хоть не в унитазе, хоть не в общественном туалете... И не в холодильнике, как недавно в Швайнфурте... Хотя какая разница? Важно, что мой любимый отец... А впрочем, и это неважно.

— Важно, что мы тебя нашли, Йенс. А что он сам сказал тебе то, что меня просил не говорить... Свидетельствует, что он просто понял наконец, что скрывать от человека, каким образом тот появился на свет... Просто глупо! Согласен, мой мальчик? Давай ещё выпьем. Ты помнишь, как мы здесь отмечали тридцатилетие Ахима? Ему тогда подарили красный кабрио... «Альфа-Ромео», ну... это же была классика... И он, как пёс, который от радости ловит свой хвост... Гонял во дворе по кругу! — Феликс покрутил рукой в воздухе...

— Я помню, — кивнул я, — мне спину надуло, когда Ахим взял меня с собой в Гейдельберг... И потом он всегда поднимал верх, когда вёз меня, даже летом... Говорил всем: «Понимаете, у меня там очень чувствительный мюнхенский мальчик...» Сейчас мне кажется, что он при этом один раз даже назвал меня так, как ты сказал...

— Пиноктико?! Не может быть! — радостно рассмеялся Феликс, чокаясь со мной стеклянным копытцем*.

— Может быть, это только теперь так кажется... Ахим называл меня столькими прозвищами...

— Но этим вряд ли. Ахим — человек, который никогда не терял контроля. Профессия у него была такая... Йенс, страшно, конечно, обидно, что он взял нас и бросил здесь... Но надо жить дальше. Нельзя грустить, это грех, ты меня слышишь?

Ну и потом полчаса Феликс пытался мне напутствовать в духе «философии жизни» — он даже употреблял это словосочетание... Напомнившее мне пронзительное признание предтечи этой самой философии: «Мы, бездомные...»

Я слушал Феликса, которому нравилось говорить со мной так, как будто это он теперь мой отец... Ещё немного — казалось — и он возьмёт меня на ручки, как когда-то Ахим — если, опять же, верить словам — теперь ещё и Феликса...

У него у самого нет детей — ни своих, ни найдёнышей, так что этот запоздалый приступ нравоучительства (в какой-то момент мне и в самом деле стало казаться, что Феликс — медиум, а говорит со мной отец), в общем-то можно понять...

— Хорошо, — сказал я, — я и сам думаю вернуться в университет... Не надо столько об этом говорить... Скажи лучше, как Ахиму удалось всё это повернуть? Адаптировать меня вне очереди, да ещё таким хитрым образом, что никаких следов этой самой адаптации нигде нет... Как это возможно, а?

— У Ахима уже тогда были большие связи, — сказал Феликс, — но подробностей я не знаю. Ты забыл, что твой отец умел делать невозможное. Трюкач, что с него возьмёшь... Знаешь эту притчу о Гюрджиеве, который, покидая Россию, показывал пропуск, на одной стороне которого была печать «красных», а на другой — «белых»?..

* Очевидно, имеется в виду толстое донышко специального бокала, потому что если пьют пшеничное пиво, полагается чокаяться донышками.

— Но Ахим не Гюрджиев...

— О! — Феликс поднял вверх указательный палец, и я понял, что сейчас пойдёт поток баек о жизни «воздушного Гуддини»...

— Ладно, спасибо тебе, Феликс, — сказал я, — мне теперь надо идти.

— Куда, если не секрет?

— В пинакотеку, хальт!

Только пинакотеки мне в тот момент и не хватало...

Я всё же упрямо продолжаю считать всю эту историю выдумкой моего безбашенного папаши, который по какой-то причине решил напоследок отрезать «пуповину», связывавшую его с миром и соответственно — со мной...

Отделить, то есть, себя от меня... Зачем это ему было нужно, я по-прежнему могу только гадать, но почему мне это было НЕ нужно, я теперь знаю слишком даже хорошо... Ему-то что, он и в этом мире парил, как парят, наверное, только ангелы — в том, так что в том ему уже совершеннейшее, надо полагать, раздолье...

Наверное, он и в самом деле был не физический мой отец... Я сделан из другого материала... Какого-то тяжёлого... Я вешу больше, чем можно подумать, глядя на меня... и не то чтобы я при этом был какой-то ширококостный... Нет, просто кости тяжёлые — так, во всяком случае, объясняла Штефи мне мой вес... И просила не наваливаться на неё, не обнимать её ногой, когда мы лежали рядом... Да и рукой часто просила не обнимать, сбрасывала с себя на ходу мою руку...

А теперь я стал и сам для себя тяжёлым — на подъём... Я не растолстел, нет, я уже всё объяснил... Я лежу в постели, потягивая какую-то гадость... Слова, которые я при этом бормочу, не имеют никакого смысла... Это и не проклятия — кого мне проклинать? Это как если бы я не пил виски, а полоскал ими горло... Рык такой периодически раздаётся из моей гортани... Но никто не слышит — окна закрыты, жалюзи опущены... Иногда я немного подтягиваю брезентовый ремешок, открываются многочисленные щелочки,

я подглядываю в одну из них... Но ничего там не вижу интересного, и щелочки схлопываются в полный мрак...

Сейчас я даже думаю, что если отец всё-таки меня надул со всей этой историей, возможно, что смысл аллегории в том и заключался... Что я в сознательном возрасте вернулся в «бункер»... Потому что то, как я провожу свои дни, не больно-то отличается от того, что было, если б я остался в «приёмнике» и каким-нибудь там образом не подох... Понятно, что Ахиму было обидно наблюдать, как я пропускаю один день за другим — я запросто могу проспять несколько дней, а потом не спать неделю, зависая, скажем, на каком-то гоа-парти...

Вот он и решил напоследок меня «подколоть»...

Но я хитрый, Ахим, меня так просто не проведёшь...

Хотя и отец мой, конечно, стреляный воробей, умудрился это так сказать, что не переспросишь и так никогда ведь и не узнаешь наверняка, правду он сказал или шутить изволил... Что я, дескать, появился на свет из какой-то железной п...ы...

Но, так или иначе, как и все его «педагогические» меры, этот его последний «understatement» привёл к прямо противоположному результату... Я лежу уже n-й день в постели, бормоча какую-то абракадабру... Ну да, ну да, теперь я это ещё и стал записывать — последняя стадия, наверное... Притом что на бумаге мой образ выглядит ещё более бессвязно: я полистал назад и увидел, что вчера писал, что я такой весь из себя невесомый, волновой... А сегодня — что тяжёлый, кости свинцовые...

Ну и что? Так оно и есть...

«One day you are a statue, one day you are a bird...»

Наконец я расправил крылышки...

Во всяком случае, напевая «Spread your wings and fly away...», я вырулил из гаража на своей колыхаге («Вольво» 1990 года) и устремился куда-то в сторону жизни...

Your daddy's is rich, and your mama's good looking... So hush, little baby... Я не ожидал, что сегодня будет так много народу... Мне

не сразу удаётся пройти во второй зал — я люблю сидеть во втором зальчике и смотреть в первый...

После некоторых усилий это мне удаётся... А по дороге и разжиться стаканом водки со льдом... И вот я стою на своём месте и рассматриваю окружающих... Не то чтобы бесцельно — с момента расставания со Штефи прошло уже два месяца, и, может быть, единственное спасение для меня в том и состоит теперь, чтобы найти себе здесь очередную Штефи-Монику-Петру-Генриетту...

Чтобы было тепло хотя бы с одного боку, чтобы не думать ни о чём... Когда вдвоём, не нужно думать... Это даже вредно, как правило, думать, когда вдвоём...

Я стою и разглядываю окружающих... Рядом со мной — две клáссные девицы... Особенно одна... Но вторая тоже ничего...

Одна на высоком стульчике, другая тянется к ней снизу, сидя почти на полу, на таком выступчике из стены... При этом обе покрыты татуировками... Которые они как раз и сравнивают в этот момент: одна закатывает рукав, другая — брючину... Кажется, у них там одни и те же рисунки... И поэтому они так рады... Обе девицы по-своему хороши, но я теперь загипнотизирован их общей татуировкой (сине-красные цветочки репейника, насколько мне отсюда видно, может быть, вперемешку с черепами), и не уверен, что они вообще существуют по отдельности...

Где-то я недавно читал, наверное, в той же «SZ», для чего природа так раскрасила зебр...

Точно-точно: когда зебры стоят рядышком, они образуют единый паттерн... И лев не может наметить себе конкретную жертву... Перед ним — как бы картина Франка Стеллы*... И он теряется, бедный лев, и в результате остаётся без обеда...

Потому что нужно с самого начала твёрдо знать, за кем погодишься...

* Американский художник, абстрактный экспрессионист, у которого много чёрно-белых полотен «в линейку».

Ну, допустим, он выделит в этом узоре сегмент, бросится к нему... А сегмент распадётся на две или три части разных зебр... Которые разлетятся в разные стороны...

Первая секунда или доля секунды, таким образом, потеряна, а значит, и всё вообще потеряно: лев ложится спать голодным...

Но разве же я лев...

Если бы я был хищником, в прошлом году я бы точно уехал с этого Alm'a* в горячую alma mater всех людей...

Я хотел устроиться на работу к приятелю, который открыл в Африке филиал своей фирмы... Я просил Штефана взять меня на должность «хэдхантера», но Штефан, выслушав меня, улыбнулся и сказал: «Йенс, дружище... Ну ты же не хищник».

Так что лев тут ни при чём... Очередной бессмысленный образ, так же, как, скажем, моё «Urkunde»... Хотя очень даже может быть, что Ахим не врал... Или даже если он и врал...

Не знаю, куда по его замыслу должна была меня увлечь эта «телега»...

Вспомнилась мне в этот момент машина, которую сфотографировала Аннелора...

Потом она выставляла фотографию в стеклянном ящичке с подсветкой, очень хорошо получилось, на выставке молодых мюнхенских кунстлеров... Которая ежегодно устраивается в Хаус дер Кунст...

Машина была сфотографирована сзади... Она стояла у ночного бара, то есть ночью у какого-то бара, и в заднем её стекле была надпись большими буквами: «Никогда не гонись за тем, что никогда не сможешь поймать...»

При этом машина была красная — для меня это был спецэффект...

Феликс освежил в памяти день рождения Ахима... Как я тогда вздрогнул, увидев главный подарок...

Она была похожа на машину из моего первого «трипа»... And what a trip it was...

* Альпийское пастбище.

It was a very bad trip, man...

Что-то я съел по дороге из школы, какие-то красные ягоды... Судя по всему, Tollkirschen*, да... Не только я... Все тогда отравились, три моих тогдашних кумпеля**, с которыми мы играли в волков... Но я отравился несравнимо сильнее — больше всех съел, наверное, или же я и в самом деле был самый чувствительный... мюнхенский мальчик.

Шутки шутками, а я тогда чуть было не отправился к праотцам...

Помню, что вокруг меня плясали языки огня и люди, сплошь покрытые чёрной шерстью...

Врачи потом говорили, что мозг мой начал уже опухать и давить, соответственно — на черепную коробку...

После этой «прививки» я, когда подрос, в отличие от своих кумпелей, долго не решался пробовать даже травку... Тогда как мои сверстники уже попробовали и марки типа «хофман» и «гавайские» грибы... Потом я их догнал, разумеется... И ничего страшного не испытал, кстати говоря, мне кажется, что тогда была как бы прививка — на всю жизнь...

Но тогда это был настоящий кошмар...

В центре «ягодного» делириума всё время появлялась «хоррор-кар», я орал: «Уберите от меня эту красную тачку! Она же меня раздавит!»

Вот поэтому я слегка вздрогнул, когда Ахим получил на день рождения красный кабриолет. И сразу стал гонять на нём по кругу...

Во дворе как бы образовался красный волчок... И облака пыли поднялись, двор был большой, не асфальтированный... Не двор, а как будто пустырь посреди города... Теперь он застроен, там комплекс жилых зданий... Площадь имени Вернера Марии Фасбиндера с «асфальтовым озером» посередине...

А тогда гости — их было не меньше сотни — стояли по краям пылевой воронки, в которой металось красное пятно...

* Белладонна.

** Дружка (нем.).

Ну и Ахим не мог, конечно, не отколоть какой-нибудь номер... Когда машина остановилась, резко затормозив, к ней подбежало несколько гостей, раздались удивлённые возгласы...

Ну да, ну да, она была пуста, разумеется, Ахим «исчез» в пылевом облаке, растворился, прокатился по земле, прополз, как ящерица, с него станется, с этого проныры... Чтобы через минуту позвать всех из-за спины...

Он стоял на пороге офиса и зычным голосом предлагал всем немедленно продолжить пьянку...

В картине Альбрехта Альтдорфера «Битва Александра» мириады воинов стекаются к горизонту и там пропадают в дымной воронке...

Во всяком случае, так я это вижу...

Никогда не понимал, что там такое — на картине, коловорот, торнадо, соседняя галактика...

Интересно, эту картину не крали из пинакотеки?

Не лежала ли она в «приёмнике» вместе со мной... То есть, я хочу сказать: не из этой ли самой воронки...

Интересно также и то, что это — любимая картина жителей нашего города. Неоспоримый факт, доказанный опросом общественного мнения... Я читал об этом в «SZ», статья, кажется, называлась: «Egal wohin — wo alle sind!»*

Надо сказать себе: «Ты уже не мальчик, Йенс. Брось думать, откуда ты взялся, подумай, куда ты идёшь...»

А впрочем, тоже детский вопрос... Если ты — мюнхенец... Egal wohin — wo alle sind...

* Всё равно куда — главное, чтобы со всеми.

4. SWEET CHILD IN TIME

За то время, что я не прикасался к этим записям, ничего, в сущности, не изменилось. Я пробую жить дальше, но иногда всё вокруг кажется сделанным из того же вещества, что мозги...

Ну да, я думал, что заспиртовал их ещё при жизни... Но в такие вот дни кажется, что я выкурил их наружу — мозги, и вот ходишь потом по собственным извилинам, а там бегают чёрные мыши — прямо по проспекту, бессовестные, не говоря уже про метро, где, ожидая электрички, видишь, как оживает камешек щебёнки и начинает метаться между рельсами, шпалами...

В один из таких дней, заполненных реминисценциями (наверное, просто послеалкогольный синдром, потому что это настроение на меня накатывает, если я не пью подряд несколько дней), я съездил посмотреть на дом, адрес которого мне подсказал Феликс... Оказалось, что в подвале, где был «приёмный пункт» для картин, теперь питейное заведение, хозяин которого — молодой высокий парень в камуфляжных штанах и футболке с непонятными мне русскими буквами (первые две были универсальными: «НЕ...», но потом — что-то из греческого алфавита, что это на самом деле русский, а не греческий, мне сказал владелец майки и кнайпы, а что за слово у него на груди написано, я уже не стал спрашивать) — не знал, что здесь было не только тридцать, но и три года назад... Какой-то склад, по его словам, но точно он не знал, потому что два года назад кто-то выкупил подвал и устроил там распивочную. Почему-то прогорел и сдал подвал ему — на весьма выгодных условиях... Кабак то есть совсем новый, ему меньше

года, название — «BZW BAR»* — довольно банальное, хотя мне оно, конечно, что-то такое говорит... Или, точнее, ничего не говорит, но то, как оно ничего не говорит, не даёт то есть ответа на вопрос... Что-то выдаёт всё-таки...

Хотя если не впадать в паранойю — а у меня нет ни малейшего желания в неё впадать — название никакое... Часть речи: искусственный союз... Слегка напоминает название другого кафе — в Швабинге — «U. S. W.»**, только не само помещение, а его название...

Я бы предпочёл, чтобы на том месте, где я родился, было написано: «...и так далее», но там написано то, что написано, т. е. «...или бар», — и если Ахим прав... Последнее словосочетание — начало «правды»...

Вот так, не впадая в паранойю, я тем не менее, допивая третью кружку пива Löwenbräu, был погружён в какую-то дурацкую буквенную чехарду... Пока не услышал женский голос: «Здесь свободно?» — «Да», — сказал я и зачем-то сделал жест рукой, мол, присаживайтесь. Это не понравилось девицам — наверное, я махнул рукой как-то чересчур залихватски...

Они оглянулись по сторонам, но полностью свободных столиков не было, а идти к столику, за которым тоже кто-то сидел, было бы невежливо — по отношению ко мне... Кроме того, там они могли получить поворот от ворот, кто-то кого-то мог там ждать, а я никого не ждал и ясно — может быть, чересчур ясно — дал им это понять своим жестом... В общем, они подсели за мой столик, достали из сумочек красные пачки «голуаза», зажигалки... Я подумал, что они похожи на солдат, занимающих позиции в окопе...

Может быть, я так подумал, потому что мы сидели в подвальчике, как бы в блиндаже...

* Аббревиатура bzw означает «или, соответственно».

** Und so weiter — и так далее.

Скорее всего, потому что кто на них собирался нападать? Я — нет. Моя голова была занята другим... Я пытался почувствовать это место, так сказать, нутром...

И мне показалось, что я на самом деле что-то ощущаю... Конечно, скорее всего, это было только моё воображение...

Ну и что, воображение тоже ведь может стать воронкой, в которую засасывает... Как на полотне Альтдорфера...

В общем, я чувствовал себя таким scapper'ом...

То есть даже сверхчувствительным мюнхенским мальчиком...

И ещё я вспомнил... Я вспомнил видео в подземном переходе, о котором я уже писал — о переходе «Макс-форум»... А на видео было запечатлено возвращение Клауса Манна в разрушенный Мюнхен в 1945 году...

Но я всё-таки что-то путаю, я видел это не в «Макс-форуме»... В Литературном доме, ну конечно... Просто получилось похоже на инсталляцию, потому что архивное видео было запущено в бесконечном цикле, и к тому же крутилось в будочке... Чтобы туда войти, надо было отодвинуть чёрный плотный занавес... А там была темнота — в будочке... И в темноте мерцал маленький голубоватый экран...

Клаус Манн в военной форме приближался к родительскому дому...

Девушка, стоявшая на балконе, кричала ему сверху, что лестница, по которой он собирается подниматься, может обвалиться в любую секунду...

И Клаус послушно поднялся по времянке... Вот он уже стоял на балконе рядом с девушкой, поселившейся в чьём-то пустом полуразрушенном доме... И спрашивал, знает ли она, кто жил в этом доме перед войной? Девушка отвечала: «Вроде какой-то писатель».

«Do you know which writer lived in this house?» — допытывался у неё Клаус Манн...

Я помню, что видео меня настолько поразило тогда, что я стоял в тёмной будочке несколько его полных периодов, слыша

этот вопрос снова и снова: «Do you know which writer lived in this house?»

Текст — то ли из дневника, то ли из письма в Калифорнию — отцу, читал сам Клаус, на английском, со множеством интонационных подчёркиваний...

«Do YOU know WHICH writer...»

И ещё один вопрос он ей задавал — тоже бесконечное число раз: «Что было в доме во время войны?»

И она отвечала: «Этот дом принадлежал СС». А потом уточняла: «Это был дом общества “Lebensborn”. Знаете, сколько прекрасных деток здесь родилось?»

Или она говорила «было зачато?»

В моём понимании это было что-то вроде борделя — под одной крышей с роддомом... У меня никогда не хватало смелости разузнать об этих домах и об этом обществе (руководимом лично Гиммлером) более подробно... Потому что мой отец родился в 44-м... И он был круглый сирота — некого было потом спросить, так что вполне могло быть, что его зачатие, а может быть, и рождение произошли в таком доме... Может быть, даже именно в этом — доме семейства Манн...

Это не совсем безумные домыслы, что-то я слышал, когда он обсуждал своё происхождение — не со мной, конечно, считая, что я ещё очень маленький и всё равно ничего не понимаю... А я и в самом деле был очень маленький, поэтому мало что запомнил... Это подозрение мелькнуло впервые задолго до того, как я посмотрел видео в Литературном доме, хотя совсем уже *беспочвенным* его — это подозрение — тоже нельзя было назвать...

Подозрение, стало быть, заключалось в том, что я смотрел на дом, в котором был зачат мой отец... А может быть, и рождён, я точно не знаю, как функционировал «Lebensborn»... Дела этого общества были окутаны тайной, но я думаю, что в наше время завесу над этой тайной не сложно было бы приоткрыть... Просто я не хотел...

Я больше не буду возвращаться к этой теме, если Ахим мне не сказал, значит, так надо, а может быть, он и сам не знал... Где именно его вытащили из-под мюнхенских руин...

Но дело ведь было не только в этом... Даже если этот дом ко мне лично не имел никакого отношения, что-то было в этих кадрах транс-персональное... Где-то на уровне архетипов... Возвращение блудного сына... Гиммлер ведь устроил бордель-роддом вот именно в этом доме — в рамках магического действия, направленного против Томаса Манна...

Но старшему это всё было как с гуся вода... Он как назвал этот парк волшебным в 19-м году, так и забыл о нём преспокойно...

Зато младший Манн был потрясён...

Вот тебе и «Kind dieser Zeit», думал я, вот тебе и «Treffpunkt im Unendlichen» — всё в этот момент для Клауса сошлось в одной точке... «Turning Point»?.. Ну да... Вот тебе, вот тебе...*

Особенно Treffpunkt im Unendlichen — trifft**... Потому что сцена мне представлялась какой-то невероятной... Во всяком случае, подходящей больше для романа, чем для автобиографии...

Кроме того, видео крутилось в бесконечном цикле...

Снова и снова Клаус спрашивал, что было в этом доме...

И девушка ему отвечала...

И он спрашивал: «Do you know...»

Что должен был испытать этот «декадент», этот «предатель рода человеческого», узнав, что как раз в их доме было открыто предприятие «Lebensborn»...

Мало того, что на него всю жизнь давила фигура отца... Так теперь ещё и отчий дом... Завис и готов был рухнуть прямо ему на голову — такое ощущение было, когда я смотрел эти кадры...

* Названия произведений Клауса Манна: «Дитя этого времени», «Встреча в бесконечности», «Точка возврата».

** Попадает в цель (нем.).

И я постарался вообще об этом больше не думать... И заодно — о том, что в этом самом подвале — «VZW» — я... Что? Ничего, я не был здесь зачат, я не родился здесь, максимум, что могло здесь быть... Это что меня сюда могли подкинуть... Ну и что? И зачем на этом зацикливаться, говорила Штефи, — и была права...

Позвонить ей? Но я не верю в жизнь после жизни...

Почему я именно сейчас о ней подумал? Не знаю... Ах да, наверное, потому что я увидел её из окна кафе Литературного дома... Когда пил там после выставки «Манна» со старым писателем Хельмутом Меллингом...

Я его не знал раньше и книг его не читал, просто у него было свободное место за круглым столиком, я спросил разрешения, сел... Мне нужно было чем-то залить эту выставку, это видео... Чтобы в голове перестал звучать голос: «Знаете, сколько чудесных деток были зачаты в этом доме?»

Я попробовал поделиться своими впечатлениями с писателем... Кстати, как я узнал, что он писатель? Спросил ли я его, или он сам мне это сказал, я уже не помню... Мы немного поговорили с ним о том о сём, он что-то рассказывал мне о колебаниях отца Клауса, прежде чем он — отец — took the side — по отношению к «брату Гитлеру»...

Я же в свою очередь попытался поделиться с ним тем чувством, которое испытал в чёрной кабинке, глядя на Встречу в бесконечности с Ребёнком этого времени, приближающимся к Точке Возврата...

И вдруг я прервался, потому что увидел за окном Штефи... Окна в этом кафе огромны, от пола до потолка, притом что потолок очень высокий, в кафе есть второй ярус... Штефи шла по земле, но одновременно как бы летела... Она забегала вперёд по отношению к своему спутнику... Взмахивала руками... Смеялась... Я подумал, что никогда не видел её такой счастливой, никогда... Она была в плаще с пелеринкой, коротком и чем-то напоминавшем пачку балерины... Да-да, она делала па, смеялась, подбрасывала в воздух жёлтые листья... А лица её спутника я не разглядел, я ви-

дел его только со спины, воротник чёрного полупальто был поднят... Да и что бы мне дало созерцание его затылка? Уверенность в том, что это — не я?

— *Meine Ex (моя бывшая)*, — сказал я писателю, когда пара исчезла за углом церкви св. Сальватора. — Так о чём мы говорили?

— О Маннах, — сказал писатель, — о чём же ещё... Но может быть, вы хотите догнать вашу подругу?

— Нет, — сказал я, — это невозможно. Знаете, она считала, что у меня затянувшийся инфантилизм...

— Ничего страшного, — сказал писатель, — согласно Шопенгауэру, большинство женщин это как раз и любит... Вам просто попалось исключение, подтверждающее правило. Но догонять её тогда в самом деле не стоит... Разве что вы сумеете стать *enfant terrible*... И предпринять инфантерийную атаку, — он улыбнулся, а я огляделся по сторонам и... вдруг очутился в другом кафе — так у меня часто бывает: слово, сказанное за одним столом, догоняет меня за другим...

Я сидел в подвальчике, где согласно легенде... О которой я уже достаточно или даже слишком много написал, так что больше не стоит об этом... За моим столиком, как я уже тоже, наверное, сказал, сидели две девицы, я отодвинулся на своём стульчике довольно далеко и смотрел на них, или точнее, сквозь них...

Прислушавшись к разговору, я понял, что они говорят о пластической хирургии...

И сфокусировал взгляд на их лицах...

Это немного заинтересовало меня, потому что нельзя сказать, чтобы это были две уродки...

И, значит, если они хотели изменить свою внешность, в этом могло быть что-то другое...

«Если плоть произошла ради духа, это — чудо. Если же дух ради тела, это — чудо из чудес. Но я, я удивляюсь тому, как такое большое богатство заключено в такой бедности...»

Ну я вспомнил это не дословно, сейчас просто переписал из первоисточника...

Диалог же привожу по памяти:

— Ну и как бы ты хотела себя изменить, моя дорогая?

— Нос укоротить.

— Зачем? Такой прекрасный швабский носик...

— Лиза, не говори так. Не лги, а то я не буду тебе верить и в других вопросах.

— Нет, ну правда, мне он так нравится...

— Тебе нравится, а мне он стоил немало слёз... Я думаю, что Карстен меня бы не бросил, если бы мой нос был короче...

— Ну это не факт, и вообще, на чёрта он тебе нужен... Хотя если честно...

— Что? Ну, говори!

— Я бы тоже изменила свой...

Прервусь, чтобы от себя добавить: если у первой девицы нос ещё можно было назвать проблематичным... То есть мне такие как раз нравятся, но я готов допустить, что укорачивание его сделало бы девицу ближе к неким стандартам... То у второй нос был идеальным... Маленький такой, курносый носик... Чем он её не удовлетворял? Я подумал, что если она сейчас это не скажет, я вмешаюсь в разговор и спрошу у неё... Но меня опередила её подруга:

— Ты-то зачем, Анна? Ты что, с ума сошла?

— Я бы его удлинила, — сказала Анна.

Лиза рассмеялась и сказала:

— Это ты меня так утешаешь?

— Ничуть. Тебя не нужно утешать, ты сама это прекрасно знаешь...

— Но зачем тебе удлинять нос?

— Я недавно решила попробовать кокаин. Ну надо же когда-то, взрослая уже девочка... Я купила самый лучший, какой есть, мне

порекомендовала Лесли, а она знает в этом толк... Ну и вот, купила, пришла домой, всё сделала, как полагается.

— И что?

— И ничего! Понимаешь, вообще ничего!

— Ну развели, бывает...

— Нет, так я пошла к ним! Чтобы устроить скандал. И знаешь, что они мне сказали? Что у меня нос слишком короткий! Что общая площадь рецепторов слишком мала для того, чтобы кокс подействовал...

Лиза расхохоталась. Не очень противно (я вообще-то не люблю подобный хохот, но этот меня не сильно раздражал).

— Это не шутка, он действительно так сказал.

— Кто?

— Дилер.

— Ой, не могу! И ты из-за этого хотела бы удлинить свой нос?

— Ну не совсем... Я и раньше задумывалась, а это было научное подтверждение...

Присмотревшись к ней внимательнее, я подумал, что нос действительно... Наверное, всё-таки слишком уж короткий... Если смотреть анфас, это незаметно, но в профиль оказывалось, что носа почти что нет... И всё лицо от этого казалось обрубленным...

Обе девицы вдруг посмотрели на меня...

— Прошу прощения, — сказал я, — в чём дело?

— Да ни в чём, — сказала Лиза, — правда, Анна?

— Правда, — сказала Анна, — ровным счётом ничего. Мы просто вместе вдруг задумались...

Я не стал ждать, пока они мне скажут, над чем они вместе задумались... Я подумал, что мой нос как раз представляет собой среднее арифметическое их... органов обоняния, и хищный взгляд этих глаз... Мне не по душе...

Или они увидели меня насквозь? Пиноктико, как там у него было с носом... А, дядя Феликс?

Нос у меня нормальный... Может быть, потому что я никогда не лгу? Надо как-нибудь попробовать...

Я встал и пошёл к стойке — расплатился и был таков... Уже поднявшись из подвального на улицу, я подумал, что на самом деле обе были не так уж и плохи, а может быть, это вообще была моя судьба, по крайней мере, одна из них, ведь на этом самом месте, w. a. g. h...*

Но ноги несли меня дальше, я дошёл до метро, а там уже чары кончились, так далеко они не распространялись и дело тут было, конечно же, не в длине чего-то там... А в том, чтобы видеть дальше своего, скажем, носа...

То есть в том, что меня вообще мотает из стороны в сторону, как свободный электрон... Или, скорее, нейтрон, нейтрино... Я не хочу сказать, что чувствую себя в последнее время совсем бесполом... Но как-то ни одна девушка... не берёт за душу... Во всяком случае, эти «с носами»... Хотя смешно... Я вдруг подумал, что весь их диалог мог быть домашней заготовкой, направленной на то, чтобы вовлечь меня — или того, кто мог быть на моём месте, в разговор... Хотя, с другой стороны, может, они вообще лесбиянки, кто их знает... И уставились на меня на самом деле только из-за носа... А что там у меня дальше — в голове... Или, скажем, в штанах... Их совершенно не волновало...

Так или иначе, я уже ехал в метро, за окном, на стене тоннеля, мелькали стробоскопические картинки, реклама мотоцикла, какого-то нового римейка «Харли-Дэвидсон»... Как будто Ивл Канивл на этот раз решил перелететь не через машины, а через все вагоны поезда... И прыгнул в тоннель, как Ахим... Правда, Ахим прыгнул в вертикальный, а этот летел по горизонтали...

Ну что ты там потерял, отец, думал я, вход «в полуию Землю»? Нет, в этом тебя никогда нельзя было заподозрить...

* Если Ахим был прав.

Потом в окне поплыла желтоватая темнота, и вдруг стал на мгновение виден несущийся по соседнему тоннелю поезд... В противоположном направлении... Как будто бы на миг приоткрылось параллельное пространство, я видел пассажиров, они видели меня... Я успел с кем-то встретиться взглядом и от этого стало немного страшно — лёгкое головокружение, как будто взгляд был нитью, которая могла выдернуть тебя из сидения, перенести в соседний поезд или бросить на рельсы...

А на улице шёл дождь, у меня с собой не было зонта, и был, таким образом, прекрасный повод, чтобы зайти в ближайший пивняк... Я уже было думал так и поступить, как вдруг вспомнил, что за углом находится кнайпа, в которой, возможно, ещё собираются жители параллельного пространства... Или точнее — времени, или, как говорят, другой жизни... Была такая жизнь, когда я едва ли не каждый день бывал в этой кнайпе... Поэтому чёрт с ним, с дождём, подумал я, это же совсем рядом — в пространстве, а во времени — так далеко... Что стоит, наверное, преодолеть сто метров — и заодно десять лет...

Я толкнул дверь и вошёл в «Контрабас» точно так, как закрывают глаза и представляют себе комнату, где жили в детстве...

Мои попытки отыскать свой собственный исток никуда не привели... В какой-то дурацкий подвал, где две дурочки посмотрели на мой нос... Или это мне приснилось в метро?

Во всяком случае, теперь вокруг была самая что ни на есть реальность... Пусть и десятилетней давности, зато — надёжный кусок... Пространства, настоящего на времени... Ничего с тех пор не изменилось... Почему десять лет? Пять — я перестал сюда ходить пять лет назад. А впервые вошёл десять лет назад, всё правильно... За стойкой новое лицо... А может, хорошо забытое старое, в последнее время Марк часто менял лица за стойкой, какой-то нервный он был, не помню уже, почему... Никого нет, впрочем, ещё рано, народ собирается обычно где-то к полу-

ночи... Несколько человек, незаметных каких-то, по-моему, это дужи*.

Раньше в эту кнайпу дужи не ходили — в том-то и был её смысл, поэтому-то здесь и происходили за полночь такие столпотворения, что Марк вынужден был нанимать «вышибал», которые стояли на входе и не давали давке в зале перейти через критическую черту. Мы все были там как будто в автобусе, который ехал в час пик где-то в Одессе...

Габи сделала когда-то такие снимки в Одессе, очень похоже было на то, что творилось в «Контрабасе»... Куда мы все ехали только, непонятно... Сюда, что ли?

Сейчас здесь пусто, только несколько дужей поблёскивают невидимыми очками, за стойкой спиной ко мне сидит девушка, незнакомый мне бармен стоит на стульчике и вытирает тряпкой и без того чистые бутылки, расставленные в маленьких ячейках огромного шкафа, который Марк десять лет назад привёз из Юж-

* Напомню: «дети умных женщин», см. стр. 34 Я сейчас подумал, что ККФ (Kinder Kluger Frauen) — это ФКК (Frei-Körper-Kultur, по-русски — «нудизм»), только наоборот, и вряд ли Йенс это сделал незосознательно. Покаюсь: с некоторыми его играми в буквы я поступил так же, как с названием первой главы — я их просто выпустил, не только потому что они были бы малопонятны русскому читателю, но и потому, что выглядели шелухой, явным признаком дилетантского письма. Я оставил их — некоторые игривые буковки — только там, где они были смыслообразующими, потому что существенно переписывать текст Йенса я не хочу... Что касается букв «ККФ», разбросанных по его тексту, которые я ранее перевёл как «д.у.ж.и» — это, скорее, пример, говорящий в пользу моих сокращений в других местах. То есть потерю переключки ФКК — КФФ можно было бы компенсировать, например, сделав «детей умных женщин» «детьми умных мужчин» — это были бы «думы», и это было бы, наверное, даже по-своему красиво, подходило бы по смыслу к главной интриге — к предсмертному рассказу отца героя... Но это, с моей точки зрения, было бы уже неправомерным вмешательством переводчика в текст. И я не стал этого делать, хотя, повторяю, соблазн был велик: «Вокруг меня были одни думы...», «Былое и думы» и т. п.

ного Тироля... И столы эти дубовые оттуда же, а вот стулья теперь другие, я помню, раньше они были с красными металлическими спинками, с облупленной краской, потому что так же, как столы и шкаф, прожили не одну жизнь в тирольской деревушке...

Бармен зачем-то протирает бутылки, расставленные в маленьких квадратных ячейках шкафа, который вполне мог бы подойти для картотеки... Вот именно: не для самих книг, а для библиотечного каталога...

А за стойкой сидит девушка... Вся в чёрном...

Я, кажется, её видел, когда сам был здесь завсегдатаем... По-моему, мы с ней однажды разговаривали в другой жизни... Вот только о чём? Я напрягаю память... О лошадях?

Может быть, но подробностей я не помню, равно как и уверенности у меня нет, что это та же самая девушка... Имени я, конечно, не помню, может быть, мы когда-то и представились друг другу, но когда это было... Может быть, я её сейчас путаю с другой...

У той была странная привычка — при разговоре с тобой она периодически умолкала и, покачивая головой, как бы прослеживала взглядом невидимый шарик, блуждавший в автомате меж многочисленных луночек...

В старых пинболл-автоматах была такая игра, и она явно в неё играла, когда слышала что-то новое для себя... Она хлопала ладонью по стойке и запускала это новое, как такой никелированный шарик, блуждать среди нарисованных ландшафтов... И в зависимости от того, попадал ли шарик в итоге в какую-нибудь луночку или нет, она произносила, или не произносила: «Канн зайн» («Может быть»).

— Может быть, что мы знакомы? — говорю я, вставая и подходя к стойке со своим бокалом хеллеса.

— Канн зайн, — повторяет она, убирая с лица длинную чёрную чёлку. У неё взгляд «эмочки», но при этом что-то не видно прочих атрибутов...

Она смотрит на меня и, по-моему, не узнаёт. А я вижу, что это точно та самая девушка, что всегда думает, прежде чем ответить...

На этот раз она сравнительно недолго думает, впрочем, ничего и не говорит, просто подтверждает, что всё может быть, всё бывает...

И вдруг я вижу слезу, которая катится по её щеке...

И падает прямо в её бокал с хеллесом...

Отчего хеллес делается ещё светлее...

Наверное, это уже не первая слеза, думаю я. Мне правда кажется, что её пиво намного светлее моего...

— Что случилось? — спрашиваю я.

— Я не прошла комиссию в Гезундхайтсамте.

— Ты... очень больная?

— Да нет, ничего страшного... Просто у меня лишний вес.

— Ну и что? Ты прекрасно выглядишь...

— Да ладно... И это тут ни при чём.

— А что при чём?

— Я не могу стать учительницей рисования.

— Из-за лишнего веса?

Если бы из глаз у неё при этом не текли слёзы, я бы подумал, что она меня разыгрывает...

«Эмо-бой весит не больше сорока килограммов», — сказала мне Штефи, когда я спросил её, что, собственно, сейчас означает это «эмо»*... Она прочла мне целую лекцию, в которой были и такие слова: «Эмо-бой...» Да, но бог с ним, с эмо-боем, а что там было с эмо-гёрл?

«Тогда как эмо-девушки покрыты татуировками, как русские матросы...» Однако про вес эмо-девушек я ничего так и не вспомнил, кроме того, я по-прежнему был не уверен, что передо мной вот именно эмо-девушка...

* Направление в пост-панке, а также в молодёжной моде.

Но она плакала по-настоящему... Это было странно, если учесть, как она пропускала в себя других... Ну или их слова... Только если они, поблуждав где-то в закоулках её задумчивости... Попадали в лузу, или не в лузу, но куда-то там...

И вот теперь, если допустить, что она не шутила и она на самом деле где-то застряла, её не пропустили куда-то туда, куда она хотела, — из-за лишнего веса... А значит, и объёма, потому что вес — это плотность, умноженная на объём, да?..

Но при чём тут рисование? Нет, это какая-то глупая шутка...

— Не плачь, — попросил я, — расскажи, что всё-таки случилось...

— Я же тебе сказала, я сегодня была в Гезундхайтсамте. На комиссии. Которую я не прошла. Меня взвесили. И сказали. Что я. Могу учиться на учителя. Только если похудею... Знаешь, на сколько?

— На сколько?

— На девятнадцать килограммов.

— Они что, сумасшедшие?

— Я не знаю. Наверное. Это фашизм.

— Не плачь, фашизм не пройдёт...

— Я, конечно, поправилась в последнее время. Но столько я вообще никогда не весила! Я имею в виду столько, сколько они сказали... Минус девятнадцать... Вообще никогда... — она всхлипнула.

— Слушай, — сказал я, — конечно, всё понимаю... Точнее, ничего не понимаю... Но скажи, ты уверена, что ты хочешь быть учительницей?

— Не уверена!

— Ну так...

— Что так? А если мои картины не будут продаваться? Что мне делать? Так я бы пошла в школу...

— Но почему учитель рисования должен весить на девятнадцать килограммов меньше?.. Я понимаю, если бы ты хотела стать учительницей физкультуры...

— Послушай, это на самом деле неважно. Любой учитель гимназии является государственным служащим, что рисования, что физкультуры... А госслужащим может стать только тот, кто соответствует определённым медицинским нормам... В том числе и весу... Вот и всё.

— Ужас. Я и не знал...

— Значит, ты никогда не хотел стать госслужащим.

— Точно, не хотел... Последний вопрос: ты уверена, что ты хочешь работать в школе? Ты прости меня, конечно, но... Ты думаешь, детки сейчас лучше чиновников Гезундхайтсамта? Знаешь, как они *взвешивают* своих учителей?

Я увидел, как она скатала из моих слов маленький никелированный шарик, оттянула рычажок и... шарик полетел по разрисованной плоскости, стал блуждать в закоулках...

Осталось только вспомнить её имя... Можно было, конечно, и спросить, но мне почему-то хотелось вспомнить...

— Нет, — сказала она, подумав, — я не думаю, что дети лучше. Но что мне делать? Учить детей рисовать казалось мне единственной возможностью зарабатывать на жизнь... если не живописью... То где-то рядом, понимаешь?..

Я не смог вспомнить её имя, зато у меня шевельнулось другое воспоминание...

— Ты живёшь в этом доме, — сказал я, — прямо над «Контрабасом», я прав?

— Да, — сказала она, — странно, что я при этом тебя совершенно не помню. Ты что, был у меня в гостях?

— Not yet, — сказал я, и она смахнула с лица волосы, слёзы... Даже попробовала улыбнуться.

— Нет, ну скажи, какие сволочи, — подняла она бокал и мы чокнулись, — просто Оруэлл отдыхает...

— Ты имеешь в виду «Animals Farm»? Или «1984»?

— Я имею в виду курятник, в котором мы все тут жили, как оказалось...

Но я бы сказал, что комнатка Дженни скорее напоминала клетку для канарейки. Там негде было повернуться, кроме того, что комнатка была очень маленькой — метров восемь, наверное, она была ещё и завалена шмотками, книгами, CD, виниловыми пластинками...

При этом сама Дженни была скорее похожа на чёрную курицу, чем на канарейку...

Впрочем, чаще всего она и так сидела внизу, в «Контрабасе», на высоком стульчике у стойки — чем не насест...

Не могу сказать, что я так уж похож на кенаря, но с того самого дня, когда Дженни не прошла комиссию в Гезундсхайтсамте, я стал проводить в её комнате гораздо больше времени, чем она сама...

Может быть, меня выписало ей в качестве утешения какое-то другое учреждение?

Или нас приписали друг другу... Потому что, как я сейчас понимаю, я и сам находился на грани... Сидя в «BZW», я ощущал как бы столб пустоты, в который меня неумолимо затягивало... И потом, переместившись в «Контрабас», я увлёк этот столб за своим солнечным сплетением...

Так что когда я кончал в тот вечер, ухватившись руками за Rettungsring* сидевшей на мне Дженни, я думал о том, что это — настоящий спасательный, без которого я бы утонул...

И не мог не восхититься, когда Дженни повалилась на бок, мудрости нашего языка...

Свою квартиру я в этот период посещал не часто, раз или два в неделю... Домашних животных там не завелось — разве что белка могла запрыгнуть сквозь открытое окно — я оставлял окна приоткрытыми — и сразу же выпрыгнуть обратно, убедившись, что есть у меня нечего, даже если по сусекам поскрести... Я вычистил квартиру полностью от всего съестного, отключил холодильник...

* Дословно: «Спасательный круг», так немцы называют жировую складку на талии.

Зато Дженни, кажется, доставляло тайное удовольствие... Превращение простыни в скатерть и наоборот... С чем я, естественно, пытался бороться... Но моя борьба с Дженни в этом вопросе быстро переходила вот именно в простыню... А потом снова в еду, причём именно так, как она хотела с самого начала, то есть прямо в постели, неважно, пиццу мы ели в тот момент, суши — да всё что угодно...

Пожалуй, это было единственным, что омрачало мою жизнь... Но я с этим мирился и даже — как я теперь понимаю, получал от этого какое-то дополнительное удовольствие... Которое тщательно скрывал — даже от самого себя, и пробовал с ней ссориться...

Пока Дженни не доказала, что то, что происходит во время ссор — тарелки, летящие в стены и т. п., — намного хуже, чем тихий ужас повседневного неряшества...

Месяц я провёл почти безвылазно в её квартире и в «Контрабасе», который, впрочем, воспринимал как продолжение её квартиры... И моей войны за чистоту другими средствами: в «Контрабасе» можно было не только выпить, но и закусить каким-нибудь «клубным сэндвичем», не роняя крошки в постель, потому что постель при этом находилась за потолком...

Когда Дженни уходила работать в мастерскую, я оставался лежать на матрасе в каком-то полубреду... Закрывал жалюзи и полностью открывал окно. Лежал весь день, отделённый от Бёмештрассе перфорированной изгородью, шум машин мне не мешал, в многочисленные дырочки проникал холодный ноябрьский воздух.

5. ДОМОВОЙ С ДОМАГШТРАССЕ

Кроме художников там живут разве что ещё цыгане — одну из казарм, кажется, занимает целый табор... Но все остальные — а их там штук пятьдесят казарм, а может быть, и все сто — занимают художники, которые там не живут, или точнее, не должны жить — по уставу «коммуны» (никакая это не коммуна, конечно, но Дженни так говорит, а я просто повторяю вслед за ней), только работать — писать картины... Но в каждом бараке есть, как правило, один или два бездомных художника, которым больше просто негде жить, вот они и спят там среди своих холстов — а кто им запретит?

Казармы четырёхэтажные, длинные, они принадлежали бундесверу, не знаю, с какого рожна их отдали художникам... Если бы это были казармы янки, тогда понятно — янки вент хоум, а казармы надо было чем-то заполнить... Но там ведь жили немецкие солдаты, а бундесвер, вроде, никуда не ушёл... Так, частично разбрёлся по свету, принимая участие в «антитеррористических операциях»...

Ну, наверное, казармы не отвечали больше современным требованиям... И кому тогда, как не художникам, надо было их отдать? Так что всё сделали правильно. Коммуна — не коммуна, но гигантский сквот... Самый большой в Европе — по словам Дженни...

Я был здесь раньше, много лет назад, во время так называемых «Дней Домагштрассе»...

Это когда все художники проводят ночь в своих мастерских, но не спят, а пьют вино, в подвалах играют рок-группы, каждая комната превращается в выставочный зал, да и коридоры тоже

все чем-то увешаны... Тогда было довольно много народу, почти как на Ежегодной выставке Академии... То есть казалось, весь Мюнхен змеится сквозь мастерские — из одной казармы в другую... Ну и я вместе со всеми... Больше, видимо, нечего было делать в тот вечер... «Egal wohin, wo alle sind...»

Но с тех пор здесь всё изменилось... Интерес города к этой самой «зоне» почему-то остыл... Мне говорили, что ничего подобного во время «Дней открытых дверей» здесь больше не происходит... Вообще никого нет, царят пыль и уныние, ну может, горстка посетителей, мгновенно поглощаемая зевающей «зоной»...

Власти города давно уже пытаются снести казармы, но, как это часто бывает, именно в этот момент художники каждый раз объединяются, собирают подписи видных деятелей культуры, «коммунары» маршируют с плакатами перед ратушей — и всё в таком духе...

И мягкотелые наши власти каждый раз не решаются довести дело до конца, то есть снести наконец бульдозерами этот гадюшник и построить на его месте дома для дужей со всеми удобствами... Может быть, потому что и сам обербургомистр наш — в душе художник...

Я об этом знаю не понаслышке — он заходит иногда к скульптору Морицу, старик хранит в отдельной папочке рисунки, которые обербургомистр делает, сидя в его хижине, карандашные наброски на листах А4... Почему-то Мориц не показывает их никому... Но говорит, что бургомистр рисует совсем не дурно... Может быть, Мориц и даёт ему уроки...

Старик напускает вокруг визитов сановного чиновника в свою хижину толстую дымовую завесу...

Напротив «зоны» уже стоят новые здания, с некоторой натяжкой их даже можно назвать небоскрёбами... Целый, можно сказать, даун-таун... Их не было, когда я ходил здесь несколько лет назад, а теперь они есть, они стоят — подсвеченные синими огоньками, офисные здания, похожие на мерцающие серверы в комнатке системного администратора, а если учесть, что дужи, как и ху-

дожники, не имеют права спать на рабочем месте, логично было бы построить с другой стороны дороги спальный район...

Дужам было бы очень удобно — только дорогу перейти... Но, как я уже сказал, художники пока что не позволяют снести свои казармы, чуть что — на баррикады...

Так вроде их и нет больше здесь, кажется, что «зона» вообще вымерла, все эвакуированы, пусто, тихо, такой себе чернобыль...

Но как только вдалеке слышится шум бульдозеров, художники вылезают из щелей, как тараканы, и объединяются в стаю — с транспарантами, прямо напротив ратуши...

То есть, по словам всё той же Дженни, как это ни грустно, Домагштрассе давно уже превратилась в колонию живописных лузеров...

Её собственное — Дженни — желание получить в дополнение к диплому свободной кунстлерши диплом гимназийного учителя связано, в первую очередь, со страхом стать жительницей «зоны»... «Всю жизнь писать поверх непроданных картин новые — точно так же никому не нужные...

Но Дженни не прошла по весу — на учителя, который на самом деле является госслужащим...

На самом деле это смешно и грустно — что её не взяли...

Это как если бы в литературный, скажем, институт в Лейпциге, принимали только абитуриентов «веса пера»*... «Эмо-бой весит не больше сорока килограммов...» Но при чём тут? Дженни — вовсе не эмо, хотя внешне так выглядит, и розовые чулочки у неё имеются...

Я с трудом могу объяснить другое — своё желание пожить в этой зоне... Хотя после всего, что я написал перед этим, может быть, это и не нуждается в объяснении...

В ателье стоял кожаный диван и ещё канапе, на которое Дженни переползала, если я, по её словам, хралел...

* Есть такая весовая категория у боксёров (Federgewicht).

Так мы прожили несколько дней, а потом меня оставили там одного на одну ночь...

— Сегодня переезжаем на квартиру, о'кей? — сказала Дженни.

— Зачем? — потянулся я. — Здесь так хорошо.

— Это тебе хорошо.

— А тебе разве нет?

— Мне не нравится, что мы здесь живём. Мне не нравится, что ты впал в какое-то идиотическое состояние...

— Это состояние называется «блаженство», Дженни. В котором ты к тому же сама и виновата!

— Нет-нет, это не Шлараффенлянд*, Йенс. Это моё ателье. Я хочу здесь работать, а валяться у себя дома.

— А я?

— Ну и ты чтоб там же валялся...

— Но можно ещё несколько дней здесь?

— Ладно, спи, — сказала она, — здесь один, если тебе так хочется. У нас будет показ слайдов, в моём классе, в Академии, это затянется допоздна, и у меня нет никакого желания потом оттуда добираться сюда...

— Я тебя встречу.

— Нет, я сегодня ночую дома.

Я многое пережил за ту ночь, причём ни тогда — на следующий день, — ни сейчас — по прошествии двух лет — у меня нет ни малейшего желания разобраться, что было во сне, а что наяву... Юнг считал, что сны, похожие на явь, как две капли во-

* Немецкая сказочная страна, где молочные реки, кисельные берега, не нужно ни о чём заботиться... Есть знаменитая картина Брейгеля Старшего с таким названием: под деревом лежат тучные увальни, а вокруг них бегают еда — куриное яичко на человечьих ножках, со вставленной в него ложечкой, поросёнок, в котором уже торчит ножик. Ещё в Шлараффенлянде всё наоборот, т. е. там поменялись местами дети и родители, добродетельные граждане и тунеядцы и т. д. и т. п.

ды, — это признак усталости, умственного истощения или чего-то в таком роде...

Но я так не думаю... От чего бы я так уже истощился? От Дженни? Тоже не думаю...

Тем не менее, в ту ночь меня бросили без спасательного круга... И многого другого, к чему я уже привык... Честно говоря, в первый раз, когда мы падали на её матрас, я боялся, что, проведя рукой по её бедру, я не включусь... Линия, проходящая по бедру, ягодице и талии Штефи, была как бы ключом к моей голове, а оттуда сигнал уже шёл куда надо... Я на самом деле думал, что без этой линии я просто не включаюсь... Особенно, когда вместо талии — спасательный круг...

Но всё оказалось совсем не так... Я не могу сказать, что Штефи совсем покинула мою голову, она, скажем, мне снится иногда... Но в ту ночь она мне и не снилась, а когда я проснулся, рядом не было не только её, но и Дженни...

Ночью я проснулся один, в холодном, заваленном холстами помещении... И не мог не вспомнить рассказ отца...

Да, там было много холстов, но помещение было большим, и в нём хватало места и людям, и картинам... И даже чему-то третьему, некоему *homo-farbe*... И этот некто был я...

В голове мелькало что-то смурное, прочитанное в журнале Никеля и Крахта...

Что живопись в Египте родилась одномоментно с искусством мумификации... Асфальт, краски, мумиё...

Ё-моё*, всё это теперь смешалось у меня в голове, я ощущал себя комком древней краски, может быть, во сне я был египтянином...

Но теперь мне хотелось стряхнуть с себя этот сон... Я не хотел быть стыком живописи и жизни... В виде мумии... Меня тогда уже

* В оригинале «*Mai Oh Mai*» (*баварский*). Я хотел заменить на «йо-йо», но захотелось вдруг поменьше иностранных слов... И побольше исконно русских междометий...

больше устраивала версия Ахима — ожившая картина... Можно было ведь трактовать его рассказ и так... Притом что, если всё это действительно так начиналось — в Египте, это могло служить хоть и косвенным, но всё-таки подтверждением... Того, что всё это вполне может так же и закончиться...

Ну или что-то в таком духе... Мелькало у меня в голове, пока я шёл в туалет, который был довольно далеко от мастерской Дженни — надо было пройти по длинному коридору, спуститься на один этаж по лестнице, потом ещё по одной — винтовой — лестнице, в подвал, где не было света, но граффити на стенах немного флуоресцировали, на стены я во всяком случае не наткнулся, а других препятствий в этом лабиринте вроде бы не было, или я сквозь них проходил — как нож сквозь масло... Хотя только что я и сам был... Но я уже говорил, *one minute you are a statue, one...*

В какую-то минуту я уже был ни тем и ни другим, тело было моим обычным телом...

А чьи-то скульптуры из железной проволоки, выставленные на лестничной клетке, наоборот — царапнули моё правое плечо...

Туалет был совмещён с душевой, и там, в отличие от коридора, горел свет... Я стал к писсуару... От струи пошёл пар... Когда я почувствовал на плече чью-то руку, я вздрогнул, естественно, всем телом... Я не слышал, как он вошёл... Может быть, он возник из облачка испаряющейся мочи...

Я не спешил поворачивать голову... Не из-за мочеиспускания, в конце концов, я мог бы повернуть голову, не прерываясь и попадая по-прежнему в писсуар, я не раз вертел головой в таком положении... Теперь же я на всякий случай не стал оглядываться... Я ждал, что рука сама собой уберётся с моего плеча. Ну, может быть, я промычал что-то нечленораздельное, как мычат, когда снится кошмар...

Отряхнув член и положив его обратно в трусы, я нажал локтем на спуск воды и тогда только резко повернулся...

Я подумал, что уверенности в том, что это тот самый Уртюп, у меня нет. Возможно, их много, возможно, существуют условия,

при которых лицо человека теряет индивидуальное выражение... Для дужей это — одинаковый образ мыслей, а для уртюпов — образ жизни, — так я подумал в тот момент... Я то есть не уверен был, что это тот Уртюп... Которого я видел со Штефи на Изаре... И потом — когда шёл на перформанс толстого Йенса...

Я вспомнил, что видел Уртюпа ещё раньше, на вокзале, хотя опять же я не мог бы утверждать со стопроцентной гарантией, что это был тот Уртюп...

Тот — на вокзале — подошёл ко мне и сказал:

— За мной гонятся негры... Ты не мог бы меня прикрыть...

И когда я послал его к чёрту, он достал нож... Да-да, большой такой, складной нож... И начал его раскладывать... При этом я увидел, что он шатается, еле стоит на ногах... И когда я сильно толкнул его в грудь... Я помню это поразительное чувство — он улетел... Не как человек, а как груда каких-то тряпок... Ну, как тряпичная кукла... Джанки, божий одуванчик... Но с ножом...

Нет-нет, на вокзале уж точно был другой Уртюп, хотя все они похожи, кроме того, когда в такой момент что-то мелькает в голове, это может быть неспроста... То есть я подумал, что тот или не тот, но у этого точно так же может быть нож...

— Ты — гомик*? — сказал он.

— Нет, — сказал я и, подумав, почему-то добавил, как говорят, играя: — Холодно...

— Это плохо.

— Мне очень жаль, но я должен идти. И для меня не так уж плохо.

— Это плохо, потому что если бы ты был гомиком, вопрос был бы исчерпан... А так нам надо с тобой разобраться, я должен выяснить...

Да, я точно помню, он так и сказал: «...вопрос был бы исчерпан».

* В оригинале: Schwuchtel.

— Что выяснить?! — крикнул я. — Мне надо идти!

— Не кричи, всё равно никто не услышит.

— Что вы здесь делаете?! — снова крикнул я. — Вы что, художник?

— А ты?

— А я просто поссать вышел!

— И при этом ты не гомик?

— А что, писают только гомики?

— Нет, если бы ты был гомик, всё было бы понятно... А так...

— Что — так?

— А так непонятно, почему ты за мной ходил.

— Вы с ума сошли, — сказал я. — Может быть, мы несколько раз случайно шли по городу в одну сторону. Вот и всё. Это что, значит, что я за вами следил?

— Ты был в моей комнате. Ты рылся там в моих вещах. Ты сидел в моём кресле...

В этом месте я, по-моему, начал смеяться, и это не понравилось Уртюпу... Я стал смеяться, потому что это было похоже на сказку про семь гномов: «Кто ел мою кашу... Кто курил мою трубку...» Уртюп был примерно моего роста, к тому же сильно сутулился, так что, выпрямившись, он стал ещё и выше меня... Но при этом в нём было что-то непоправимо гномное...

— Стало быть, ты не гомик, — сказал Уртюп, — и не художник... Ты здесь не имеешь права находиться.

— Нет, почему же, — опомнился я, — конечно, я художник. Я просто так сказал, из скромности... Но что есть, то есть... Поэтому я и шёл за вами — если это были вы, — чтобы предложить вам попозировать. Я хотел написать ваш портрет.

— Почему же не написал? Не сказал мне?

— Я передумал.

— Ничего не понимаю, — сказал Уртюп. — Чего это ты передумал? У тебя же здесь ателье, или как? Пойдём тогда, напишешь мой портрет, заодно посмотрим, какой ты художник...

Я хотел было возразить, но... Встретившись со взглядом этих глаз, вперившихся в меня из-под выгоревших бровей... Я отвёл свои и увидел, что одну руку он держит в кармане рыжих брюк, и что он там сжимает, кто его знает... Может быть, то же самое, что тот Уртюп, который был на вокзале... А я стоял в одних трусах, на кафельном полу, в кроссовках... Испытывая совершенно явственный... страх кастрации...

И вдруг я увидел то, что было дальше... Как мы поднялись бы... Но не было уже никаких «бы» — грибы уже выросли — во рту...

Это трудно объяснить, но я уже сказал, что воспоминания о той ночи у меня очень путанные... Переходы из сна в делириум... Из казармы — в сказарму... Шларафенлянд — шлафенлянд — шафенлянд... ла-ла-ла-ла-лянд...

Штрафтат — штрафбат... Шаг в сторону — отстрел...

Мне сейчас кажется, что мы очень долго шли... по затопленному коридору...

Есть ведь такая топь — между явью и сном, вы ведь тоже её знаете... Вот в ней тогда и хлюпали наши с ним ноги...

Но в конце концов мы вошли в мастерскую Дженни, я предложил было Уртюпу сесть на канapé... Впрочем, от него воняло, а на канapé лежали подушечки, рюшечки... В мастерской у Дженни, как ни странно, чище, чем в квартире... Нет, пусть он стоит в центре комнаты, решил я...

— И можешь доставать то, что у тебя в кармане, — сказал я. — Ты будешь, как Отто фон Виттельсбах... Правда, у него копье... И он на коне... Но это не так важно... Может быть, я и тебя посажу на коня...

Бормоча чепуху, я рылся в кисточках Дженни... Пока не нашёл мастихин... Довольно внушительных размеров... Которым можно было класть краску... И не только краску, им ещё много чего можно класть... И даже за-класть, этаким тесаком... Это было то, во что перековали мечи в этих казармах...

Положив орало по правую руку от себя на подставку подрамника, я взял в руки кисточку...

И начал что-то изображать, стараясь, чтобы фиолетовое пятно, возникшее на холсте, сохраняло более или менее антропоморфные контуры... Краски я не менял... Я махал кисточкой, кажется, даже насвистывал...

За шпатель я схватился, когда, глянув на Уртюпа, не увидел его и понял, что он сошёл со своего места, подошёл к холсту, стоит прямо за ним...

Я ждал, что холст распорет лезвие... И я был к этому готов, я отошёл на шаг от подрамника, мастихин я держал наизготовку...

Уртюп выглянул из-за подрамника, с деловым видом заглянул в холст... Сделал шаг и оказался с моей стороны, минуту, наверное, он разглядывал пятно...

— Ладно, — сказал он, — теперь я вижу, что ты художник. А выпить у тебя есть?

— Чего нет, того нет, — сказал я и обвёл рукой мастерскую: — Всё выпили... Одни пустые бутылки.

— Ладно, это, конечно, плохо... Но зато я здесь поживу теперь. Мне здесь нравится.

Дальнейшее я плохо помню. Наверное, между нами произошла какая-то драка... Но без поножовщины, то есть мастихины, стамески, зубила или как там их ещё... Не были пущены в ход...

Скорее всего, в ход был пущен тупой тяжёлый предмет... Когда я очнулся, в комнате не было никакого Уртюпа, я лежал в постели, а не на полу... А это могло означать, что всё вообще было сном...

Я встал с кровати и включил маленький телевизор — просто, чтобы узнать, работает ли он...

И увидел Уртюпа — теперь уже на экране...

Так мне, во всяком случае, показалось в первый момент... На экране был блаженный бородач по имени Боб Росс, который уже лет двадцать, наверное, если не больше, ведёт по баварскому каналу «Альфа» ночную изостудию...

Просто я привык, что Боб пишет пейзажи, сладко бормоча себе под нос на своём языке какую-то милую чепуху... «Here we go,

here we go», — говорит он каждый раз, меняя кисть на мастихин или наоборот... Так соблазнительно, что кажется, вот сейчас и в самом деле всё бросишь и пойдёшь...

Бормотал-то он и сейчас: «So, folks... Вот так мы их сейчас... Вот хорошо... А теперь берём красненькую... Вот так... И тут... И вот там... И тени теперь... И на плетени... Вот, вот... Вот, вот... И здесь... И там... Здесь я царь и бог... Когда утром я выхожу из дома и выезжаю из гаража на своей машине, я уже не царь и не бог... Но здесь я всё могу... Смотрите... Всё... Всё... Вот смотрите, смотрите... А сейчас мы оденем деревья в хвою...»

Но если всегда при этом перед глазами у меня проступали альпийские поляны, покрытые эдельвейсами, жёлтые рапсовые поля, коричневые бревенчатые сарайчики, голубые глетчеры, корабельные сосны... И никогда, никогда никаких людей...

То теперь на холсте проступало лицо... И я понял, что уже ни в чём не уверен: я мог видеть это до того, как уснул, и до того, как пошёл в туалет... Может быть, я и не ходил в туалет, а помочился в раковину, в которой Дженни промывает кисточки... Смешивая мочу с остатками краски и смывая всё это струёй воды из крана, я вспомнил надпись, которую накануне видел в туалете, кажется, в метро на Фрауэнхоферштрассе, куда я забежал по дороге домой по нужде — после пяти, что ли, кружек в «Чёрном петухе»... Там перечислялись услуги: от «сосания х...я» до «лизания грязной, невытертой задницы»... Существо, предлагавшее эти услуги, именовало себя «туалетным животным»...

Вполне могло быть, что оно попало в мой пластилиновый сон из крана или вынырнуло из стока раковины... Где всё это загустело в уртюпа — краска, мочеви́на и что-то ещё... В сгусток моей гомофобии... Который перемещается теперь по сточным... и водосточным трубам... Иногда застревая...

«То есть мой сон мог быть гораздо, гораздо омерзительнее... Хорошо ещё, что я всё не помню...» — думал я...

Теперь я уже не сомневался, что это был сон... Что я не ходил в туалет, не встречал там Уртюпа, не рисовал его портрет, не дрался с ним на утюгах...

А куда мне надо было отнести одиночные светлые окна в небоскрёбах, которые стояли напротив? Я видел там светлые окна, но спали дужи или бодрствовали, я не знал... Мне захотелось вдруг пойти к ним... Сверху посмотреть на зону уртюпов... Из какого-нибудь пустого офиса, точнее, из офиса, заполненного бессонными дужами... Я вспомнил, что там работает и мой знакомый, с которым к тому же я через день должен встретиться... А так как я был не уверен, что с тех пор, как я оказался в зоне, прошла одна ночь... А не год или два, или двадцать лет... Открытых дверей Домагштрассе...

То почему бы мне было не встретиться со Штефаном прямо сейчас? Что, если это он там и сидит, в одном из светлых окон, и делает горящую работу...

В общем, насколько я помню, я покинул ночью казарму, в которой находится ателье Дженни, именно с такой целью — посмотреть на всё это с высоты небоскрёба, в котором к тому же мог быть необходимый мне дуж...

«Here we go, — бормотал блаженный Боб Росс, скребя экран мастихином, — here we go...»

По этому же баварскому каналу — «Альфа» — после Боба Росса, как правило, идут картинки, передаваемые камерами орбитальных станций... Под музыку в духе Classic Lounge Night Flight проплывает голубая планета, так хорошо всё видно... Береговые линии континентов с такой точки зрения кажутся берегами Норвегии... да-да, всюду — Норвегия, потому что гигантские заливы — моря, по сути, превращаются с такой высоты во фьорды... Там, где открыт облачный покров... Я периодически это вижу с детства — после ночной изостудии Боба Росса, на которую я всегда попадаю случайно, когда переключаю каналы, ища что-то другое...

Here we go, folks, here we go...

Вывалившись во двор, я увидел костёр, я увидел человека, подкладывавшего в огонь белые доски...

Это был не Уртюп, во всяком случае, не тот... Тоже довольно запущенный, но от него не воняло... И он не стал меня спрашивать, гомик я, художник я... А молча протянул мне миску с супом.

Я взял из вежливости, думал сделать вид... Но как-то случайно ложка оказалась у меня во рту...

А суп был рыбным и довольно-таки вкусным...

И протеиновый, судя по всему, человек наливал мне в пластиковый стаканчик водку...

Всё, что он хотел взамен, — какую-нибудь историю... А так как водка развязала мне язык, я рассказал ему о том, как меня нашли...

При этом на душе у меня стало как-то тревожно, я подумал, что никогда не покину эту зону...

Незнакомый Уртюп слушал молча, только покачивал головой и подливал водку в стаканчики...

К костру подошли ещё два человека, один из них был в тулупчике... Я задал дурацкий вопрос: «Вы художники или цыгане?» Один из них посмотрел на другого, тот пожал плечами и достал целлофановый кисет с табаком и — тоже целлофановый, но маленький и не цветной, а прозрачный — кулёчек...

«Трава на меня вряд ли подействовала, — подумал я, когда мы выкурили косяк. — Я такой и был, точнее, ночь такая... Скорее, водка, почти что на голодный желудок... А может, и всё вместе, кумулятивный эффект...» — вспомнилась мне в этот момент машина... Нет, не красная, которую я видел в детстве, когда съел белладонну... А бело-зелёная, которую видел не так давно возле театра «44»... Белый «Мерседес», весь разрисованный зелёными листьями канабиса, с огромной надписью на боку: «WODKA»...

Я не знаю, что за клоун на ней ездит, она стояла припаркованная...

И я так и не дошёл в ту ночь до офиса, где сидит Штефан... Я куда-то пошёл вместе с художниками, от костра, который мы погасили, помочившись на красные угли...

Дальше был лабиринт, заставленный старой мебелью, и где-то в конце этого лабиринта стоял Уртюп — перед проигрывателем — и ставил пластинки... Лица людей, которых я замечал в глубине того или иного кресла или на полу, прислонившихся спиной к дивану или к чьим-то ногам, были нейтральными лицами, художник в тулупчике, который он не снимал, хотя в лабиринте было очень жарко, рассказал мне, что он с приятелем снимает огромное ателье — размером с баскетбольный зал, в Хайдхаузене, на выгодных условиях... Они платят картинами... По одной картине от каждого из них раз в два месяца... Я поинтересовался, что они рисуют... Художник пожал плечами, и я тогда спросил: «Свое ателье?»

Дурацкий был вопрос, но меня в ту ночь интересовали прежде всего сами возможности таких фазовых переходов... В голове вертелись какие-то бессмысленные слова, что-то вроде «тайного таяния воды»... И Кристиан — художника в тулупчике звали Кристиан, — кажется, это почувствовал... Так что мой дурацкий вопрос его не отпугнул, мы разговорились, обменялись телефонами, я думал рассказать ему историю моего происхождения...

Я решил, что ему можно это рассказать, и даже нужно, но язык плохо ворочался, и я, в основном, молчал...

Что было правильно — сколько же можно об одном и том же...

Ахим и тот не выдержал и рассказал ещё один вариант...

Но это уже точно было во сне, так же как и добрая половина моих перемещений...

А потом двое уртюпов принесли в какой-то двор фортепьяно, я думал, что его хотят пустить на дрова, но вместо этого к нему подсел Флориан и стал играть Шопена...

Кроме того, в какой-то из моих походов в туалет я увидел там Штефи...

Странность состояла вовсе не в том, что она стояла в мужском туалете; туалет, возможно, вообще был общим... Но Штефи стояла там за пультом и с задумчивым видом разглядывала винило-

вую пластинку... «О, привет! — сказала она. — А я сегодня — туалетный диджей! Надеюсь, ты не против?»

Когда я потом пересказывал свой сон Дженни, она сказала, что есть такое кафе или дискотека, в одной из казарм, где в туалете пластинки ставит диджей... Но всё равно у меня это могло быть во сне и только во сне, потому что Штефи в зоне точно не могло быть — наяву...

Не говоря уже об Ахиме, который рассказал мне историю... Согласно которой меня опять-таки подбросили... В пункт... Не краденых артефактов... А добровольно сдаваемого оружия... В Афганистане? Может быть...

Ахим — вот уже точно во сне — служил там во время одной из войн...

А может, и в Чечне, почему бы и нет? Наёмником... На чьей стороне?.. Какая разница...

Какая разница, где наяву были немецкие солдаты и где нас не было? Короче говоря, всё, что я запомнил — что меня подбросили туда, куда бросали гамузом автоматы, гранатомёты, бомбы, начинённые гвоздями... Ну да, может быть, в секторе Газа... Кажется, Ахим говорил, что бомба была спрятана у меня внутри и что она с часовым механизмом...

Естественно, я не помню, в какой казарме мне это приснилось... Но, в общем, неудивительно, что снилось в казарме, неважно, что временно здесь живут не солдаты, а уртюпы...

Да, но для воссоздания полной картины Домагштрассе необходимо перейти наконец к собственно живописи... Кто знает, может быть, когда/если мои записки найдут читателя, никакой Домагштрассе уже не будет... То есть штрассе-то как раз останется, по ней будут точно так же мелькать трассирующие фары, но казармы снесут к чёртовой матери и построят невысокие небоскрёбы, симметричные тем, что стоят по другую сторону, всё той же штрассе...

Может быть, казармы будут сносить и не бульдозерами, не сразу бульдозерами, очень даже может быть, что их вообще будут

взрывать... Так что сон, приснившийся мне в одной из казарм, окажется более чем вещим...

Я чувствовал себя той ночью не просто подкидышем, но подброшенной бомбой, или точнее, подложенной, с часовым механизмом... Надо признать, что чувствовал я себя так не только во сне, после того, как Ахим мне сказал о существовании другой версии... Это же ясно, что сюжеты сновидений в первую очередь вызваны причинами физиологическими... И я той ночью с какого-то момента чувствовал в себе тикающий часовой механизм... Оно тикало, это самое... *secret heart*, я периодически чувствовал, что вот сейчас *it blows*...

А вот живопись была неразрывно связана с явью... Историю об украденных картинах Ахим рассказал мне наяву, кроме того, сами казармы, в отличие от казарменных снов, были пристанищем художников... Их полотна были большей частью абстрактны... Кое-где на холстах проступали какие-то абрисы, иногда совершенно отчётливые, помню китайца с длинными волосами, показывавшего мне мясные полотна, сочный такой, салонный сюрреализм, но это было исключение из правил... В основном же, я видел в комнатах, часто перегороденных висящей материей, абстрактные художества, и если даже попадались какие-то фигуратные причуды, они были настолько децентрированными, фрагментарными... Что, принимая во внимание ещё моё состояние после сухого Уртюпа, водки, джойнта... Легко поверить, что с какого-то момента картины, которые всё время продолжали передо мной мелькать... Где-то я видел женский веер, прилепившийся к холсту, и чуть не отодрал его, мне было душно, но художник буквально схватил меня за руку... Я обвёл глазами остальные закоулки его полотна, увидел потоки застывшего стеарина... Что-то хотел сказать, но махнул рукой, вместо веера... Я подумал, что это — паук, и лучше уйти, а то и сам попаду в его холст...

Мы ходили из казармы в казарму, с неведомыми мне целями, моим Вергилием был Кристиан, нигде не снимавший своего ту-

лупчика, даже когда мы пили чай у китайца и я обливался потом и слышал громкое тиканье своего часового механизма...

Меня особенно поражало, что Кристиан выменивает плоские полотна, которые я пока что, правда, не видел, на куски трёхмерного пространства, в котором он живёт — где-то же он живёт... Впоследствии я побывал в его мастерской, но тогда я, помнится, то и дело спрашивал, почему же мы не зайдём к нему?

Он смотрел на меня с каждым разом всё более виновато и повторял, что его мастерская вовсе не здесь...

Всё, хватит об этом, мы ходили там бесконечно, попав в воронку, изображённую Альтдорфером... Мы там ходим до сих пор... Солдаты, проглоченные серой дырой, мы превратились в художников, которые не ведают, что творят... То есть мы, если вдуматься, находимся там — в дыре — ещё в более плачевном положении, чем, скажем, в Китае времён Мао Цзэдуна, когда художник знал, по крайней мере, что рисует брови вождя, другой — что подбородок, и так далее...

И так на протяжении десятилетий... Тильман Шпенглер недавно написал роман о китайском художнике эпохи Мао, который так и называется: «Глаза, брови, лоб...»

Но, в отличие от китайских, художники гетерогенной зоны не ведают, что творят...

Они не знают, что если сложить все их картины определённым образом — так же, как я это сделал в ту ночь... То получится...

Ну?.. Ну?.. Ну?!

Ну, конечно, кто же ещё...

6. И БЫЛИ ТОГДА ЕЩЁ ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА

Я проснулся в ателье Дженни. Был яркий солнечный день, рядом со мной лежала моя толстушка, я стал гладить её, и она забормотала: «Когда ты так делаешь, я чувствую себя кошкой...» После чего на самом деле замурылкала...

Утренний секс сильно отличается от вечернего и чем-то похож на старческий, I guess...

То есть всё происходит, но как-то, не сказать, что совсем бесстрастно... Как будто принял сильный анальгетик или надел презерватив на всё тело — мозг при этом отдельно завернут в целлофан...

Но в этом есть своя coolness, и об этом именно я думал в тот момент... Как вдруг вспомнил, что в одиннадцать утра у меня стрелка в холле «Четырёх времён года»...

Поэтому, хоть я и находился уже в некотором возбуждении... Наверное, именно потому что это было утро, я смог наконец оторваться от Дженни и попробовать понять, как можно спасти своё положение — не потерять лицо, во-первых, а во-вторых — шанс начать зарабатывать деньги... Я всё ещё лежал в кровати, с реальностью у меня всё ещё было туговато, призраки ночи ещё не полностью растворились в воздухе, я видел зигзаги, светящиеся гибкие трубки... Которые кто-то крутил в воздухе ночью, куда-то мы ходили с Дженни, в одну из казарм, там ставили «минимал», «электро»... Крутили огненные трубки...

Но теперь это были следы, наложения, воздух был не чёрный, а наоборот, весь какой-то светящийся, а зигзаги так быстро ис-

чезли, что я не успел испугаться от мысли, что у меня апоплексический удар...

Нет, это были мгновенные такие огненные зигзаги, и как только они исчезли, в голове наступила необыкновенная ясность... Я даже почувствовал себя счастливым в тот момент, просто стыдно признаться, как мало надо для счастья твари дрожащей...

Потом я встал с кровати и, подойдя к зеркалу, увидел, что левый глаз у меня почти сплошь красный... Ну и что, бывает, сосудик лопнул, ничего страшного, подумал я... А дальше — только маленькие красные зигзаги на белом — большей частью — белкё...

Зато никаких зигзагов в воздухе я уже не видел... Плохо было только то, что я опаздывал на встречу...

Мой приятель (тот, что не взял меня в прошлом году на работу в Африку по причине отсутствия у меня, с его точки зрения, «хищных рефлексов») предложил мне всё-таки... Для начала не в Африке, а прямо здесь, в Мюнхене, какую-никакую... деятельность...

Мне предстояло курировать малые проекты... То есть я — по крайней мере в начале своей карьеры — не должен был брать на себя ответственность за направление какого-нибудь суперспециалиста, скажем, на «Сименс»... Нет-нет, я должен был найти для какого-нибудь малого предприятия исполнителя совершенно конкретного задания, причём задача моя облегчалась тем, что я устраивал как бы очную ставку, и таким образом, ответственность с меня не то чтобы снималась, но риски минимизировались — во всяком случае, так сказал мне Штефан — мой бывший одноклассник и нынешний мой без пяти минут шеф... Или без сорока пяти минут — именно на столько я не успевал, по моим подсчётам в уме, на эту самую стрелку...

В тот день была первая из таких «очных ставок» — клиента с потенциальным исполнителем... И было бы глупо это дело проспать и навсегда лишиться шансов, которые предоставлял мне мой

однокашник... Легче всего ведь сползти, когда кончатся деньги Ахима, в нищету... Стать урчащим уртюпом... Но что мне было делать? Я въехал в гетерогенную зону без машины неделю, что ли, назад или две и теперь, просчитывая в уме варианты достижения цели, я понимал, что достичь гостиницы в срок нереально... А опаздывать на такую встречу хуже, чем на неё НЕ прийти...

В самом деле, пусть уж они тогда разминутся, что ли, работодатель и «работовзятель», выпьют кофе, посидят, может быть, совсем рядом, за соседними столиками... И разойдутся...

И вдруг я вспомнил, что в этом мире существуют такси... В любую зону их можно вызвать... Дженни, кажется, снова уснула... Я метнулся к столику, схватил телефон...

Через три минуты такси стояло под окнами... Я нагнулся было, чтобы поцеловать Дженни, но передумал — чтобы её не будить, сбежал вниз по лестнице, сел в кремовую «тройку» с шашечками и тут только первый раз — сидя в машине и глядя на проплывающие в окне казармы — понял, что просыпаюсь...

Мне было легко на душе, когда я покидал этот серый лабиринт... Наверное, мне казалось в тот момент, что точно так же можно покинуть всё, что угодно, — сон, смерть...

Всё так смешалось за эти дни на Домагштрассе, что я на самом деле чувствовал... Что такси перемещает меня из сна в явь... Или, о'кей, в другой сон... Но не так, как это происходит при работе обычного механизма пробуждения, не мгновенно, но медленно, плавно, растягивая пространство — и вместе с тем удовольствие...

Таксист как-то неуверенно оглядывался по сторонам. Я хотел спросить его, нельзя ли быстрее? Но понял вдруг, что мне нравится эта его неуверенность в казённом лабиринте...

Мы катались, как никелированный шарик в игровом автомате — заехали пару раз в какие-то тупики, я был уже снова уверен, что всё равно опоздал на встречу, и молча сидел, глядя в окошко...

— Ты не знаешь, кто здесь живёт? — спросил меня таксист.

Таксист явно был жителем другого сна... При этом выглядел он довольно внушительно, весил килограмм сто пятьдесят, у него были завитые усы...

— Художники, — сказал я.

— Что, во всех этих домах? — поразился таксист.

— Представь себе. Ну, не совсем живут, у них здесь мастерские...

Мы уже проехали ворота, стали ускоряться, я вздохнул с облегчением...

— Слушай, художники — это же то, что мне нужно, — сказал таксист. — Мне нужна картина в гостиную. Как ты думаешь, можно у них подыскать что-нибудь приличное?

— Смотря что вы хотите, — сказал я. — Думаю, что можно: там столько художников разных направлений...

— Мне нужно, чтобы на картине была изображена охота... Сцены из баварской охоты, понимаешь? Не видел ты там такого случайно?

Я рассмеялся, таксист посмотрел на меня с удивлением. В самом деле, что такого смешного он спросил... * Мы уже подъезжа-

* Очевидно, сюжет охоты, по мнению Йенса, относится либо к старой, либо к салонной, бюргерской живописи. Прав ли он? Вот передо мной статья в приложении к «Die Zeit» с репродукцией последней картины Нео Рауха, которая — картина — и называется «Jagdzimmer» — «Охотничья комната», и изображены на ней люди с длинными ружьями, из-под потолка свисают тушки перепёлок или другой дичи... Раух написал эту картину для выставки «рага» в Метрополитене, в статье говорится о том, что делать тому, кто хочет приобрести его картину. Для этого недостаточно иметь, скажем, полмиллиона и даже не факт, что если у вас есть время — несколько лет, чтобы дожидаться в очереди на аукцион... Галерист и художник хотят, кроме того, знать, в чьи руки попадает картина, вы должны пройти определённый конкурс — на право её обладателя... Галерист говорит совсем уже метафизические вещи, что не владелец ищет картину, а картина — владельца... Так что, по-моему, дело теперь обстоит совсем не так просто — со сценами охоты, — как это кажется Йенсу, выезжающему в этот момент из некой нефигуративной зоны живописи.

ли к отелю «Кемпински»... На фасаде развевались флаги, а в воздухе было что-то по-прежнему пьянящее; настроение, которое нашло на меня после утреннего пробуждения, вовсе не исчезло, скорее — наоборот...

Я расплатился с водителем и успел войти в отель ровно в назначенную минуту... Я сразу увидел мою клиентку, точнее, она меня сразу увидела и замахала рукой... Заулыбалась... Это была дама в мехах, довольно экзотического вида, я бы наверняка её узнал, если бы даже она не помахала рукой, потому что Штефан описал её мне... Чёрные волосы спадали на соболиную шубку, на ногах были высокие бахилы — как у проституток... Возраст определить было трудно, ей могло быть и тридцать, и сорок...

Я подошёл к столику, наклонился и поцеловал её руку...

Я никогда никому не целую руку, но тут она сама мне её подставила — протянула в таком положении, — так подобрал коготки, что ничего не оставалось, как чмокнуть...

— How did you recognize me, Mrs. Voronoff? — спросил я, усаживаясь в кресло.

И мы заговорили по-английски.

— О, это было несложно, — сказала она. — Ровно в назначенный час в дверях появился молодой человек с таким — ищущим, я бы сказала, взглядом. Да? Как сказал наш поэт: «Юноша бледный со взором горящим».

— Господина Галински пока нет, — сказал я. — Но он будет с минуты на минуту... Он звонил мне на мобильный, жаловался на пробку...

— Ничего, ничего. Разрешите, я вас представлю своему мужу.

Она махнула рукой, после чего к нам сразу подошёл молодой человек с длинными волосами, в спортивном костюме. Видно было, что он прихрамывает на левую ногу. Он пожал мне руку и сказал на английском: «Джон Морроу. Мне очень приятно. Но я не хочу вам мешать, Вера сказала, что у вас деловой разговор...

Я немного пройдуся, о'кей? Мне надо разминаться». С этими словами он отошёл от нашего столика, но не слишком далеко — в течение всего разговора он ходил кругами по холлу...

— Мой муж — модель, — сказала госпожа Воронофф.

— О! — сказал я.

На столике было шампанское и какой-то десерт, госпожа Воронофф пожаловалась, что приобрела в Париже вредную привычку завтракать с шампанским...

— Джонни недавно сломал ногу, — сказала она, — и теперь разрабатывает. Производственная травма!

— Простите? Вы сказали, что он — модель?

— Ну да, он упал с подиума... Не сдерживайте смех, молодой человек, после шампанского это вредно... Да, вот такой балбес. Но люблю я его, так что мне прикажете делать? Он младше меня, знаете, на сколько?

— На два года? — сказал я, зачем-то показывая эту цифру и на пальцах...

— Смотрите, вот и ваш нерд пришёл.

— Мне кажется, нерды как раз не опаздывают, — сказал я. — Кроме того, нерды — хорошие работники, они хороши для дела, для начальства, это для посторонних людей, ну или, наоборот, для своих близких, согласен, они кажутся занудами, потому что голова у них как раз и занята работой...

— Ладно, хватит его расхваливать, я всё сама увижу. Если только он подойдёт наконец-то к нашему столику, смотрите, смотрите, он идёт совсем к другим людям, вот ведь идиот... И знаете, почему? Он принял меня за проститутку.

— Ну что вы такое говорите, госпожа Воронофф, как можно вас...

— А я вам точно говорю! Вот сами его спросите, если мне не верите, по дороге, чтобы я не слышала... Идите, подойдите же вы к нему, наконец, он уже о чём-то там с ними договаривается, сейчас они его переманят...

Я хотел сказать, что, может быть, это вообще не он, не наш исполнитель, но тут же вспомнил, что об этом ни в коем случае нельзя проговориться... Что я вижу его впервые, так же, как она, Штефан ведь ей сказал, что у нас «софтвеа-фирма», не очень крупная, но только не «Ein-Mann-Unternehmen»...

Слава богу, это действительно оказался Матиас Галински. Удостоверившись в этом, я взял его под руку и подтолкнул в сторону столика госпожи Воронофф.

И вот наконец мы были в полном составе: заказчик, исполнитель, посредник.

Матиас оказался вполне типичным представителем своей профессии: очки, умные полутёмные глаза, белая рубашка. Я бы не назвал его дужем, что-то в нём было всё-таки живое, может быть, как раз эта тоска во взоре, из-за которой госпожа Воронофф прямо с порога обозвала его нердом... Причина этой тоски могла быть связана с его неудачами в карьере — несмотря на то, что за программистами в наше время охотятся бесчисленные хэдхантеры, и все они вроде бы wanted, программисты, этот каким-то образом умудрился уже полгода быть безработным... При этом характеристика с его предыдущего места была безупречной, а Штефан ещё и позвонил туда и выслушал кучу похвал...

Зачем Галински оттуда ушёл? Его сманили огромной зарплатой.

Однако фирма, в которую он перешёл, вскоре лопнула, и он стал искать себе место с не меньшей, чем на последнем месте, зарплатой — это у них такой, что ли, кодекс самоуважения... Такого он больше не смог найти, несколько понизил ставки, но и после этого пока что ничего не нашёл...

Впрочем, вовсе не это могло быть причиной тоски, которая прочитывалась теперь в его глазах... Которая, в свою очередь, могла быть причиной того, что его так долго не берут на постоянную работу...

Такие заколдованные круги — распространённый аттракцион в луна-парке, в котором все мы бродим, никто не застрахован, к тому же, у этого Галински могут быть проблемы со здоровьем, или с подругой, или с её отсутствием... — всё это пронеслось у меня в голове...

Мне слегка нравилась моя новая роль — без пяти минут «охотника за головами»...

Я вспомнил таксиста, который вывез меня из «зоны», и сказал себе: «Вот она — сцена баварской охоты... Ах, если бы я умел это... Взял бы и прямо написал — с натуры».

При этом, я ведь уже писал записки, так что мысль была не такой уж и фантастической...

Но я сейчас не жалею, что пишу не красками, а чёрт знает чем... В результате чего буквы выпрыгивают на экран...

С одной стороны, краски для изображения такой сцены были бы более чем уместны, но с другой: как бы я поступил со словами, которые произносились участниками комедии?

Компромиссным вариантом мог бы стать комикс, конечно... Но я ненавижу комиксы.

В меньшей степени я ненавижу кино... Но для кино я слишком ленив, и потом — беден...

Так что пусть они пока сыплются на экран, засушенные букашки*...

Госпожа Воронофф то и дело поправляла шубку, мех скользил по тем частям ног, что не поглотили её бахилы, казалось, что там — под шубкой — вообще ничего нет... Да и сама шубка казалась сделанной из прессованных вороньих крыльев, что-то подобное я видел у Ребекки Хорн, как бы доспехи из плотно сби-

* В оригинале «gefrorene Buchstäbchen» — «замороженные буквы», что звучит как «Fischstäbchen», «рыбные палочки», которые всегда продаются замороженными, но «замороженные букашки» было бы хуже, не всё же можно перевести buchstäblich (буквально), иначе всё получится отморозенным.

тых крыльев, надетые на голое женское тело... Впрочем, относительно госпожи Воронофф я не уверен, может быть, у неё там что-то было всё-таки надето — она не давала это разглядеть, каждый раз подхватывая край шубки, как-то иначе её расправляя... В то же время ассоциация с вороньими крыльями могла у меня возникнуть и без всякой Ребекки, просто из этимологии фамилии, которую госпожа Воронофф не преминула нам раскрыть... Видно было, что она хочет продолжать в том же духе, скажем, перейти к генеалогии, а что делать — видно было, что женщина слегка пьяна, и кто был виноват в этом? Галински, конечно, я-то пришёл вовремя... Хотя, скорее всего, она успела набраться ещё перед моим приходом...

— Итак, мальчики, я перехожу к заданию. У меня в данный момент есть много грузов, которые перемещаются по всему свету на кораблях, это понятно, да? И вот я столкнулась с такой проблемой: службы некоторых портов норовят меня обмануть. Они сообщают на мой запрос, что груз уже прибыл, хотя на самом деле это не так. Вот я и хочу знать, так это или не так на самом деле...

— А откуда вам стало известно, что груз ещё не прибыл? — спросил Галински.

— Рассказываю. Случилось так, что один из грузов вообще никогда не прибыл в порт. Корабль утонул, это грустно, но это бывает с кораблями, это случается... А мне сообщили за десять дней до этого, что груз мой прибыл в Дубай! И я, как последняя дура...

— Что случилось с кораблём? — спросил Галински, хотя я знаками пытался ему внушить: не перебивай клиентку...

— А? Ну, что случается с кораблями... Строго говоря, неизвестно. Но это не имеет никакого отношения к вашему заданию. Если вам всё это так интересно, скажу, что есть одна гипотеза: «водяной монстр».

После этих слов мы с Галински синхронно впали в некую про-страцию. Мне кажется, что ещё когда мы шли к столику — когда

я сходил к другому столику и повёл его к нашему, — Галински, увидев клиентку, пробормотал что-то вроде: «Вон та баба? Но это ж какой-то спрут...»

И я, глядя, как она поправляет шубу, как она перебрасывает ногу за ногу, не раз об этом подумал, ещё до того, как оказалось, что госпожа Воронофф переправляет свои сундуки морем...

— «Водяной монстр» — это не то, что вы подумали, — сказала она, улыбаясь. — Это такая волна. Гигантская волна, больше любого цунами, сорок, иногда шестьдесят метров в высоту... Одинокая волна... Скала воды... Она вырастает в океане внезапно... Срок её жизни невелик, но за это время она иногда успевает накрыть неудачно подвернувшийся корабль... Во всяком случае, опытный человек, который проводил по моему заданию спецрасследование, склонялся именно к этой версии... На основании спутниковых данных... И пробовал меня в этом убедить, но я до конца не уверена. Может, и так. Я в этом ничего не понимаю, какие-то слова он произносил, «экзотическое решение нелинейного уравнения», есть такое? Вы же математики?

Мы с Галински кивнули.

— И при этом никогда не слышали о «водяных монстрах»?

Мы покачали головами.

— Ну давайте выпьем за моряков того самого корабля, раз уж мы о них вспомнили... Нет-нет, не чокаемся... Ну так вот. Мне нужно, ребятки, чтобы вы всё время проверяли информацию, которую мне присылают порты. Я хочу быть на сто процентов уверена, что груз такой-то и такой-то пришёл в такой-то и такой-то... порт. Или не пришёл — это понятно?

Увидев, как на губах Галински возникает какой-то вопрос... Я незаметно для клиентки показал ему кулак, и он заткнулся.

— И как же, по-вашему, мы можем это сделать? — спросил я.

— Очень просто! Вы должны взломать защиту главного компьютера порта, глянуть в базе данных, прибыл ли мой груз на самом деле, и сообщить это мне. Вот, собственно, и всё. Вы удивле-

ны, правда? Задача под силу смышленому ребёнку. Ну а для вас это вообще минута дела и пара пустяков...

Я посмотрел на Галински и увидел, что вместо того, чтобы изобразить на лице энтузиазм, он, напротив, совсем потух. Я стал махать рукой снизу вверх — за креслом это не должно было быть заметно госпоже Воронофф... Но, несмотря на мои жесты, Галинский вдруг громко и чётко — голосом обвинителя в суде — произнёс:

— Госпожа Воронофф, вы понимаете, что это — преступление?

Тут я, честно говоря, немного растерялся...

Я ждал, что она сейчас взорвётся... Но она выдержала паузу, и я уже открыл рот, чтобы сказать, что всё дело в языке, который и для нас, и для неё не родной — плавание в этих нейтральных британских водах иногда чревато недоразумениями...

Но я увидел, что всё это не надо говорить... Ещё до того, как госпожа Воронофф прервала молчание. Просто по её лицу. По тому, как вдруг засверкали её глаза — это невозможно описать или для этого нужна другая изобразительная манера...

— Так это же и здорово! — воскликнула госпожа Воронофф.

Галински вжал голову в плечи...

— Не понимаю, — сказала госпожа Воронофф, — неужели вам не хочется через что-то преступить?! Это же самое интересное! Вы посмотрите на себя, ну что это такое, скучный взгляд, в глазах какая-то плесень завелась... Это у таких-то парней! Я предлагаю вам интересное дело! И хорошие деньги! Вы знаете, сколько мне лет? Ну угадайте!

— Около сорока, — сказал я. Причём вполне искренне.

— Как бы ни так! — расхохоталась она. — Мне скоро стукнет семьдесят!

После этого её признания Галински побледнел ещё больше.

— Вы видите, я этого не стесняюсь! — кричала госпожа Воронофф. — Наоборот! Мои года — моё богатство! Вы знаете, сколько я перевидала на своём веку?

— Могу себе представить, — пробормотал Галински.

— Что вы можете представить? Что вы вообще знаете? Вы знаете, что я плавала на атомной подводной лодке? Пять лет, а?

— Туда же таких не берут... — сказал я.

— Каких таких?

— Женщин...

Я бы ничуть не удивился, если бы госпожа Воронофф в этом месте призналась, что она и не женщина, подбросила в воздух парик...

Но этого не произошло...

Однако то, что она говорила, было ещё более абсурдно, дико, громко, и я понял, что следом за Галински впадаю в транс — меня всё сильнее вжимало в спинку кресла...

— ... а потом я вышла замуж! — кричала она. — Но не за этого дебила, — она кивнула в сторону своего юного мужа, который продолжал ходить кругами по холлу «Четырёх времён года»... — Мой муж был самый богатый человек в Residential Area... Дом напоминал Зимний дворец... Он умер, к сожалению... И вообще: все умерли, все умерли, все умерли... Я одна осталась, понимаете? Капитаны, с которыми я плавала, русские мужья — а их было четверо, — и все умерли... Матросы... Туда же... Осталась я одна...

Я увидел, что Галински в ужасе озирается по сторонам, и госпожа Воронофф это тоже прекрасно видела, поэтому она не могла отказать себе в удовольствии повторить, существенно увеличив громкость собственного голоса: «Все умерли!»

Галински больше не проронил ни одного слова, я же из чувства самосохранения попытался перевести разговор на другую тему, но госпожа Воронофф схватила меня за рукав, заглянула в глаза и спросила:

— Вы согласны?

Как-то так получилось, что мы сидели с ней рядом, может быть, официант, повинуясь её жесту, передвинул её кресло вместе с ней

поближе к моему, я не заметил... А может, госпоже Воронофф вообще повиновались теперь стулья, сундуки, танкеры, танки... Единственная проблема у неё была с синхронизацией... Зачем? — я чуть было не спросил её, но осёкся, подумав, что это вызовет новую сорокаметровую волну...

— Нам надо подумать, — сказал я. — Можно, мы подумаем, скажем, до завтра?

— Ну а что с вами делать. Чиерз, — сказала госпожа Воронофф уже каким-то другим, немного усталым голосом, — телефон мой у вас есть... Если что — звоните... Хоть бы и не по делу... Вы мне нравитесь, молодой человек, чиерз...

Мне вдруг стало её жалко... Сумасшедшую русскую бабу в мехах... Я бы даже не удивился, если бы она подняла себя в этот момент за волосы... Точнее, не себя, а только волосы — если бы она подняла их в воздух без самоё себя...

Ведь это явно был парик, хотя и очень хорошего качества... Мне трудно было представить себе, что там скрывается — не хотелось думать, что лысина... Но вот этот жест — как она поднимает парик, словно шляпу, — я почему-то представлял...

В течение нескольких секунд, прошедших после того, как госпожа Воронофф призналась, что не знает, что с нами делать, на меня накатило что-то вроде «океанического чувства»...

Нет, я на самом деле почувствовал связь этой женщины с Мировым океаном...

Я почти воочию увидел кованные сундуки, которые, качаясь, плыли по волнам в разные части Старого и Нового Света... Сотни, тысячи... Сотни тысяч... Сундуков...

Но самое странное было вот что... Я вдруг понял, что мне хочется её трахнуть! Эту бабу, семидесяти лет, да-да-да... Которой, правда, можно было дать не больше сорока... Причём намного сильнее — захотелось, — чем только что Дженни, в мастерской... Хотя уже прошло, наверное, часа два или три, так что это уже было не утро... Но, с другой стороны, ещё и не вечер... Так что это

было смещение в шкале желаний, конечно, мне хотелось чего-то другого... Не может же быть... Всё это пронеслось у меня в голове, когда мы с Галински покидали коричневый холл с витражным куполом, потом ещё один, совсем маленький, и наконец крутящиеся двери...

Когда мы вышли из гостиницы и отошли на сто метров, Галински сказал:

— Знаете, зачем ей нужно знать, в какой порт груз уже прибыл, а в какой нет?

— Нет. Зачем?

— Потому что там взрывчатка.

Я кисло улыбнулся его шутке. Ясно было, что заказ мы не сделаем, «пилотный проект», на котором меня хотел испытать Штефан, оказался слишком твёрдым орешком, не по зубам мне... При этом я понимал, что объяснить Штефану всё как есть не получится, потому что официально госпожа Воронофф в заявке на оптимизацию логистики своего концерна, конечно же, не написала, что нам надо будет взламывать систему защиты портовых баз данных...

— ...говорю вам, эта баба задумала разнести весь мир, — не умолкал тем временем возбудившийся Галински. Щёчки у него порозовели, я уже плохо понимал, гонит ли он волну или на самом деле... наш хакер-капризуля малость того — не в себе... Или это — ещё один буревестник апокалипсиса? — подумал я, глядя на него...

— Ну так что, будешь делать этот проект? — спросил я как можно более обыденным голосом.

— Вы что, издеваетесь? — остановился Галински.

Я не замедлил шаг и не обернулся. Он меня догнал. Я сказал:

— Почему же. Я вполне серьёзно. Представляешь, какие деньги она нам за это заплатит? А мир всё равно невозможно уничтожить, Матиас. Это всё равно, что наоборот...

— Что наоборот? Создать?

— Ну или, скажем так, построить вечный двигатель. Вот если бы к тебе пришёл сумасшедший и предложил миллион за то, что ты сделаешь ему чертёж его проекта или даже напечатаешь его в газете, в отделе объявлений? Ну что бы ты не взялся за такое, нет?

— Во-первых, мы об этом даже не спросили — о цене... А во-вторых... Хоть бы и миллион... For the world is not enough!

— Уверен? — спросил я.

— Всё, прощайте, — сказал Галински. — Если вам хочется, чтобы вас нашли где-нибудь в канаве с простреленным черепом... Это ваше личное дело... Меня же здесь вообще не было, и я ничего не слышал.

И в самом деле: после этих слов его не стало. Он буквально растворился в толпе, хотя какая такая толпа могла быть в этот момент на Максимилианштрассе? Но Матиас Галински исчез, это факт, провалился под землю...

А я почувствовал — стоя возле витрины магазина «Tod's»*, что сейчас тоже куда-то провалюсь...

Дело было не только в том, что моя карьера кончилась, так и не успев начаться...

Мне казалось, что я стою у витрины магазина, в котором Ахим когда-то — получив первый в своей жизни пятизначный гонорар — покупал одежду, причём он взял меня с собой... Но магазин назывался как-то иначе, такое название я бы запомнил...

Или это не тот магазин?

Вернувшись на какие-то пятьдесят метров, я увидел ещё один магазин одежды... Это был «Boss», его я бы тоже запомнил — если бы мы заходили в него...

* «Tod» — по-немецки «смерть», с апострофом же получается родительный падеж, в то же время — с апострофом — это название известной фирмы, производящей одежду и предметы гардероба.

Я понял, что это тот магазин, просто потому что, проезжая довольно часто по Максимилианштрассе, я что-то не замечал этой вывески... Значит, перед этим там был другой магазин... Впрочем, про «Tod's», наверное, можно было сказать то же самое... Тридцать лет — огромный срок...

And who is Tod's Boss?

С такими мыслями примерно я подошёл к подземному переходу, который я уже подробно описывал на предыдущих страницах...

Так что теперь можно ограничиться только описанием того, что там показывали в тот момент...

На экране шло видео некоего Джулиана Розефельда... Под названием «Трилогия несостоявшегося»... Третья часть: «Перфекционист»...

Всего было три экрана...

На первом из них человек, совершенно не похожий на Ахима... Я бы сказал, полная противоположность моего отца... Собирал, тем не менее, парашют... Облачался в брезентовый костюм защитного цвета... И шёл уже к дверям, как вдруг раздавался телефонный звонок... И человек возвращался... А потом он решал проверить ещё раз, правильно ли сложен парашют... А тогда уже — и правильно ли он завязал шнурки... И не забыл ли надеть трусы... Он то есть снова и снова расстилал на полу парашют, раздевался и одевался, шёл к дверям, хлопал себя по голове — что-то забыл, ах да...

А на втором экране в начале двадцатипятиминутного цикла видна была пустая кабина самолёта...

Потом тот же человек, что и на левом экране, сел в кресло пилота и начал переключать тумблеры, основная масса которых находилась на потолке кабины... Это продолжалось все двадцать пять минут... В течение которых на третьем, самом правом, экране тот же самый коротышка готовился к прыжку, занимаясь моделированием...

Комната была завалена всевозможными моделями самолётов, и не только самолётов, книгами по воздухоплаванию...

В центре же комнаты он устанавливал гладильную доску... И сам становился моделью — ложился пузом на доску, расставлял руки, приподнимал ноги... Поза, в которой летит парашютист... Не хватало только облаков... До какого-то момента — пока он не дотягивался рукой, не слезая с доски, до прибора, из которого после этого начинал валить густой пар...

И вот уже комната была заполнена вполне правдоподобным облаком... В центре которого наш герой и парил теперь на гладильной доске... А потом мой взгляд переходил на левый экран — проходя вместе с его рукой по тумблерам на потолке кабины — на центральном экране... А на левом герой вываливал на пол жёлтый парашют... С тем, чтобы снова его собрать, запихнуть в синий рюкзачок, пойти к дверям, вернуться — что-то забыл...

Я долго простоял в «Макс-форуме», три полных цикла, наверное... Или четыре... За это время от экрана к экрану прошли несколько дужей... При этом мне, когда я замечал их боковым зрением, в самом деле казалось, что они выходят из одного экрана — того, что был у меня за спиной, и входят в другой, или точнее, в стекло, которое было передо мной... Три экрана с видео Розефельда были отделены от меня стеклом, от пола до потолка, но я ведь, по-моему, уже подробно описывал устройство этого самого перехода... И даже, кажется, упоминал старину Дирка, но в это время его бесполезно было кликать, и я этого не делал, а просто молча стоял между двух стёкол, глядя на прыжок, который так никогда и не состоялся...

Это видео не было фильмом об Ахиме... У которого на счету были тысячи, если не десятки тысяч прыжков...

И всё же последний его прыжок, хоть и состоялся, но был невидимым... Потому что он прыгнул в шахту... Зачем? Я не знаю... И получилось, что он стал самым невидимым, этот его последний прыжок...

Так что во всём этом можно было увидеть некую синхронизацию внешнего ряда... С моими мыслями об Ахиме... Но я сказал себе: не стоит впасть в паранойю... Просто хорошее видео... В которое можно подставить всё что угодно... И кого угодно... Кого? Да хотя бы того же меня... Я ведь точно так копошусь всю жизнь... И никак не прыгну...

Мне кажется, что именно там, в переходе, в тот день, у меня зародилось ещё не до конца осознанное... Желание навсегда покинуть Мюнхен...

То ли сумасшедшая баба со своими плавучими ларцами меня заразила... Океаническим чувством... То ли видео — я понял вдруг, что, несмотря на парашют, это не об Ахиме, нет, это, конечно же, обо мне...

Зазвонил телефон, я поднёс его к уху и услышал короткие гудки... Я посмотрел на экран и увидел номер госпожи Воронофф... «Я же сказал: до завтра», — сказал я вслух никому...

«О'кей, до завтра так до завтра», — сказал голос за моей спиной, я обернулся и увидел парня в тулупчике... Хотя было тепло, может быть, фён, в общем, очень тепло... Я вспомнил его: это был художник из зоны... Точнее, он точно так же был из зоны, как и я... Он там был в гостях... Я забыл, как его звали, но какое это имело значение...

— Хорошее видео, — сказал он, — правда?

— Правда, — сказал я.

— Особенно когда в конце в его окно влетает самолёт...

— Я не видел никакого самолёта, ты о чём?

— Значит, ты не полностью посмотрел.

— Да нет, я-то как раз полностью, и не раз...

— Ну не заметил, там же три экрана, ты смотрел каждый раз на другой... Хочешь, вернёмся, если ты мне не веришь...

— Да ладно, верю... Не стоит возвращаться.

— А ты прыгал когда-нибудь с парашютом?

— Нет, — сказал я, — или точнее, да... Но я не помню прыжок...

— Что же это ты ничего не помнишь? — засмеялся он. — Как самолёт в комнату влетел, не помнишь, как прыгнул, тоже не помнишь...

— Просто я родился в воздухе, — сказал я. — Потому что мои родители были парашютисты. Они зачали меня в воздухе, и свадьбу сыграли в воздухе, и родила меня мама тоже... В воздухе... Ты мне веришь?

Он больше не смеялся, внимательно смотрел на меня и ждал, что я ещё скажу... Мы всё ещё стояли у входа в «Макс-форум», руки его как бы сами по себе крутили самокрутку, я видел краем глаза, что табачок зелёный... Да и никакой не табачок...

— Вообще-то здесь опасно курить, — сказал я. — Моего знакомого взяли за жабры...

— Да ладно... Скажи лучше, почему же ты сам потом не прыгал? С такими-то родителями-парашютистами?

— Именно поэтому, — честно ответил я. — Эдипов комплекс.

— Тьфу. Как ты можешь говорить такие слова... Ты что, спал со своей матерью?

— Комплекс не означает, что надо делать то, что делал Эдип... Но раз уж ты спросил... Точно ответить я не могу. Потому что я не знаю свою мать, никогда не видел, а так как бывали у меня женщины, которые были старше меня... Вот, скажем, полчаса назад я чуть было не возжелал одну бабушку... Но это неважно... Да, так что делать, если мать нас бросила?

— Бросила тебя в воздухе? — засмеялся художник, передавая мне джойнт...

— Ну чуть попозже, — сказал я, затягиваясь...

— Тогда всё это может оказаться байкой.

— А ты что, поверил?

— Как тебе сказать... У тебя хорошо получается, без тени улыбки... Кто тебя знает? И вообще — кто что знает? Вот знали мы с тобой два дня назад, что снова встретимся?

— Если ты на самом деле поверил в эту историю, ты уж точно поверишь в другую... Пойдём, расскажу, — сказал я.

— А зачем? — спросил Флориан.

— Ты всё поймёшь.

Мы сели за столиком благословенного кафе «Рим», я рассказал Флориану историю своего происхождения, и она ему, как и следовало ожидать, тоже пришлась по душе.

Он пустился в не совсем тривиальные, по крайней мере с моей точки зрения, рассуждения о человеческом теле как «переходнике»...

А переходник бывает «двойником», а бывает «тройником»... Ну и так далее: body painting, новое видео Гюнтера ван Хагена, немецкие солдаты, позирующие с черепами в Афганистане... Сакральные татуировки каких-то пигмеев или полинезийцев...

Мне любопытно было наблюдать за потоком сознания художника, который потом — я в этом почти не сомневался — выплеснется в его новые работы...

С тех пор прошло довольно много времени, полгода, год... Я уже не помню, какие это по счёту художники — Флориан и Кристиан, чья мастерская становится мне на время вторым домом.

Наверное, я люблю заглядывать за плечо...

Может быть, я действительно... Не сын Ахима... Вот и перемещаюсь от холста к холсту, как дуж между стёкол...

Я не знаю... Не знаю!

Во всяком случае, мне нравится смотреть, как пишут Флориан и Кристиан...

Особенно Флориан...

Кажется, что по холсту гуляет поток безличной силы, принимающей разные формы...

Может быть, поэтому я чувствую себя в это время... Находимся в центре циклона...

Есть такие охотники за торнадо... Нет, я не имею в виду картину Альтдорфера...

Я видел передачу недавно... О фриках, для которых весь смысл жизни — оказаться внутри торнадо... Снять его изнутри на камеру...

Они создают специальное оборудование... Один сделал такой... Как бы английский танк времён Первой мировой войны... Чтобы торнадо его не унесло, и он мог в самом центре спокойно снимать — сквозь глазок...

Когда я ложился спать в тот вечер и опускал жалюзи, я вспомнил об этой машине для съёмок, об охотниках за смерчами...

И потом я вспомнил о них, когда смотрел, как рисует Кристиан...

Сам я не художник, но мне хорошо в этих центрах циклонов — я более или менее спокоен, я пью травяной чай, глядя, как всё меняется на холсте — каждую минуту...

Дженни писала совсем иначе, и всё же что-то у них есть общее — с манерой Кристиана...

Наверное, лёгкость, да... Ключевое слово: лёгкость...

Я вспоминаю лекцию Кальвино «О лёгкости» — он приводит там эпизод... О том, как двое ночью спорили о чём-то серьёзном, может быть, это был даже философский диспут... Причём происходил он ночью на городском кладбище... Пока вместо того, чтобы привести следующий словесный контраргумент... Один из собеседников вдруг подпрыгнул и... оказался таким лёгким, что за просто перелетел через высокую кладбищенскую стену, оставив своего визави одного, лишив его дара речи...

Такие притчи помогают, когда я думаю об Ахиме или о Дженни... О том, могли ли они там встретиться? Не отец ли увёл у меня мою возлюбленную? С него станется, с этого проныры...

Было так: я зашёл в «Контрабас» впервые после некоторого перерыва...

Дженни ездила к родителям в Альгой, я, не желая больше ставить пространственно-временные эксперименты... В казармах

Домагштрассе... И в то же время ощутив что-то вроде клаустрофобии... в канареечной квартирке Дженни... Вернулся наконец в собственные апартаменты.

Это было не очень весело: призрак отца, особенно по ночам в пустой квартире, немного пугал меня; кроме того, я вообще никогда не любил то, чем он заполнил комнаты, в его выборе вещей была какая-то необязательность, расхлябанность, а иногда наоборот — излишняя прилежность... Целые островки бидермейерского китча...

Впрочем, я недавно читал, что бидермейерский стиль был как раз революционно простым, кто бы мог подумать...

Ну, всё относительно... Кроме того, Ахима оправдывает то, что он был кочевник, воздушный гимнаст, фрик, трикстер...

А теперь ещё и то, что его и вовсе не было... Однако покупать другую мебель, другие люстры, торшеры, коврики...

У меня пока что не было на всё это какого-то драйва, и, таким образом, я жил в квартире, где каждая вещь напоминала мне об отце... А также и о его подружках, об этих моих мимо-лётных мамочках...

Не говоря уже о фотографиях и видеокассетах... Хотя их я как раз старался не смотреть...

Я ловлю себя на том, что мне не хочется писать дальше... То есть писать о том, что было дальше, зачем мне об этом писать... То, о чём не пишешь, того и не было... Зачем же мне своими руками...

Вспомню-ка я лучше — чуть не забыл — ещё одну встречу с несравненной миссис Воронофф...

Было это так: в один из полудней-полуночей (я жил при закрытых жалюзи и не всегда знал, что снаружи) раздался звонок на мобильный, хотя мне казалось, что мобильный я как раз выключил...

— Вы мне так и не перезвонили, — сказал женский голос по-английски, — что нечестно с вашей стороны и как-то не по-немецки, знаете ли...

— Я думал, что вам позвонил мой шеф, — сказал я.

— Ну да, а он думал, что мне позвонили вы... Ладно, всё это в прошлом. Я звоню вам по другому поводу.

Я не знаю, почему я принял её предложение. Моё одиночество в те дни было, скорее, желанным уединением — я просто отлёживался, как это часто бывает со мной...

Дженни гостила у родителей — как-то долго, но что с того, она до этого очень давно у них не была, — так я думал и периодически уже начинал набирать чей-то номер, но каждый раз давал отбой, чувствуя, что в данный момент мне никто не нужен — из людей...

Госпожа Воронофф же была представительницей какого-то другого рода, дело не в национальности, возрасте, мехах...

Или, если угодно, дело во всём этом вместе взятом, но только всё равно — хоть убейте — я не воспринимал это существо как человека... И наверное, именно поэтому согласился с ней встретиться...

— Что находится в ваших сундуках, госпожа Воронофф? — спросил я, когда мы чокнулись бокалами с коньяком.

— В каких сундуках? — удивилась она.

— Простите, в контейнерах... Ну тех, что плавают по всему свету...

— Ах, вы об этом, — облегчённо вздохнула она. — А я уж было подумала, что вы про тот самый сундук, в котором семейные реликвии... А в контейнерах, ну что в контейнерах, что там может находиться? Бомбы, конечно! Чиерз, мой друг...

Подруга моей бывшей подруги когда-то рассказывала, как она вывезла из Амстердама целый ворох таблеток, марок, пакетиков с травой и грибочками...

На вопрос полицейского в Мюнхенском аэропорту, что там у неё, в сумке, она сказала: «Наркотики и взрывчатка!», после чего полицейский покрутил баюварский ус, заулыбался и махнул рукой: проходи, мол, милая, проходи...

— А зачем? — спросил я. — Зачем вам столько бомб, по всему свету? Вы хотите взорвать этот мир?

— Не совсем, мой друг, не совсем... Я хочу только сдвинуть его ось. Всего на каких-то полсантиметра... Зачем? После этого наступит... Рай!

— Могу себе представить... Нас затопит или, наоборот, всё испарится, белковой жизни не будет...

— Ну так и чем плохо?

Я чуть было не поддался на её розыгрыш, но, глянув неожиданно прямо в глаза, понял, что всё это — русская шутка, от начала и до конца, а в контейнерах на самом деле...

Водка, икра, меха или что там полагается сплавлять русской купчихе...

После этого наш диалог приобрёл характер такого... Мэппет-шоу с психиатрическим акцентом, я бы сказал... Попробую его воспроизвести, хотя бы и приблизительно...

— К тому же это только одна из гипотез... А я больше склонна верить в другую, согласно которой мы тогда все вместе — sic! — перескочим в параллельный мир... Вы помните, за что на самом деле сожгли Джордано Бруно? Его сожгли за то, что он хотел выдать множественность миров! Потому что если бы все узнали то, что узнал Бруно... Что в любой момент, понимаете, в любой момент каждый может оказаться в параллельном мире... Вы меня слышите?

Слушая её, я ел свой горячий шоколад — фирменное блюдо «Четырёх времён года», правда, в моей чашке он уже совсем остыл... В холле было довольно сумрачно, лампы горели вполне накала, сквозь витражный купол над нами, казалось, просвечивал новый день...

На самом деле там, вверху, за гигантским цветным колпаком, под которым мы сидели, были электрические лампы, но мне вдруг показалось, что там небо, и, значит, снаружи наступил новый день...

Я бы не удивился, если бы так и оказалось, когда я взглянул на часы...

Но на часах я увидел цифры: «22».

— Детское время, — заметила госпожа Воронофф.

Её английский муж-модель спал в номере или, во всяком случае, там находился, а ей, стало быть, захотелось побеседовать с другим молодым человеком...

Может быть, её муж и правда полный дебил, больший даже, чем я, и Вере просто не хватает общения в нашем сонном городе... Неужели ей на самом деле семьдесят лет? — думал я, а она тем временем продолжала вещать:

— ...а что вы скажете о теории суперструны, мой друг?

— По-моему, её уже похоронили, нет?

— Вы заблуждаетесь. Эта струна проходит сквозь земную ось... Я просто хочу попробовать на ней поиграть — почему бы и нет? Вы думаете, что я сумасшедшая? Ну признайтесь? — и она игриво засмеялась...

— Ну что вы, миссис Воронофф... Вы даже не представляете, как я вас понимаю. У меня сейчас было такое выражение на лице — вы его, наверное, подметили — просто потому, что в глубине души у меня шевельнулось подозрение...

Я замолчал и уставился миссис Воронофф прямо в глаза.

— Какое? Ну не томите!

— Не вы ли виновны в гибели моего отца?

— Да вы что? Я не имела чести знать вашего батюшку...

— Во-первых, вы могли его знать — его многие знали, во всём мире... Просто вы не знаете, что я *его* сын... Впрочем, я это тоже не знаю со стопроцентной гарантией...

— Понимаю, — кивнула Вера...

— Но и это не обязательно было вам знать, чтобы его убить...

— Объясните поподробнее, я что-то вас не догоняю, мой друг, возраст, знаете ли, берёт своё...

— Дело в том, что мой отец во время трюков частенько подталкивал этот шарик. Но он умел это делать таким образом, что Земля не сходила со своей оси и, кроме того, ускорение было микроскопическим... Ровно таким, чтобы все лишились дыхания, а он при этом не лишился жизни... Но вот в последний раз он не вписался в расчётное пространство-время... Иначе, как непредвиденным толчком, который мир получил в тот момент в обратном направлении, я не могу это объяснить... Сейчас я вам скажу точную дату, время, а вы, если вы честная женщина, признаетесь, не взрывали ли вы в это же самое время свои сундуки....

— За кого вы меня принимаете?

— Как за кого? За чёрта!

— Но я ведь женщина, молодой человек...

— Ну и что? Набоков — русский писатель — написал «Сказку», помните? Там женщина — чёрт! Фрау Отто. Не читали?

— Нет. Но, судя по всему, чёрт там немец или немка... А я русская женщина. Православная. Так что ваши подозрения смехотворны... Да вы знаете, как переводится моё имя?

После этих слов госпожа Воронофф достала из-под шубки сверкающий нательный крест и помахала им в воздухе...

— Давайте в карты лучше сыграем, — сказала она. — Вы, правда, не умеете в преферанс, да?.. Мужа-то я научила... Но он спит, так бы мы сыграли втроём... Но ничего, вдвоём тоже можно — «с болванчиком»...

— Вы знаете, я, наверное, пойду, мне пора...

— Да не обижайтесь вы! Болванчик не вы!.. Так по-русски называют dumpty...

— Так это я и есть...

— Ну что вы...

— Так или иначе, но мне пора... И потом, слишком много русских оборотов для меня за один раз... Боюсь, я их не запомню, и ваш урок пропадёт даром... А это было бы обидно.

— Ладно, — сказала госпожа Воронофф, — просто сдвиньте колоду... И идите. Я посижу ещё немного тут, пораскладываю пасьянсы, — она протянула мне колоду карт, я сдвинул её ногтем и собирался покинуть наконец холл гостиницы... Но тут как раз в этом самом холле показалась фигура высокого юноши с бледными длинными волосами... Это был проснувшийся муж госпожи Воронофф... Он слабо махнул мне рукой, подошёл к своей жене из-за спины, хотел, наверное, её по-детски напугать, но она обернулась и сказала:

— Джонни, ты не спишь?

К моему удивлению, Джонни был совсем другим, то есть не таким, каким мы его увидели с Галински, когда он расхаживал по холлу и разговаривал как бы сам с собой, хотя на самом деле, насколько я помню, можно было заметить проводок, который болтался у его головы, или, скорее, угадать — заметить в этом сумраке вряд ли... Я это запомнил, потому что проводок мобильного как бы замыкал образ: «муж-модель, на пятьдесят лет младше своей жены, очевидно, дебил — упал с подиума, но красивый дебил, потому что с подиума упал — модель...», а на этот раз проводка не было, я не знаю, в этом ли было всё дело, только это был уже совсем другой Джонни... В нём не чувствовалось никакого такого респекта к своей великовозрастной партнёрше...

— Вера, сколько можно болтать? — раздражённо сказал он... И она сразу оставила карты и попыталась его обнять, но он сбросил с себя её руки...

— Sweetheart? Why are you so angry?*

— Fucking Germans...

— Тс-с... Ты забыл, что наш собеседник немец и при этом не факин...

— Он девственник?

* Милый, что такой сердитый? (англ.).

— Джонни! Я что-то не слышала от тебя, чтобы ты ругал немцев... Простите, мой друг, — сказала госпожа Воронофф, поворачиваясь ко мне, — Джонни просто не в духе... Он ничего никогда не имел против ваших соотечественников, поверьте...

— Да у них даже льда нет!

— Как это нет?

— Так. Во всей этой грёбаной Германии в гостиницах нет льда, даже в «Кемпински»... Просто ужас какой-то, я просыпаюсь, мне хочется пить, я иду к горничной, прошу колу... И она выдаёт мне колу без льда!

— Ну ты бы попросил у неё лёд, милый?

— Я просил! Она говорит: нет, весь вышел, растаял, фак...

— Ну успокойся, маленький... Когда мы расширим нашу деятельность, лёд будет везде, вот увидишь...

Примерно после этой фразы я, насколько помню, раскланялся наконец и пошёл к дверям сквозь совершенно пустой кафе-холл... Только ночной портье стоял за стойкой, он не шевельнулся, увидев, что я ухожу, но, может быть, нажал какую-то кнопку, двери выпустили меня...

Причём когда из вертящейся двери я попал в тёплую весеннюю ночь, тогда как входил в ту же дверь из холодного ноябрьского вечера... То так как дверь представляла собой вращающийся цилиндр, разделённый на четыре равных сектора, я подумал: не потому ли название «Четыре времени»...

Или дело не в гостинице, а в нашем предгорье, времён года у нас на самом деле не четыре, а двадцать четыре... Томас Манн так и писал... Или у него это было о Давосе? Но к Мюнху точно так же относится, и вот я шёл теперь по какой-то майской ночи, хотя, пока не стемнело, был промозглый ноябрь, пешком... Машину потому что оставил чёрт знает где, решив, что на Максимилианштрассе я точно не найду парковку...

Миновав Променаденплац, я немного задержался возле огромной серебристой фигуры Монжелы... Мне захотелось сдвинуть

ногтем рифлёный памятник — Монжела был составлен из слоёв, как только что колода карт госпожи Воронофф...

Не то чтоб он мне так не нравился, скорее, даже наоборот... Кажется, в галерее Барбары Гросс я познакомился со скульпторшей, которая его изваяла, если это слово здесь уместно...

На вернисаже были представлены её другие, не такие монументальные работы...

Она между делом лепит маленькие фигурки — сантиметров пятнадцать — двадцать высотой... Одни были раскрашены, другие белы... И стояли за стеклом...

— И кто они, эти человечки? — спросил я...

— Сами заказчики, — сказала Карин. — Вы тоже можете себя заказать...

— А я и так... Знаете, в детстве меня даже называли... А сколько это будет стоить?

— Восемнадцать — двадцать тысяч.

— Я подумую, — сказал я.

Я хотел рассказать ей свою историю, но решил, что это будет как-то по-идиотски... Мне хотелось в тот вечер вести только лёгкие светские беседы...

— Понимаете, сейчас, перед приездом Бенедикта XVI, на Мариенплац можно купить его фигурку за сорок евро, — сказал я. — И хотя я понимаю, конечно, разницу между искусством и ремесленной работой, но, согласитесь, Папа всё-таки... И странно при этом, что Папа будет выступать на Мариенплац, стоя на балкончике, а за углом будет стоять ваш Великий секуляризатор... Как вы его сделали, если не секрет?

— Вы имеете в виду памятник Монжелы? Это результат работы программы, которую специально для меня написали... Ну, или усовершенствовали... Но так существенно, что можно сказать — написали... Я собрала всю имевшуюся в мире информацию о внешности графа — не только немногочисленные портреты,

но и словесные описания современников, кроме того, я сделала фотографии всех ныне живущих наследников, с каждым из них я встречалась по отдельности, сканировала содержание семейных альбомов... Короче говоря, сложила вместе всё, что можно найти, а потом, что ли, взяла из этого всего — интеграл... Вы меня понимаете?

— Я учил математику, — кивнул я. — Даже помню, что такое суммы Дарбу... Ваш граф больше похож на неё, чем на интеграл... Хотя если смотреть на него в профиль...

— В общем, то, что вы теперь видите, я, как говорится, высвободила... Из единой алюминиевой глыбы... С помощью пятиосного фрезерного станка. В процессор которого были заложены результаты интегрирования и сканирования... Я как будто напечатала графа в воздухе серебрянкой — на трёхмерном принтере!..

— Здóрово, — сказал я. — Сама идея...

— Можно ли придумать что-то ещё более объективное, я не знаю. Но почему-то многим, в частности зелёным, резко не понравился мой алюминиевый граф, они заявили, что он был нужен на старинной Променаденплац как зайцу стоп-сигнал, требовали сноса... Вы бы их не поддержали?

— Ни в коем случае, — сказал я. — Хотя бы потому, что я, в отличие от своего отца, не член партии зелёных... И вообще: мне нравится ваш белый великан!

Кстати, фигурки, которые стоят у Барбары Гросс, совсем другие, ничего общего, простой реализм, комичность которого только в размере... Хотя и здесь что смешного... Дюрер не раз вписывал семью заказчика картины в холст — такими гномами... Многочисленных членов семейства Паумгартен, к примеру...

Слишком дорого, а так бы я заказал ей себя, почему бы и нет... А потом подбросил бы в тот же самый бункер... Где теперь бар «BZW»... Просто забыл бы на столике... И Пиноктико зажил бы

собственной жизнью... Телефон Карин Зандер у меня где-то был... Если потерялся, можно спросить у Барбары...

Нет, дороговато всё-таки... Я проживаю деньги отца — их совсем не так много, и что будет потом, неизвестно... Надо бы успеть вернуться в университет, пока есть деньги... Потому что потом их надо будет как-то зарабатывать...

Ну да... Но зачем сейчас об этом думать?

Я разыскал свою машину и поехал домой, по дороге включив диск DJ Shadow — подходящая мне показалась тема для предрасветного драйва:

Such tales fill page upon page with enough ink
To flood a thousand valleys, and drown the tallest tree,
But there is one tale, that as yet been told
The story of...*

Когда, добравшись наконец до своей постели, я уснул, оказалось, что я плыву по морю, запертый в чёрном ящике... Я не знал, кто я, что я... В голове шевелились догадки: я — картина, которую украли, но не смогли продать... Я — оружие, которое... решили сдать подобру-поздорову...

Темнота, плотно окружавшая меня, обрела вдруг другие качества...

Может быть, это была нефть...

Я окунул в неё палец и понюхал... Нет, это была не нефть... Скорее, чернила или какая-то кислота...

Я стал выгребать в ней какую-то нишу, в этой темноте, и, кажется, мне это удалось, я очутился в холле «Кемпински»... При этом я по-прежнему не мог понять, who I am...

Ну да, во сне меня всё ещё иногда волнуют такие смешные вопросы...

* Подобные рассказы заполняют страницу за страницей, хватит чернил, чтобы залить тысячу долин, утопить самое высокое дерево. Но рассказан пока только один — история...

Я запомнил также, что под куполом холла гостиницы появился отец...

Впрочем, это мог быть и совсем другой купол... Вчера я об этом подумал, когда вспоминал сон на трамвайной остановке, глядя на светящийся плакат-рекламу... Там были изображены два старичка, сидящих где-то в Альпах на лавочке... На берегу озера, а высоко над ними раскрылся гигантский пляжный зонтик со словами «*Versicherungskammer Bayern*»*.

И вот этот зонтик напомнил мне купол отеля «Кемпински»... А потом ещё один — купол, — который я как раз и видел в здании «*Versicherungskammer Bayern*», на выставке Ильи Кабакова, — где я был ещё со Штефи... Там в разделе «нереализованные проекты» был такой купол, он лежал на земле, на боку, а потом я вспоминал о нём, глядя на витражный — в холле отеля «Кемпински»... Между отелем и зданием «*Versicherungskammer Bayern*» всего двести или триста метров, так что купол вполне мог перекатиться... И дальше — в мой давешний сон...

Так что, скорее всего, отец завис в воздухе всё-таки под куполом «Четырёх времён года», а не «Страховой компании Баварии»... «Зачем тебе быть моим сыном? — спросил он. — Поверь в то, что я тебе сказал, поверь в это до конца, всем сердцем». — «Но что ты мне сказал? — спросил я. — Один раз одно, другой раз другое... Картина, гранатомёт...» — «Неважно, это всё неважно. Главное — что ты не мой сын, понимаешь, не мой сын...»

Проснувшись, я подумал, что теперь с этим всё ясно. Мэсседж из подсознания такой: я, дескать, не сын своего отца, происхождение моё покрыто мраком... А значит, и конец будет не обязательно таким, каким я его представлял себе с детства... Вот и весь мэсседж, собственно говоря... А там... Нарисованный гранатомёт, или картина, ставшая оружием возмездия... Это уже неважно...

* Страховая компания Баварии.

И я снова уснул... И снова поплыл по волнам Океана... Только теперь уже не в сундуке, а в кусочке льда, как муха, я был впаян... Там, у Кабакова, кстати, были костюмы и декорации к какой-то мушиной опере, происходящей на коммунальной кухне, и теперь эти огромные мухи висят по всему городу... Ну то есть плакаты с ними — чередуясь с зонтиком «Страховой компании Баварии»...

Во сне я был частью хоровода вещей... Это был круговорот разных явлений: гипотезы, которые роились у меня в голове наяву, во время нашего разговора, теперь получали иллюстрированные приложения... И я почему-то сейчас уверен, что во сне меня посетила правильная догадка о сущности деятельности госпожи Воронофф и К°... И почему фактор времени так важен в её таинственной логистике... Но ясно, что я забыл, проснувшись... что там гоняет по волнам от материка к материка эта госпожа, тонны замороженной рыбы или просто куски льда — я не могу сказать с полной уверенностью... Вряд ли бомбы... Но лёд — почему бы и нет? Кто знает, может быть, у снов единая эхо-логическая система, поэтому я и вспомнил теперь, как плыл в кусочке льда... Который возник из ночной жалобы Джонни на то, что ему дали колу без льда в отеле «Кемпински»...

7. ПОСЛЕДНЯЯ ТАЙНА ВОДЫ

Мы сидели с Дженни в кафе возле Фрауэнкирхе, было не так уж и холодно, к тому же выставили лампы-подогреватели, и официанты выдали всем желающим шерстяные красные одеяла... В общем, нам так хотелось и мы так сидели — снаружи, что-то пили, о чём-то говорили, Дженни собиралась уезжать тем же вечером в свой Альгой...

Как вдруг откуда ни возьмись... Возле нас возник Уртюп со своей торбой, с белой собакой, то есть однозначно тот же самый Уртюп, который возникал на Изаре, когда я сидел там со Штефи, и...

— Можно у вас сигаретку? — спросил он, низко кланяясь...

Или, точнее, просто низко наклоняясь — над нашим столиком, поворачивая голову... Я ещё подумал, что у него какой-то акцент и странный череп... Может быть, он из Гренландии... Может быть, я так подумал, потому что мне накануне снились льды...

И уже рука его потянулась к Дженни...

Я чуть было не схватил его тогда — за руку...

Дженни курила, но сигареты её лежали не на столе, а в сумочке...

— Не курю! — сказал я, надеясь, что после этих слов Уртюп исчезнет, но он не исчез, он стоял, наклонившись, повернув голову и смотрел Дженни в глаза, это было ужасно...

Пока она не сказала:

— Да, конечно, — полезла в сумочку, достала пачку, выщелкнула оттуда сигарету, протянула Уртюпу...

Он взял, но не зажѣг, а поднял вверх, как поднимают указательный палец, улыбнулся своей деревянной улыбкой и пошёл... По дороге обернулся и посмотрел на меня торжествующе... Или?

Ладно, это уже мне могло привидеться, я не ручаюсь, что он так именно на меня посмотрел, написал сейчас это для красного словца, забегая вперѣд, чтобы потом получилось, что я что-то такое предвидел... Нет, на самом деле он просто взял у Дженни сигарету и ушёл, не оглядываясь, при этом то, как он потянул за собой собаку за какой-то канат, напомнило мне, как отшвартовывают корабль или катер...

Мне показалось, что я видел Уртюпа где-то на Аммерзее или на Штанбергерзее, он работал матросом...

Во всяком случае, он как-то был связан с водой и с верѣвкой, хотя опять же, я не уверен, что сейчас не наговариваю на него, рисуя ту уличную сценку слишком предвзято, зная, что будет потом...

Просто он шѣл, волоча за собой белую собаку... А потом уже она волочила его, как будто он запряг в свою узду безумное облако... Почему нет, здесь, в предгорье, облака часто ползут прямо по земле, принимая любую форму, в том числе белой собаки...

Странно было вот что... Вроде бы я давно уже экстраполировал Уртюпа, то есть просто назвал так определённый тип жителей города...

Размазал его таким образом по пространству мастихином...

Но это не помогло — когда он возник перед нашим столиком, у меня не было ни малейшего сомнения в том, что только это и есть — уртюп...

Он, слава богу, почти сразу ушёл, вместе со своей собакой и с сигаретой Дженни...

Я задрал голову вверх... Солнца там не было или оно было размазано по пространству... Серый мюнхенский цвет был в тот день очень светлым... И на этом сером солнце были красные пятна —

спирали обогревателей, одеяла, под которыми мы лежали с Дженни, как в коляске...

Я увидел, как Ахим пролетает над нами... Смеётся и, приставив к носу большой палец, шевелит четырьмя остальными...

Я подумал, что этим жестом он намекает на моё прозвище... Когда я был младенцем, его друг звал меня «Пино...»...

Почувствовав на своём лице руку Дженни, я открыл глаза и попытался объяснить ей то, что сам не мог понять... То есть систему связей, возникающую порой в моей голове... Канаты-колёсики, тюки-уртюпы...

— А тебе не кажется, что твой отец просто отказался от тебя? — прервала меня Дженни.

Я не ожидал от неё такое услышать... Я понял, что не могу адекватно реагировать на её слова, наверное, ещё не совсем очнулся от дневной грёзы... В которой Ахим, пролетая мимо, показал мне нос...

— Дженни, ты чего? — сказал я. — Я же тебе всё рассказывал...

— Вот именно потому что ты мне всё рассказывал, именно поэтому я и говорю... На основании того, что ты мне рассказывал...

Я тряхнул головой и попросил официантку, как раз оказавшуюся возле нашего столика, принести мне двойной эспрессо...

— А Уртюп? — сказал я. — Если ты такая умная, что ты скажешь об Уртюпе?

— Об Уртюпе мне нечего сказать, — ответила Дженни, — потому что никакого Уртюпа нет.

— Как это? — опешил я. — Как это нет? А кто же только что стрелял у тебя сигарету?

— Просто прохожий пеннер*...

— Но я же тебе говорил, он напал на меня на вокзале, он толкал меня у Изара, он отталкивал мою руку в трамвае... И он

* Бомж (нем.).

пытался вытолкнуть Ахима из моей головы! Прямо в пропасть! Дженни, ты что, мне не веришь?

— Это всё были *разные* пеннеры...

— Почему ты так думаешь?

— Я уверена. Ты только что упоминал «Соглядатая». А я тебе скажу: твоя игра «в уртюпа» больше похожа на отчаяние...

Я сначала именно так это услышал, без кавычек, пока Дженни не переспросила:

— Ты читал этот роман?

— Да, конечно, ты же знаешь, как я отношусь к Набокову... Мой любимый наркотик. Но этот роман я читал очень давно и плохо помню. Я даже лучше помню экранизацию Фасбиндера... Так что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу сказать, что ты находишься ближе к «Отчаянию», чем к «Соглядатаю»... Потому что в «Соглядатае» два человека оказались одним, а в «Отчаянии» — наоборот...

— Подожди-подожди, ты что-то путаешь, Дженни... Там и было всё время два человека, изначально, в «Отчаянии»...

— Ну да, но он думал, что это его двойник, а оказалось, что это ему только привиделось, вспомни... А двойники — это же не совсем разные люди... Так что тебе нужно перечитать «Отчаяние»... И ни в коем случае не перечитывать «Соглядатая».

— Да не хочу я вообще ничего перечитывать!..

— Или так, так даже лучше....

— Но, как ты думаешь, уртюпы действительно похожи друг на друга или только для меня они на одно лицо?

— Знаешь, если честно, когда он возник у нашего столика, мне показалось, что я его где-то видела...

— Вот, наконец-то!

— Может быть, я и в самом деле его видела, почему нет? Или я узнала его по твоим описаниям? Но, возможно, ты прав, в нём есть что-то типическое...

— Ну вот, — удовлетворённо кивнул я и глотнул эспрессо, — а то всё показалось, всё померещилось... Мне вот только что отец родной показался — из-за туч, и состроил гримасу... Вот такую...

Я приставил большой палец к носу, покрутил в воздухе четырьмя остальными... Дженни потянулась ко мне своей лапкой...

— Не буду я ничего перечитывать, — проворчал я, — может быть, посмотрим лучше Фасбиндера, раз ты не видела... Фильм, кстати, называется «Отчаяние, или Путешествие в Свет»...

— О'кей, — сказала Дженни, — давай так и сделаем... Но книга ведь лучше...

— Дженни, с каких это пор ты говоришь пошлости? Фасбиндер сделал совершенно другое...

— Но книга всё равно лучше...

— Ты же не видела фильм!

— Я уверена... Ладно, хватит... Кстати, а ты видел фильм, документальный фильм о Набокове? Нет? Замечательный... Например... Оказавшись в Германии, Владимир Владимирович пробовал зарабатывать деньги любыми путями, говорит голос диктора, после чего следуют кадры с боксёрами на ринге, смешными такими, тук-тук, старая хроника... Диктор поясняет, что он зарабатывал, давая уроки.

— Чего?

— Да практически всего. Шахматы, языки, математика, бокс... Бокс выбрали как самое неожиданное, шахматы были бы банальностью, а про бокс я, скажем, не знала... Ещё, кажется, футбол...

— Да, в футбол он играл...

— Но не только этим, не только учителем или тренером...

— А что ещё он делал?

— Он пытался торговать...

— Вот в это я уже слабо верю. Вспоминая едкую страницу из «Дара», посвящённую торговцам...

— И тем не менее...

— И что же он продавал?

— Свою тень!

— Кому он её продал?

— Немецкому кинематографу!

— Да ты что?

— Да! Кому-то из тогдашних экспрессионистов!

— Дженни, ты шутишь...

— Какие шутки, там показывали кадры из этого фильма! Набоков играет там вампира, но видна только его тень — вампира, который спускается по лестнице, с такими длиннющими пальцами-когтями, ссутулившись, очень смешно, на самом деле... И это его единственная роль в кинематографе! Тень — он продал свою тень дьяволу, Йенс...

— Ну, в то время немецкий кинематограф уж точно не был дьяволом...

— Я имею в виду, что он это сделал, как Петер Шлемиль — из повести Шамиссо... И потом точно так же менял страны, коллекционировал... Только не растения, а бабочек.

— Какая разница... Всё равно засушенных...

— Ну да... А ргорос, твой сушёный Уртюп... Мне теперь кажется, что это он стоял за воротами — у Морица...

— Дженни, о чём ты?

— Вспомни, мы были у Морица в саду, праздновали его день рождения. Мы выпили немеренное количество бутылок из его погребка, старик играл на губной гармошке, Флориан, Кристиан, да и другие наши други... Пытались плясать; Маркус, помню, упал в траву и покатился... В общем, было очень весело. День рождения Морица, вспомнил?

— Ну это я вспомнил, конечно, все вечера у Морица незабвенны, к тому же старик в тот раз так зажарил уток, что, если бы я и захотел, не смог бы забыть... Но чтобы кто-то стоял за воротами — про это я ничего не помню.

— Наверное, ты был в доме в тот момент. Точно, Габи же увлекла всех вас в дом — играть в эту самую... «Древнюю баварскую игру», хи-хи... Ну теперь вспомнил?

— Габи была пьяна, и потом, никакая это не баварская игра, ты же знаешь, что Габи из Саксонии, и у неё немного странные представления об обычаях баюваров...

— Например?

— Ну я не знаю... Скажем, она уверена, что баварские женщины до сих пор катают кнёдели у себя под мышками... Как кубинские женщины бёдрами — сигары...

— Но тем не менее, Габи позвала за собой мужчин — а там и была в тот день почти мужская компания — в дом, и вы там играли в эту игру...

— Дженни, неужели ты в это веришь?

— Конечно! Вы теребили свои... окончания!

— Ты что, была там? Если мы что-то и теребили, то, скорее всего, приставки и суффиксы...

— Нет, нет, Endungen, die Endungen... Глядя на голенькую Габи, я не знаю, правда, на что там можно было смотреть... Но тем не менее! И выиграл тот, кто первый кончил...

— Ах вот зачем тебе понадобился этот эвфемизм...

— Ну да, чтобы не путать с тем, кто как раз в тот момент gekommen ist*... А то бы получилось, что он у вас у всех и выиграл! Йенс, ты, кстати, мне так и не признался — кто на самом деле был победитель? Уж не ты ли?

— Дженни, я сто раз тебе говорил, что ни во что мы такое не играли.

— Ты был пьян и не помнишь!

— Я всё всегда помню!

— Ну да, ну да...

— Кто был пьян, так это Габи — в стельку... Ну, и она там принялась рассказывать, как она в эту игру — не помню, как она её назвала — слово вылетело из головы — играла с мальчиками, в пубертате, а мы катались по доскам от смеха... Габи

* По-немецки это и «пришёл», и «кончил» — игра слов, понимаешь.

умеет рассказывать такие истории, в деталях — особенно когда выпьет...

— Ладно, так или иначе... Уртюп мог постучать в ворота, как раз когда все мальчишки были в доме — кроме Морица... Кстати, тогда вы сказали, что рассматривали в мастерской новые изваяния — и были в шоке от их силы... Теперь же ты говоришь, что вы катались по полу от смеха... Ладно, я не ревную тебя к Габи, правда. Тем более при таком раскладе... — Дженни хихикнула. — Я вот что хотела сказать: Мориц открыл ворота и, увидев стоявшего там... Назовём непрошенного гостя на самом деле Уртюпом, просто потому что очень даже может быть... что это он и был... Так вот, Мориц, увидев его, остолбенел, как будто перед ним стоял призрак... И какое-то время молча смотрел за ворота... Так что оставленные вами в саду две женщины просто не могли не подойти — из любопытства — и стать рядом с Морицем... Да, знаешь, по-моему, это он и был — там, за воротами, тот самый бомж, который только что стрелял у меня сигарету...

Дженни замолчала, а я сказал:

— Дженни, я не хочу... Как бы это сказать... диссоциации Уртюпа... Не надо путать, я хочу сказать... Это был вовсе даже не Уртюп, а столетний Йорг Волькенкраут, скульптор, друг Морица...

— Ты же сказал, что не видел сцену у ворот — был в доме...

— Во-первых, это ты сказала, что я был в доме... Во-вторых, я и не говорю, что я что-то видел, просто Йорг пришёл гораздо позже, вспомни... Так что за воротами это он и был, я уверен... Йорг очень странно выглядит, вспомни, он тогда произвёл на тебя сильное впечатление...

— Ну не надо преувеличивать...

— В том смысле, что он взял тебя за локоть и стал так быстро бормотать, что-то шамкать, нечленораздельное, как старая ведьма или ведун... Старику девяносто пять, как-никак... Ты убежала от него, схватила меня за руку, прижалась... А Мориц

поднял бокал и вдруг совершенно членораздельно... произнёс тост...

— Я помню, помню... Он предложил выпить за то, чтобы на свете не было США.

— Ну да. «Я, — сказал он, — до этого не доживу... Но вы доживёте обязательно, иначе и быть не может... Вы застанете мир, в котором не будет Америки.... Это будет новый, прекрасный мир...» — и дрожащей костлявой своей рукой поднял бокал с красным вином... Тут ещё необходимо вспомнить два момента. Во-первых, день рождения у Морица 8 мая.

— Это я помню.

— И во-вторых, Йорг Волькенкраут, помимо своих художеств, известен тем, что в 1945 году он подбил первый американский танк на подступах к Мюнхену... Янки потом посадили его на два года в кутузку...

— А теперь можно, я скажу? — подняла руку Дженни. — Можно, да? Так вот, запомни, Йенс, за воротами стоял никакой не краут*... И даже не Волькенкраут — я прекрасно помню момент, когда Йорг пришёл... Хочешь, докажу?

— Докажи.

— Пожалуйста: Йорг подарил Морицу небольшую скульптуру... Как бы в форме рыбьего скелета — которую Мориц сразу подхватил и унёс в дом... Потому что не хотел, чтобы все видели, что его друг делает такие слабые вещи, хотя бы и в сто без пяти лет...

Я повернул голову направо и посмотрел на плотную стеночку чёрных волос, из которых торчал белый кончик носа... Я дотронулся до него пальцем — до этого кончика... Дженни фыркнула и сказала:

— А сейчас ты будешь смеяться. Потому что я вспомнила, что Мориц сказал про Уртюпа. Ты сейчас упадёшь с кресла... И будешь кататься... Только не забудь, пожалуйста, что ты не один — я не хочу падать меж двух разъехавшихся кресел...

* Так называли немецких солдат сразу после войны.

— Дженни, короче!

— Когда Уртюп ушёл — а он ушёл сразу после немой сцены, длившейся не больше минуты... «Кто это был?» — спросила подруга Морица... Я забыла, как её зовут...

— У него не одна подруга.

— О, вот бери с него пример!

— Но в тот вечер была Сибилла.

— Да, Сибилла, она спросила: кто это был? Я думаю, это был риторический вопрос... А может, и нет, почём я знаю, если ты говоришь, что у него много подруг...

— Дженни, что сказал Мориц?

— Мориц сказал: «Это же был король Мюнхена».

— Ну да? — я не рассмеялся, но на самом деле немного удивился...

— Я думала, что он просто шутит, но Мориц тогда начал нам рассказывать, что в Мюнхене есть «тайный король»... Ну как в Аугсбурге.

— Что в Аугсбурге он есть, я знаю, — сказал я, — даже сам видел, притом что я не так часто бываю в Аугсбурге...

— Ты что, встречался с королём Аугсбурга? Расскажи, пожалуйста.

— Нет, сначала ты дорасскажи. Про Мюнхенского.

— Так а больше нечего рассказывать. Мориц сказал, что такой же король теперь есть в Мюнхене...

— Как?

— Как в Аугсбурге! Ну он ещё немного пострадал нас, как в детстве... Что это такой подземный король, который непонятно откуда и почему возникает — и тут же исчезает... Иногда забирая с собой непослушных маленьких детей... Которых он делает своими пажами... Ну шутил так старик, ущипнул меня при этом за бочок...

— Вот сволочь! Это только я имею право...

— Но Аугсбургский король ведь точно реален, ты даже его видел. Расскажи.

— Я приехал в Аугсбург — в сознательном возрасте, по-моему, вообще впервые. Бывший соученик, переехавший туда из-за учёбы — он поступил в тамошнюю школу дизайна, ты знаешь, она славится, как ни странно, даже за пределами Швабии... От вокзала я пошёл по прямой, как он сказал — Марк предложил всем собраться у ратуши. Шёл снег, я приехал несколько раньше и какое-то время прогуливался по небольшой круглой площади, заставленной заколоченными ларьками. Кажется, до Вайнахтен* было ещё далеко, это был только первый Адвент... И вот в один из своих обходов — по кругу — площади я увидел на пороге ратуши человека в длинном рыжем свитере... У него был вид... Скорее физика, чем битника... Круглые очки, окладистая борода, опять же, свитер с высоким горлом...

— Почему же не битника?

— Ну, свитер был скорее физический — так мне показалось... Ах да, на этом свитере, на груди, было вышито большими золотыми буквами, вязью: «В Аугсбурге живут самые умные люди на Земле». Вот поэтому я, наверное, и подумал, что это какой-то mad scientist...

— Аугсбург догнал Ульм — там появился свой Эйнштейн**...

— Ну что-то такое... Он был бос... Или нет, он был в босоножках, вот... Но — на босу ногу, и даже не в босоножках, а в таких шлёпанцах, при этом шёл снег, и на ступенях, где он стоял, лежали сугробы... И у меня шевельнулась мысль к нему подойти, что-то спросить... Но я прошёл мимо... А тут как раз подтянулись другие гости, а потом и Марк... Он и рассказал нам, кто это там стоит — босиком на пороге ратуши... Я не помню, как его зовут, этого их короля...

— Я тоже забыла.

* Рождество (нем.).

** Альберт Эйнштейн родился в баварском городке Ульм, что в получасе езды от Аугсбурга.

— Он окончил университет, может быть, даже не один, но не физический факультет, а химический или ботанический, я не помню... И филологический — в придачу... Живёт где-то в Фуггерай* вдвоём с матерью... Но каждый день обходит пешком своё королевство, разговаривает с подданными, одно время — говорил мне Марк — король вообще казался omnipresentным... Но потом его стало как-то меньше... Вот всё, что касается Аугсбурга... Но что, ты думаешь, за воротами Морица на самом деле стоял Уртюп?

— Почему бы и нет? Впрочем, я не уверена. Давай вообще закроем эту тему, — сказала Дженни, выпростала руки из-под одеяла, стала собирать волосы... Потом снова распустила их, мне показалось, что начинается дождь, я тоже высунул руку из-под одеяла, подставил ладонь... На неё ничего не упало, но официантка, проходившая мимо, спросила меня глазами, что я хочу... И я попросил её принести Leitungswasser**...

Официантка принесла мне стакан воды... Я подумал, что Мюнхен — всё-таки странный город... Где ещё рекламируют водопроводную воду? «Лучшая в мире вода для лучшего в мире города!» — эта реклама висит сейчас повсюду...

Эта самовлюблённость... Мы привыкли над ней смеяться, но в этом есть всё же что-то трогательное, думал я; когда так лежишь в центре этого города, завёрнутый в одеяло, кажется, что это он тебя и кутает в свои складки***...

В голове у меня то есть были те самые мысли, за которые Набоков не любил нас, и когда в английском тексте ему надо было объяснить, что такое «пошлость», он вспоминал вот именно немца, плававшего в обнимку с лебедями...

* Район Аугсбурга, самый старый в Европе район т. н. социального жилья.

** Воду из-под крана.

*** В оригинале лучше: «она кутает», город по-немецки женского рода: die Stadt.

Впрочем, это была цитата из какого-то другого русского классика... И что плохого, что он объяснил нам значение этого слова? Это мешает впасть в идиотию...

Хотя почему бы и не впасть... Возвращаясь туда, где мы полужем с Дженни под одним одеялом, возле Фрауэнкирхе... Не хватало только моря, плещущего у наших ног... Чтобы всё это вдруг оказалось набережной — так мне захотелось... И я предложил Дженни пойти прямо сейчас в открытый бассейн, скажем, в Данте-бад, хотя это было смешно, конечно, удовлетворять своё морское вожеление в каком-то бассейне... Но море — невидимое — было только как первый толчок, оно плеснуло невидимой же волной в мою пятку, завернутую в красную шерстяную ткань, и мне захотелось плавать, я выпростал руки из-под одеяла и сделал ими несколько взмахов — как будто поплыл на спине...

И стал приставать к Дженни, чтобы она рассказала мне наконец причину своей водобоязни...

Это ведь был уже не первый раз, когда она категорически отказывалась идти в бассейн...

А мне хотелось оказаться с Дженни в ночном водовороте, скользнуть, взявшись за руки, в подсвеченном снизу лабиринте, в тёплой купоросной воде...

Это была, конечно, тинейджерская эротика... Страсти тепличных овощей...

Но я испытывал определённую ностальгию по ней... Может быть, ещё и по Штефи, которая всё это очень любила... Но в этом я себе не признавался, я говорил себе, что мне не хватает не Штефи, а вот именно водяной воронки ночного Данте-бада...

В которой точно так же можно было бы скользнуть вместе с Дженни... А потом прижимать её к бортику, лежать вместе с ней в проснувшемся джакузи, целовать, как в первый раз, и ласкать под водой...

— Просто, — сказала Дженни, — я утонула в детстве.

— Как это было? — спросил я. — Хотя, если не хочешь, не рассказывай... Если это детская травма...

— Нет, — сказала Дженни, — ну почему же... Травма-то она травма, но тебе я расскажу...

В течение двух недель Дженни — как я думал — была у родителей в Альгое, а я листал альбомы Ахима в пустой квартире, смотрел видео группы «Аксолотль», которую он когда-то сколачивал с друзьями, буквально — был ударником...

Их безыскусное музицирование ввергало меня в волнение, я напивался до чёртиков, чтобы потом накуриться... до космического вакуума, и только потом, проспав сутки-трое, снова лениво цеплять за подол проходившую мимо Жизнь...

В одно из таких медленных возвращений мне вдруг пришло в голову, что Дженни как-то долго отсутствует... Её мобильный не отвечал... И у меня шевельнулось подозрение, что Дженни вернулась, сидит над «Контрабасом» в своей клеточке и не спешит мне звонить... Может, потому, что не одна сидит... А так как сидеть там негде, разве что на полу, то, скорее всего, тогда уже и не сидит, а лежит...

На мои звонки никто не отвечал, за дверью было тихо, я спустился по скрипучей деревянной лестнице в проходной двор, зашёл в «Контрабас»...

Зигги не ожидал меня увидеть, он сделал такое лицо, как будто я вернулся из кругосветного путешествия... При этом Зигги должен мне 1700 евро, уже два или три года, и в прошлый раз, когда я его видел всё в том же «Контрабасе», я сказал ему, что пришло время, когда эти деньги мне становятся нужны... Он обещал непременно отдать через неделю, с тех пор он мне не звонил, и теперь, случайно встретив его, было бы наивно полагать... Поэтому я даже ничего у него и не спрашивал, меня больше в тот момент заботило затянувшееся отсутствие Дженни...

Зигги был пьян, причём сначала я подумал, что он притворяется — special for me, но когда он подошёл к моему столу, я понял, что он в самом деле пьян — в стельку... Но special for me у него тоже кое-что было заготовлено...

Он со значительным видом, хоть и шатаясь, достал из-за пазухи чёрный кожаный кошелёк...

Развернул и показал его мне...

— Зигги, садись, — сказал я. — Чего ты стоишь?

Зигги сел напротив меня... Он держал кошелёк двумя руками у меня перед глазами, как будто объявление, которое мне надлежало прочесть... Он начал его щупать, мять пальцами... Он вывернул его наизнанку...

Кошелёк был совершенно пуст. Чёрен и пуст. Я сказал: «Was soll das?»*

Зигги сложил кошелёк и протянул его мне...

— Таких кошельков теперь не делают, Йенс. Ты нигде такой не найдёшь.

— А ты где нашёл?

— Это кошелёк моего деда, Йенс, на вот, пощупай, какая лайка... Он как новый, да? Это — необыкновенная вещь, необыкновенная... Вот, держи. Он теперь твой. У меня очень плохие дела, Йенс, по суду я должен выплатить огромную неустойку. По сути, я банкрот, Йенс... Мне очень жаль, Йенс, что я должен тебе это сообщить... Но ты не в накладе, дружище. Этому кошельку нет цены, — Зигги снова поднял со стола кошелёк, раскрыл его и погрузил туда внутрь свой нос... Я подумал, что он хочет высморкаться... Но Зигги наоборот — глубоко вдохнул — как будто там был кокс, посмотрел мне прямо в глаза и сказал:

— Это невероятная вещь, Йенс... Это вообще не кошелёк, ты посмотри на эти складочки, — он нежно перебрал пальцами отделения кошелька, — ты пощупай эту кожу, Йенс, — он и вправ-

* Что это значит?

ду взял мою руку, заставил меня прикоснуться к чёрной лайке... После чего снова попытался натянуть кошелёк на собственный нос...

— Он как женская вагина, Йенс... Или даже не как... Это же просто «муши» в чистом виде... Ты понимаешь?

Да, я понял наконец, что Зигги отдаёт долг небольшим спектаклем одного актёра, билет стоил мне 1700 евро... Не знаю, стоят ли домашние заготовки Зигги таких денег... Но был ли у меня выбор?

— Спасибо, Зигги, — сказал я.

— Я знал! — обрадовался он. — Не все способны понять, что держат в руках настоящую вещь в себе... Но ты видишь, видишь — самую суть... Давай выпьем!

— Давай, — сказал я. — Слушай, на тебя не капает?

— Что? — удивился Зигги.

Я подумал, что он слишком пьян, чтобы замечать подобные мелочи... Но на своём лице я ощутил очередную каплю... Да и на чёрной коже кошелька, который теперь лежал передо мной на столе... Блестела... капелька пота дедушки?

Посмотрев по сторонам, я увидел, что и другие посетители «Контрабаса» чему-то удивляются, что-то ищут вверху, на потолке, показывают туда пальцами...

Потолок в «Контрабасе» всегда был в каких-то потёках, стены — в чёрных смугах... Типа плесень... На самом деле такой стиль... Рустикаль-Industrial, Einstürzende Neubauten, что-то в таком духе...

Поэтому не сразу стало понятно, что потолок протекает по настоящему...

Когда же это стало понятно, сам факт капли вызвал тут и там приступы невероятного веселья, в том числе и по ту сторону стойки...

Тони заворковал, как голубь: «Всё, ко мне не обращайтесь, каждому льётся и так то, что он хочет!..»

Но потом он покинул стойку, вышел во двор, скрылся из виду... Какое-то время он отсутствовал, а когда вернулся, подошёл ко мне и сказал:

— Слушай, Йенс, у тебя же наверняка есть ключ от квартиры Дженни?

— Нет, — сказал я, — я забыл ключ в квартире.

— Может, съездишь?

— Да нет, в её квартире. Когда она уезжала. Она не могла нас залить, потому что её там нет... Это кто-то из соседей сверху...

— Потому что её нет, — повторил Тони. — А почему её нет?

— Потому что она в Альгое, у родителей...

— Ты уверен? По-моему, я видел её вчера... Она была с одним типом, странным таким...

Тони снова исчез на какое-то время, вернувшись, он сказал, что в квартире над Дженни сухо — хозяйка открыла дверь...

После чего мы стали спорить, вызывать ли полицию, или выбивать дверь в комнатушку Дженни плечом...

Пока сидевший в уголке Маркус не встал и не подошёл к нам...

— Я работал в Schlüßeldienst*, пойдём, посмотрим, чего там...

Замок у Дженни оказался очень простым, как будто вообще не существующим...

Зато старая замызганная дверь была, оказывается, удивительно герметичной...

Только после того как Маркус открыл её, под ноги нам хлынула вода...

В детстве Дженни плавала в озере — со спасательным кругом... Тогда он был настоящий — круг — резиновый, надувной... И когда она перевернулась... Вверх тормашками... Как те лебеди в Штанбергерзее...

* Служба, работающая по вызову, открывающая двери тем, кто, скажем, забыл дома ключ.

И она не смогла перевернуться обратно, с головы на ноги... Круг не пускал... Он держал Дженни мёртвой хваткой — вниз головой...

Когда она мне это рассказала, я увидел это так же ясно, как если бы был тогда рядом...

Маленькие ножки, болтающиеся над жёлтым резиновым кругом...

Когда её вытащили, в лёгких у неё уже была вода...

Но её оттуда выкачали — воду...

А волна, выплеснувшаяся теперь из-за двери её квартиры... была поначалу по щиколотку... Но потом захлестнула меня с головой... Так мне, по крайней мере, показалось, причём в тот момент это ещё были не слёзы...

Мы прошли вброд в ванную, всюду плавали книжки, салфетки, над водой возвышались островки сваленной в кучи одежды...

Дженни сидела, склонив голову набок, длинные и какие-то в этот момент... Особенно иссиня-чёрные... волосы её были в воде... Но не в ванне — как она сама, а в воде, которая залила пол, и, собственно, это мы и увидели, над водой была только её голова, вместе с волосами она соединяла водные континуумы...

При этом Дженни не дышала — как будто всё теперь было наоборот, и она не могла покинуть этот *topsyturvidom**... А на полу, или точнее над полом — в воде, которая залила пол, плавал жёлтый резиновый утёнок с синей надписью «I love You» на боку...

В полиции меня допрашивали как свидетеля. Не было и намёка на то, что они хотят превратить меня в обвиняемого.

Кроме того, они вообще не спешили классифицировать эту смерть как насильственную...

В крови Дженни... Или где там ещё, в ногтях, волосах... Нигде не обнаружили запрещённых молекул...

* Страна, где всё вверх дном (Англ.).

Зато вычитали из её истории болезни то, что я знал...

И то, что я не знал, — про «мерцательную аритмию»...

Которую баллончик, закатившийся под ванну, мог только усилить...

Хотя он туда давно уже закатился — Дженни не могла его найти месяц назад — и махнула рукой, в последнее время приступов почти не было...

И, насколько я знаю, точная картина её смерти осталась до конца не ясной...

Но я думаю, что если бы я начал рассказывать о своём подозрении... Я мог бы запросто превратиться в обвиняемого... Которого потом признали бы ограниченно вменяемым... То есть в вину ему бы всё это вменили, то есть мне, но посадили бы не в тюрьму, а, скорее всего, в психушку... Я почти что услышал — внутри себя — всю цепочку... Слово за слово они вытянули бы из меня всё, что я знал... Если бы я только произнёс одно-единственное слово...

Много раз губы мои уже открывались, чтобы сложиться в это «у-у-у...».

Кажется, вот что меня удержало... Я вспомнил, как на моём месте был сам Уртюп, и какова была моя реакция, когда он сказал: «За мной гонятся негры...»

Вот точно так же реагировали бы в полиции, если бы я сказал: «За мной гонится Уртюп. Он задушил Дженни...»

Тот, которого я видел на Домагштрассе... Но видел ли я? Я помню отчётливо только то, как я стоял перед раковиной с мастихином в руке и чувствовал, что сейчас из чёрных дырочек стока может появиться Уртюп...

Может быть, он и схватил Дженни за шиворот в ванной... Как он туда попал? В ванне могут рождаться «водяные монстры», о которых рассказала нам госпожа Воронофф...

Но я ничего этого не сказал полицейским, вообще ничего... Хотя явственно представлял себе, что произошло на самом деле... Как Уртюп окунул голову Дженни в воду и там держал...

Или всё-таки это безличная сила? Волна, кочующая по водопроводной системе... И входящая иногда в резонанс с чьим-то кровообращением...

Я поехал к Каменному Мосту, рылся в тряпье, лежавшем на сгнившем матрасе у самой стенки, у свода моста... Потом купил в ларьке три чёрных банки с газированным Jack Daniels и час просидел под мостом в разодранном красном кресле Уртюпа, глядя на убегающую воду...

А на следующий день я решил зайти к Морицу...

Впервые в этот дом меня завёл Ахим, ещё в детстве, он дружил со скульптором с незапамятных времён... Мориц лет на пятнадцать его старше, познакомились они в горах, Ахим его при этом не то чтобы спас, но... в общем, подстраховал в нужный момент...

Ворота у Морица как бы на таких самолётных колёсах, шасси, да и в этот раз они разъехались через несколько минут после того, как я позвонил... Я слышал голоса, звуки губной гармошки...

Когда я позвонил, губная гармошка сразу смолкла...

В течение той минуты, которую Мориц смотрел на меня — так, как будто видел впервые, — я чувствовал, как бегут мурашки...

Я не могу сказать, что у старика такой уж тяжёлый взгляд... Скорее, затуманенный он был в тот момент...

Но даже секундное его неузнавание меня... меня... Перебило у меня всякую охоту... Допытываться у него, кто стоял за воротами в последний его день рождения, Уртюп, король, краут, Волькенкраут или...

«Настоящее и прошедшее, вероятно, наступят в будущем, Как будущее наступало в прошедшем...» — мелькнуло в голове...

Как-то перехотелось мне спрашивать... Не буду я сейчас вдаваться в эти подробности... Это же не отчёт...

— Я знаю, что случилось с твоей подругой, — сказал Мориц. — Проходи, если хочешь, у меня гости, но ты не мешаешь...

Я зашёл за ворота и увидел, что запущенный сад Морица вдруг заиграл какими-то новыми красками... В буквальном смысле: тут и там среди деревьев были ярко-синие, белые и жёлтые полосы... Ромбики, кубики, кружочки...

Мориц выставил в сад свои новые скульптуры... Крашенные, из дерева, ему надоело лить из металла улитки... При этом я всегда — сколько я знаю Морица — думал, что его скульптуры — продолжение его сада... Так же точно эти загогулины растут сами по себе — не спрашивай зачем (ведь и самого по себе Морица Ахим назвал «пикассоидным стариком» — и был в чём-то прав)...

Так что выходу скульптур в сад я как раз не удивился...

Только в голове мелькнули растущие на экране во всех направлениях дигитальные побеги, такой раньше был скринсейвер у моего компьютера...

Впрочем, я вспомнил, что когда он у меня впервые появился (разноцветные побеги, которые, ветвясь и разрастаясь, заполняют постепенно весь экран), я вспомнил про сад Морица...

Всё сходится в этом саду, подумал я, всё распускается... Карандаш вырастет, если посадить... Так что не надо им и рисовать, просто в землю воткнуть и всё...

А потому что сад Морица — полное пространство... Так же, как дом бывает — полная чаша, сад бывает — пространством... Пространство же называется полным, как известно, если в каждой его точке существует сходимость...

Старик сказал, что накануне у него в саду была большая сходка...

Он устроил вернисаж, на котором присутствовал сам обербург-гомистр...

А также некоторые всемогущие кураторы...

— Той-той-той, — сказал я, постучав по живому дереву, — той-той-той...

Какие-то сидели за столом под огромным платаном две-три непонятные дамы, вроде бы я раньше их и не видел... Так что это во всяком случае не было полное собрание женщин Морица — как я подумал было в первый момент (где-то на заднем плане моего внутреннего экрана мелькнул кадр из фильма: Берт Брехт сидел за длинным столом со всеми своими... Хотя тоже, впрочем, не со всеми, конечно... Я представляю, какой бы это был тогда стол, хе-хе... Но, по крайней мере, с восемью, что ли, своими женщинами), когда увидел, как Мориц сидит в центре композиции, положив ладони выпрямленных рук на белую скатерть...

Потом он поднял бокал и предложил выпить за Бетховена... Ну мы все и выпили, вай нот...

Вино было замечательным, Морицу его специально привозят из Прованса...

— Что ты теперь делаешь? — неожиданно спросил он у меня, и я чуть не поперхнулся... Раньше он никогда не задавал подобные вопросы, как-то сразу приняв меня в свой круг... В котором — это только так казалось... Что вращались не только художники... А на самом деле, как говаривал Бойс: каждый человек был художником...

А если учесть, что Мориц у Бойса и учился — в Дюссельдорфе... А уж потом переехал в Мюнхен, построил тут эту свою хижину с маленьким немецким садом — возле огромного Английского... То ничего удивительного, что для него слова учителя до сих пор остаются в силе, и каждый человек — художником...

Я тоже мало сомневаюсь в этой максиме...

Я больше сомневаюсь в её дополнении, сделанном Мартином Киппенбергером: «и каждый художник — человек».

В общем, я никогда не замечал, чтобы старик относился ко мне как-то пренебрежительно...

Или, скажем, как-то иначе... Чем к Флориану или к тому же Кристиану...

Но тут Мориц вдруг спросил меня, чем я занимаюсь...

А я возьми да и брякни, что начал, мол, что-то такое писать... Сам ещё толком не знаю, тагебух, роман, нон-фикшн...

— Не знаешь? — прервал меня Мориц с каким-то ехидным смешком. — Так я тебе подскажу. Ты попал в бух-штабен-зуппе*, мой друг. С чем я тебя и поздравляю! Будешь теперь там барахтаться всю жизнь...

Я не ожидал от него таких слов и хотел сразу уйти, но Мориц вдруг оказался рядом со мной — с непомерной для его лет прытью, положил свои сильные скульпторские руки мне на плечи и не дал встать...

— Не обижайтесь на него, молодой человек! — сказала одна из его дам. — Просто Мориц с детства не любит писак...

— Ты не права, Аннелиза! — сказала другая. — Ты его не так давно знаешь, как я. Мориц не писателей не любит, а вот именно буквы. Потому что в детстве его насильно заставляли есть этот самый «буквенный суп». Поэтому он и грамоту не выучил — назло супу!

— Нет, он не любит писак! Я это точно вам могу сказать, потому что я сама писака, и Мориц меня за это не любит...

— За это? — улыбнулась её подруга...

— Ну конечно! А за что ещё можно меня не любить? Нет, не притворяйся, — сказала она обнявшему её после этого заявления Морицу...

— Аннелиза пишет статьи о культурных событиях для «Ночной газеты», — важно сказал Мориц. — Она в курсе всех событий, вообще — она регулировщица движения...

— Да уж, — вздохнула Аннелиза. — А с учётом того, что мои статьи там теперь выходят, как правило, с месячным опозданием... И они же ещё потом предъявляют мне претензии... Получая не-

* Тагебух — дневник, а бухштабензуппе — это суп с макаронными изделиями в виде букв алфавита.

довольные письма от людей, которые пошли на выставки, которых уже не было и в помине... То я уж и сама не знаю, кого я куда направляю и какие потоки регулирую... Смеёшься, Мориц? Тебе всё смешно... А это грустно на самом деле... Это старость, мой дружок.

— Наоборот, Аннелиза, это расцвет. Ты покорила пространство и время!

— О да, — грустно сказала она. — Что там я покорила... Я даже тебя не смогла покорить...

— Ну, меня невозможно... Никогда не гонись за тем, что невозможно поймать... Но вот эти потоки людей, которые запутались благодаря тебе в пространстве-времени... Йенс, тебе не кажется, что это смешно? Так вот, про писателей. Я не считаю, что слово и картина воюют друг с другом. Я знаю, что есть много людей, которые считают: идёт война. Но я не из их числа. Так что всё неправда, и что я писателей не люблю, и... Что якобы переел в детстве бухштабензуппе... Да я не доедал в детстве, мягко говоря, голодал, и такой суп мне мог тогда только сниться...

Тут обе дамы его прервали, и они все вместе заспорили о чём-то военном или послевоенном, а я воспользовался этим и ушёл — незаметно встал, прошёл за деревьями и выскользнул за ворота...

Я вышел из сада — в сад... Огромный, самый большой, наверное... В Европе... Разбитый в 19-м веке, чтобы отвлекать народ от мыслей о революции... Английское средство — ландшафтный парк...

Я не стал туда углубляться... Я вернулся на асфальтовую часть города, наугад зашёл в какую-то забегаловку, взял в придачу к хеллесу сто грамм егермайстера... И это было только начало!..

Ночью я уже сам открыл ворота Морица и увидел, что там стоит пятнистый танк, освещённый... Хорошо ещё, если софитами...

Наверное, это был подбитый Йоргом американский танк, вполне может быть...

Но никаких знаков на нём не было, ни звёзд, ни свастика... Вообще никаких знаков...

Он въехал в сад, открылись люки, и из них посыпались парни в камуфляже... Я с удивлением узнавал в них жителей Домагштрассе...

По-моему, они называли себя маркировщиками... Или землемерами... Водомерами?

Нет, я вспомнил: маркшейдерами... Они показали нам официальную бумагу, в которой было написано, что всё предгорье подлежит теперь маркировке... Объясняя, что это означает, человек в камуфляже стал поочередно тыкать пальцем в коричневые и зелёные пятна своей формы, говоря при этом: «Вот это принадлежит микрокосмосу, а вот это уже макрос...» И так этот бред продолжался — а я уже во сне назвал бредом попытку искусственного устранения гетерогенности... Нашего пространства — причём любую его гетерогенность... Речь уже шла не столько об искусстве... Сколько о почве под ногами... О смерти и жизни... Которые так переплелись в этом городе... Что понадобилась маркировка... Один из маркшейдеров сказал мне, растягивая слоги на манер швулей... Или просто мюнхенских «пуси-пуси»: «Weißt du was Sigmund Freud immer sagte? “Es wäre so schön-ö-ö-öhn — in München zu sterben!”»* Примерно с этого момента — или ещё раньше? — я уже понимал, что это сон... Но я не знал при этом, можно ли умереть во сне — если знаешь, что это сон? — и этот «страшный» вопрос мучил меня, пока маркшейдеры ходили по саду Морица с огромными циркулями, с миноискателями или счётчиками...

* «Знаешь, что говорил Зигмунд Фрейд? “Ах как сладко было бы умереть в Мюнхене!”» (Нем.)

И не только по саду, они вошли в дом, исследовали печь, в которой Мориц плавит свои загогулины, а потом попросили меня показать им чердак...

На узкой винтовой лестнице маркировщик прошептал мне на ухо, что произошла революция, о которой так долго говорил художник по имени Джонатан*... И хотя он сам ненавидит весь этот мизерабельный сброд, называющий себя «современным искусством», но вынужден повиноваться... потому что они обладают страшной суггестивной силой... которую ещё больше усиливает буквенный суп... банку с которым получил каждый из жителей Домагштрассе...

Но оказалось, что выход, тем не менее, есть: когда мы взобрались на чердак Морица, этот самый парень открыл было рот... и вдруг стал распадаться — сначала просто на пятна камуфляжа, которые, как кирпичики паззла, — стали разлетаться в разные стороны...

Ну а я закричал дурным голосом и проснулся...

Когда я немного поворочался, мне снова показалось, что я лежу... на хлебных крошках, как это бывало не только в тот раз...

Когда я лежу на спине без сна, мне иногда кажется, что там, между лопаток — что-то елозит, что-то колетса...

«Дженни, неряха, — бормочу я, — снова я должен из-за тебя спать на хлебных крошках...»

«Ты же просил почесать тебе спинку», — отвечает она... И я вскакиваю с кровати, зажигаю свет... В комнате никого нет...

* Не знаю, читал ли Йенс «Чайку по имени Джонатан Ливингстон», не думаю. Скорее всего он имел в виду Джонатана Мизе — художника, который действительно много говорит о революции (не политической). Недавно его лозунги стал повторять за ним и Мэтью Барни — после их совместного перформанса в Нью-Йорке.

Я подхожу к кровати, вожу ладонью по простыне... Но там нет никаких крошек...

Иногда я выхожу после этого из дома, куда-то бреду...

Вчера гулял на кладбище с Кристианом и Флорианом, но не у Дженни мы были, нет, и не у Ахима... Мы просто так бродили среди старинных склепов, там было так хорошо...

Дженни же похоронена в Альгое, в одном из снов я искал её могилу в саду — то ли Морица, то ли её родителей... Такие вот у меня в последнее время садовые сны...

А прах Ахима я развеял по ветру, стоя на Бенедиктинской Стене... Это такая каменная гряда, тут недалеко...

Сегодня брёл по городу, пропуская вперёд всех тех, кто спешил... Велосипедистов и скороходов... Ноги привели меня к какой-то больнице... Как раз в тот момент, когда туда подъехали сразу две скорые... И почти синхронно в обе машины стали закатывать носилки...

Когда носилки вкатывают в машину скорой помощи, под ними автоматически складываются перекладки... И подбираются шасси...

Это напомнило мне, что когда в подводной лодке ракета начинает движение к люку... Или торпеда? Койки матросов отодвигаются, пропуская длинное холодное тело, и оно движется по проходу...

Об этом мне рассказывала госпожа Воронофф — во время нашей незабвенной встречи в отеле «Кемпински»...

Кстати, мне кажется, что я недавно видел эту госпожу, но я не уверен... Может быть, я так подумал, потому что я стоял в тот момент на месте нашей встречи... Или даже двух встреч...

Почти на месте, то есть, на Максимилианштрассе, но не возле «Кемпински», а возле кафе «Рим»... И вдруг увидел, как

со стороны Максимиллиениума скатывается что-то умопомрачительное...

Морда у этого «нечто» была джиповая...

Но этот джип растянули в лимузин длиной... десять метров, если не двадцать...

И когда этот чёрный сверкающий сюрреалистический поезд проезжал мимо меня, заднее окошко (все многочисленные стёкла были, конечно, тонированными) на мгновение опустилось, и я на мгновение увидел госпожу Воронофф...

Но полностью я не уверен — слишком короткое время — доля секунды — и чёрное стекло поехало вверх... Я успел только заметить, что не до конца — осталась щель, — и в эту щель просунулась женская ручка... И помахала мне... Или просто пощупала туман...

Не очень густой в тот момент, но достаточный, чтобы ещё через секунду видение в нём растворилось...

Или оно слилось в какую-то лунку в земле — в следующий раз вынырнуло где-то в Оклахоме...

А может быть, это была просто такая растяжка — взяли чёрную шубку Ребекки Хорн или кошелёк, который мне подарил Зигфрид, и — растянули...

Кто-то скажет, что такое бывает только в жанре аниме... И я либо сидел за компьютером в тот момент, либо принял перед этим что-то не то...

Ни-ни-ни, я могу доказать, сдать анализы... Но зачем? Ещё Кантор доказал, что в отрезке темноты в точности столько же точек, сколько в квадрате, стороной которого этот отрезок является... Я могу воспроизвести по памяти его доказательство, оно довольно простое... Сразу становится очевидно, что соответствие между точками — взаимно-однозначное...

«Джипси-джип — это машина мощности множества мощности континуума... Множительная машина мощности... машина мощны мно...» — какое-то время я бормотал то есть полный нонсенс...*

Впрочем, наверное, такие словесные конструкции обладают всё-таки определённым... Если не сенсом, то сенситивностью, да?.. Во всяком случае, во время лёгкого дневного black-out'а... могут вдруг показаться утешительными... Особенно, если вы смертны...

Глядя, как синхронно разъезжаются от меня в разные стороны койки, я чувствовал, как холодок бежит по телу...

Дженни вывозили на таких же носилках, под ними так же складывались станины с колёсиками...

Долгое время после этого я не покидал свою квартиру...

Георг Кантор... Нет, я вру, не Георг и не Кантор... А Курт, Курт Гёдель, точно... Гёдель боялся, что его отравят гости из будущего...

Он и Эйнштейна убедил, что путешествия во времени возможны... Эйнштейн ему поверил, но голодать за компанию не стал... А Гёдель не притрагивался к еде и умер в конце концов от голода — в гордом одиночестве...

Я же был почти уверен, что Дженни утопил гость из прошлого... И что, если бы я убил его... Я разорвал бы цепочку, звеном которой являюсь я сам...

* Я перевожу бормотание приблизительно, разумеется, и, каюсь, сократив на две трети.

То есть я бы никогда не рождался в этом случае, ни кровью и плотью... В материнской утробе... Ни краской — в бункере для...

Может быть, тогда бы я наконец ощутил рядом с собой тёплый бок моей Дженни...

А не только на своей спине — засохшие хлебные крошки...

И перед глазами... лужицу бухштабензуппе, в которую я угодил... Она уже высохла, испарилось всё жидкое, остались одни эти мучные бухштабен... Моей порции тагензуппе...

Где сейчас Дженни, я не знаю, но вчера мне вдруг показалось, что важным в этом вопросе является одно воспоминание...

Я вспомнил, как мы с ней, проходя мимо Зендлингер Тор*, увидели девушку с большим белым плакатом, на котором было написано: «Ich bin Gott»**.

Дженни сказала мне: «Подожди минутку...» Пошла к этой девушке и что-то ей сказала, та ничего не ответила, но Дженни это не смутило, она стала говорить, жестикулируя... Ткнула пальцем себе в грудь... Я стоял далеко, почему-то мне не хотелось к ним подходить...

И вот теперь, вспоминая этот эпизод, я не мог не вспомнить цитату из... Впрочем, я не уверен, что у него, в свою очередь, это — не эпиграф... Мне кажется, что это — эпиграф, написанный им самим... А уж к какому произведению — я не вспомню... Неужели «Под знаком незаконнорождённых»? Смешно, если так... Но я не уверен...

Мне запомнились эти слова: «Так же, как сумасшедший считает себя Богом, так и мы думаем, что мы смертны...»

Но я не уверен, что стоило доверять бумаге это воспоминание... Или, точнее, бумаге его можно было бы доверить —

* Одни из ворот Старого Города.

** Я — Бог (нем.).

если бы я всё ещё писал на бумаге... («Бумага — это очень важно, Йенс...») Свернув её — бумагу — перед этим в лист Мёбиуса...

Ведь эта цитата обладает эшеровской закруткой, вы разве не чувствуете? А так как я пишу на бумаге только в фигуральном смысле, на самом же деле передо мной плоский экран и на нём слишком много букв...

Так бы свернул лист в петлю — всё сразу бы стало ясно...

Хотя это тоже не более, чем фигура речи... Что вообще здесь может быть *ясно*?

Ясно, что Дженни где-то рядом... Я вчера это понял, когда в бассейне на соседней со мной дорожке началась тренировка по фигурному плаванию...

И совсем не фигуральные... Пловчихи... Правда, с какими-то странными одинаковыми носами...

Носы у них чем-то были залеплены, факт, будто скотчем... такие на них были «наносники»* ... По команде тренера, гулявшего по кромке бассейна, все они перевернулись...

Из воды торчали только их ножки... И дёргались...

Ну да, это было чем-то похоже на перформанс толстого Йенса... Когда он танцевал танец Evel Knievel, а я думал, что это пантомима моих мыслей...

Но только сильнее на меня подействовал этот танец... маленьких лебедей... На Штарнбергерзее лебеди подолгу стоят на голове, при этом из воды торчат их белые задницы...

Чем танец толстого Йенса... Потому что спонтанно и совершенно буквально эти пловчихи изображали то, что произошло с маленькой Дженни...

* Я тоже не знаю, как эти «примочки» называются по-русски... что-то «наносное», очевидно.

Йенс же изображал просто какого-то каскадёра... Не какого-то, это был символ трюкачества... Но всё равно этот жест был имплицитный, ведь Ахим не так уж и часто работал каскадёром...

Ахиму нравилось просто так падать с крыши, с выключенными камерами, на пустые ящики из-под телевизоров...

Или включать в свой маршрут — на сноуборде — всё, что попадалось ему на пути: шиферные крыши, вязанки дров, линии электропередач...

Вот так и я пытаюсь сейчас, всё-таки я сын своего отца... Всё связать со всем в одну вязанку... Правда, в отличие от Ахима, я это делаю на бумаге... Хотя, как я уже сказал, нет никакой бумаги... Но при этом есть, как всегда в таких случаях, большой соблазн сказать, что всё и ничто — это одно и то же... И даже вода в ванне Дженни, которая всё ещё видна за приоткрытой дверью, тоже из бумаги... Да-да, как на фотографии Томаса Деманда... У которого, как известно, всё — из бумаги...

Но в основном — интерьеры всё-таки, офисы, школьные раздевалки, лестничные клетки, бассейны с зелёной «водой»... Людей нет никогда, хотя... можно увидеть тут и там дужей, но для этого надо иметь тренированный глаз... Дужи есть на безлюдных картинах Деманда, это факт, как такие водяные знаки... Как следы таящей воды...

У Деманда есть двойник, фамилию которого я забыл, он менее известен, чем сам Деманд...

Это как бы экстра-двойник, он тоже всё делает из бумаги, фотографирует и уничтожает, уничтожает и фотографирует... Но у него — экстерьеры: площади, улицы, куски фасада, тополя, углы скверов, скамейки, и снова — дома, облака — всё

из бумаги... И вот он — двойник Деманда получает множество писем от людей, которые узнают эти места на фотографиях... И благодарят его за то, что он увековечил милые их сердцу уголки, где они живут или когда-то жили... При этом Деманд № 2 (хотя я на самом деле не знаю, кто начал, то есть кто был первый, встречались ли они, договорились ли о зонах влияния... У Томаса Деманда, в основном, внутренние пространства, но бывают исключения — лес с пробивающимся сквозь листья солнцем, ночная площадка для игр, огороженная проволокой... Грот на Майорке... И всё же в общем и в целом разделение мне кажется чётким: у первого Деманда — внутренние, у второго — внешние пространства), так вот этот самый Деманд № 2 утверждает, что на самом деле все его работы — из головы, что он ни разу не делал из бумаги места, существующие в реальности...

«Бумага — это очень важно, Йенс».

Как тут не вспомнить о восточных (даосских?) обрядах погребения, при которых вместе с покойником сжигают бумажные деньги, бумажные дома — специально сделанные, бумажные костюмы, всё для этих целей специально делается из бумаги... Считается, что таким образом всё это переходит вместе с усопшим — в другой мир...

Я об этом подумал, когда узнал ванну Дженни на фотографии Томаса Деманда, а потом уже прошёл мысленно и дальше, в её комнатку, которая не сильно отличалась от её ванной — площадью... А так отличалась, конечно, и даже после потопа, там были стены, не заклеенные кафелем, а разрисованные граффити, покрытые книжными полками... Там висело письмо Михаила Горбачёва... Под стеклом, в огромной — особенно для этакой кле-тушки — как бы позолоченной раме...

Дженни когда-то написала письмо Горбачёву, в котором она благодарила его за то, что тот сломал Стену и предлагала подарить ему свою картину — она приложила к письму фотографию... Горбачёв ей ответил — она была тогда ещё совсем маленькая — и с радостью принял подарок... Он написал, что картина украсит помещение его фонда... А Дженни тогда — в свою очередь — решила украсить письмом Горби свою стенку...

Вода погубила множество работ Дженни — те, что лежали на полу, и многие подпортила — те, что стояли у стенки, а о дальнейшей их судьбе — её работ — мне вообще ничего не известно, их забрали её родители... Я был один раз в квартире вместе с ними, помню, как мама её заплакала, увидев горбачёвское письмо... Она сказала мне, что была такая американская девочка Саманта Смит, которая тоже написала письмо, хоть и не Горбачёву, а Брежневу... Потом ездила в Советский Союз, стала маленькой мировой celebrity... А потом разбилась в авиакатастрофе... И что у неё — у мамы Дженни — было поэтому нехорошее предчувствие...

Дверь её квартиры закрыта, я не знаю, живёт ли там кто-нибудь. Прошло уже несколько месяцев, так что, скорее всего, кто-нибудь да живёт, такие дешёвые квартирки нарасхват, по крайней мере, раньше в квартале Глокенбах...

Хотя ситуация с жильём часто меняется, может быть, сейчас квартир больше, чем желающих, и в комнатке Дженни никого нет... А значит, она могла бы — при желании... Но то, о чём говорить нельзя...

Можно, по крайней мере, думать...

Также неизвестно, сделал ли хозяин ремонт...

Совсем уже ненужная мысль, да?

Просто я об этом подумал, когда зашёл вчера в «Контрабас» и застал там ремонт, а поскольку, как я уже сказал, с некоторых

пор я воспринимал «Контрабас» как продолжение Дженни... Дженни?

Это оговорка, на самом деле, конечно, её квартиры...

В баре работал маляр, я, тем не менее, зашёл, рабочий был рад поболтать, устроить перекур...

На одном из столов лежал его раскрытый чемоданчик, я стал разглядывать инструменты — сам я никогда не делал ремонт... Там был огромный шприц, там был какой-то странный бинт или марля... Странный в том смысле, что ячейки были большие, как у сетки для настольного тенниса... И множество всяких щипчиков, шпателей, стамесок, тубиков, скальпелей... Чемоданчик сумасшедшего врача... Или художника... Ветеринара... Вызванного к огромному животному...

Я спросил маляра про шприц, и он объяснил, что это, чтобы вводить раствор в щели...

Ну а «бинт» служил для наложения на шероховатые места — это их сглаживает, а потом уже поверху — шпаклёвка, побелка... По-моему, всё уже было закончено, всё было белым и гладким, и ясно было без слов, что у «Контрабаса» сменился владелец...

Но маляр сказал, что это только первый слой, что работа ещё далеко не закончена...

Он докурил сигарету и ждал, когда я уйду... Я последний раз обвёл глазами белизну, за которой осталась часть моей жизни...

Я не знал ещё, куда я пойду дальше, почему-то мне захотелось позвонить Феликсу, я взял уже было телефон в руку, но вдруг вспомнил, что на вопрос, прозвучавший мне вдогонку, когда я заходил к нему в последний раз, я ответил, что иду в пинакотеку... Ну а что я ещё мог сказать человеку, который признался, что называл меня «Пиноктико»...

С тех пор утекло много воды... Я пробовал вернуться в прежнюю жизнь, заходил в «Контрабас», встречал Дженни, терял

Дженни, у которой... отошли потом воды... А я так до сих пор не знаю, кто был моей матерью...

И всё же была какая-никакая логика в том, что, вспомнив слова, которые я год назад крикнул Феликсу из прихожей его офиса, я в самом деле теперь поплёлся в пинакотеку...

Я прошёл через Гэртнерплац, потом через Мариенплац, потом через Одеонзплац...

Чувствуя, что сейчас всё zer-platzt (т. е. лопнет, как мыльный пузырь), по дороге, кстати, я снова думал о Деманде, о пловчихах, перекраивавших ножницами своих ножек бумажную зелёную воду... И так уже нарезанную на полоски дорожек...

Я вспомнил, что Йенс №3 — театральный художник — перешёл недавно из театра в кино...

Причём, если в театре его макеты были только макетами, которые потом вырастали в настоящие декорации... То в кино всё это оказалось вообще... Одно и то же...

Йенс делает для режиссёра Эммериха трёхмерные модели... То, что раньше делали с помощью анимации, теперь почему-то хотят снова сделать материальным...

Просто меньше в тыщу раз... Так что всё смешалось, микроны, макросы... Йенс №3 всегда казался самым вероятным кандидатом в демиурги... Он сотворял каждый раз не только сцену, но и зрителей в зале — крохотные такие фигурки... По дороге из «Контрабаса» в пинакотеку я успел вспомнить всех трёх Йенсов, при этом, как всегда, когда я вспоминаю своих тёзок, я чувствую себя загулявшим бликом, я поражаюсь, когда люди, как ни в чём не бывало, обращаются ко мне «Привет, Йенс!», вместо того, чтобы молча пройти насквозь...

О Йенсе №2 я, по-моему, ещё вообще ничего не сказал... Он художник, закончил всё ту же Академию, что не успела закончить Дженни...

Он живёт в сквоте, но не таком, как, скажем, казармы на Домаштрассе, а в уютном особняке, который снимают шесть ху-

дожников, поэтому, честно говоря, работы этого Йенса перемешались у меня в голове с работами нейенсов...

Помню хорошо только одну его домашнюю выставку, смешанная техника... Но не писал ли я уже об этом? Лень листать назад, ничего страшного, если повторюсь, техника была в прямом смысле смешанная... Йенс №2 проецировал видео на фотографии, которые, в свою очередь, были стоп-кадрами того же самого видео...

Сначала то есть на стене просто висели фотографии, потом незаметно включалось несколько проекторов, и фотографии расширялись, покидали свои рамки, смешивались друг с другом — постепенно превращаясь на стене в некое сияние...

Ещё этот Йенс делал нечто, посвящённое РАФу, для специальной выставки, но кто же не делал что-то посвящённое РАФу, а что конкретно делал Йенс... Я уже не могу вспомнить... «РАФинированный гламур», как-то так это называлось...

Я шёл по Терезиенштрассе, между «Музеем кристаллов» и домом, в котором вскоре мне предстояло встречать Новый год... Но тогда ещё я этого не знал, я шёл в пинакотеку, вспоминая всех Йенсов поочередно, и то, что Йенс №3 незадолго до этого перешёл из театра в кино... Хотя полностью никуда он не перешёл, будет и впредь делать модели декораций, просто временно он занят в кино, где его модели выдаются за объекты натуральной величины: дома, паровозы, самолёты, рощи, карьеры — Йенс №2 может всё, в отличие от Йенса №0, который не может ничего своими руками...

Ну и ладно, где-то у Пола Остера сказано было: «Для производства мира нужны все виды людей», в «Музыке шанса», книге, которую подарил мне на тридцатилетие... опять-таки Йенс №2, by the way... Тогда почему бы не предположить, что для производства Jenseits* нужны все виды йенсов...

* Потусторонний мир (нем.).

Jens' Seiten, immerhin...*

Там — в романе — эти слова произносит один из двух геронтов, с которыми герои играют в смертельный покер...

И в результате попадают внутрь модели... На макете отображены все события из жизни старцев — в виде крошечных зданий, дорог, на макете было всё, абсолютно всё...

Только меньше в тыщу раз...

Но, проиграв в карты, герои Остера попали на реальную каменоломню, где стали складывать стену из гигантских глыб — эта стена была и на макете, но трагедия состояла в том, что герои столкнулись с ней в реальном масштабе, я уже точно не помню, как в точности Остер переплёл там микро- и макрокосмы...

Мне казалось, что это — не просто лучший, но вообще единственный, по-настоящему удавшийся, роман Остера, пока по дороге в пинакотеку я не подумал, что, может быть, я был слишком субъективен... Просто мне так нравятся макеты — Йенса № 2, Томаса Деманда... Деманда № 2 — потому что я сам ничего не могу сделать своими руками... Вот меня и заворожил макет, который у Остера делают два старых шулера, загипнотизировавшие героев так, что те попали сначала из макро в микро, а потом снова в макроконцлагерь...

Не потому ли Йенс № 2 и подарил мне эту книгу — чтобы я немного умирал свой пыл, в моменты, когда я рассматриваю очередной его макет — для театра, я всегда так неумеренно восторгался, что это ему в конце концов поднадоело... А теперь он делает в кино этот трюк... а прогос кино, незадолго до своего похода — в пинакотеку — я посмотрел ещё один неважный фильм... Это было примерно так же, как с «Климтом»: я пошёл на фильм режиссёра, чей предыдущий фильм мне очень понравился... Потому я и пошёл... И тем сильнее было разочарование...

* Страниц Йенса, по крайней мере (нем.).

На этот раз я пошёл на фильм Гондри — фотографа и клипмейкера, который снял замечательную «Незабудку»*. Его новый фильм «Science of Dreams» меня разочаровал, но по дороге в пинакотеку я вспомнил, что там во сне было много коричневатой бумаги, даже машины, на которых ездили полицейские, были из бумаги, да и вообще, вся эта студия, где делались сны, всё было из картона, телевизор, телекамера... Чем не Деманд, вроде бы, но вот не сложилось; в отличие от Деманда, у Гондри не сложилось, бумажный механизм не сработал... Есть такие детские книжки с вкладышами: когда их открываешь, расправляются заложенные между страниц домики, заборы, палисадники, кошки, петухи... Вот что-то подобное попробовал сделать Гондри — фильм с вкладкой, собственно, он делал это и раньше, скажем, в клипе для Бьорк...

Но в клипе всё это работало, а в фильме, на мой взгляд, оригиналы не сложились...

В общем, во время приближения к пинакотеке в моей голове была одна бумага, объекты из бумаги, сделанные Демандом, Гондри и моим тёзкой №2... Причём моя голова, по-видимому, сама стала работать как машинка для нарезки документов, от которых хотят избавиться, на такие тонкие полоски, что их уже невозможно прочесть.... Хотя можно соединить их в другие фразы и даже неологизмы... Феликс вот склеил Пиноккио с Пинакотекой... И в результате получился Йенс-номер-ноль...

Я не был в здании «пинакотеки модерна» примерно с того торжественного момента, когда её наконец открыли. «Наконец» — не потому что, скажем, я так уж сильно этого ждал, просто открытие много раз оттягивалось из-за того, что проседал огромный стеклянный купол, здание никак не могли завершить, но когда-то сдали наконец, и первую неделю вход туда был бесплатным, пом-

* Так фильм назывался в немецком прокате — «Vergiss Mein Nicht», в оригинале — «Eternal Sunshine of the Spotless Mind».

ню, мы пошли вместе с Ману и Тоби, но увидели очередь из нескольких сот человек... Мы оставили Тоби стоять, пообещав его подменить, а сами пошли с Ману собирать грибы, проросшие сквозь лужайки вокруг Старой Пинакотекы...

На которых — лужайках — в начале позапрошлого века Лео Путц устраивал свои хэппенинги...

А в начале этого века здесь играют в футбол, но в тот день было пусто, никто не играл; Ману по дороге заметил один бледный грибочек, и мы поэтому решили попробовать, пока Тоби стоял в очереди... Нашли штук пятнадцать и сразу же съели...

Но они не вставили нас...

Действие пинакотечных грибов оказалось нулевым, тут двух мнений не могло быть...

А вот во мнениях по поводу белого здания, выросшего на тех же лужайках, мы разошлись — мне оно понравилось (может быть, потому что напомнило изнутри шкаф, стоявший когда-то у нас на кухне), Тоби и Ману — категорически не...

Ещё я помню, что оно не понравилось девушке... Она была там со своим парнем, помню, что она уговаривала его немедленно уйти:

— У меня кружится голова, — говорила она. — Это здание похоже на бред наркомана....

А мы стояли рядом и, когда услышали эти слова, чуть не попадали со смеху — со второго яруса, через перила... А девушка тогда, наверное, окончательно возненавидела это здание, она вцепилась в рукав бедного парня и буквально выдернула его оттуда...

Так что я был здесь очень давно и один раз... И теперь входил в это здание, можно сказать, впервые... Сам не знаю, почему я сюда не заглядывал раньше, если при первом посещении оно мне так понравилось — здание, в отличие от моих тогдашних друзей и незнакомой девушки с чёрными кудрями... Это трудно объяснить... Набоков не любил музеи... Но мало ли что не любил Набоков: немцев, музеи, джаз, коммунистов... Я не могу сказать, что я «не

люблю» музеи... Я их недолюбляю... Так же, впрочем, как коммунистов, джаз, немцев...

И всё же я заплатил вчера за билет, прошёл в пинакотеку...

Но это было, как бы это сказать... Да я ведь уже объяснил — поиски identity... «Где-то здесь, — говорил я, — может быть, где-то здесь...»

Я обошёл всё здание или почти всё... И это чувство — узнавания-собственной-колыбели — было у меня, наверное, только один раз — когда я смотрел на «картины» Лючио Фонтана...

Листовое железо, повешенное на стенку и прорезанное изнутри посерединке...

Рваные такие прорезы были на всех листах железа...

И я вспомнил сон, в котором Ахим говорил мне о комнате, в которой лежало сданное подобру-поздорову оружие... Там могли быть и мечи, а не только гранатомёты, думал я, переходя из зала в верхний ярус холла, совершая ещё один круг вдоль перил... Иногда я останавливался, смотрел вниз, борясь с собственным головокружением... И не только когда я смотрел вниз, это здание со своими стробоскопическими рядами колонн... Вызывало у меня головокружение, прямо как у той девушки... Пространство вокруг меня — и подомной — волновалось, я отошёл подальше от перил, смеясь над собой, так и не оправдавшим надежд своего пернатого предка...

Ахим не заставлял меня прыгать с парашютом, или — примерно с такой высоты, как второй ярус пинакотеки — без...

Нет, нет... Но, чтобы просто даже стоять возле перил, я, сын своего отца... Или всё же не сын? Я уставился на огромную картину Ансельма Кифера... На осеннюю почву под ногами, вставшую отвесно... Грязь, спрессованная с листьями, с лесным перегноем... Где-то у него был лес... В котором Герман разгромил римское войско...

Кстати, тоже неизвестно, где был тот лес... Два места на карте Германии спорят между собой за этот лес, каждое считает себя колыбелью германцев...

В этом году спор так и не был разрешён, только ещё сильнее разгорелся — к годовщине Тевтонской битвы... Что уж говорить о моей колыбели, если у всех германцев она — то ли там, то ли тут...

Кифер выставляет свои картины под открытое небо... Иногда на год, иногда на полгода... Берёт в соавторы ветер, дождь, солнце... Говорит, что живопись — это алхимия... Но тогда почему бы у живописца и в самом деле не могло появиться желание... создать гомункулуса...

В прошлые выходные я не ходил в пинакотеку, а ездил в Альпы, один, с не до конца осознанной целью... К самому краю обрыва я в результате так и не подошёл, но вот склон соседней горы напоминал кору Кифера, состоявшую из огромных мазков... Или наоборот, теперь картина напоминала обрыв, неважно; был дождь, а мне на всё уже было плевать, я не чувствовал холода, сам не знаю, куда я там хотел выйти в эти прошлые выходные...

Вполне возможно, что сочетание красок и настоящей стихии... Способно дать в результате что-то живое...

Ведь думали же, что жизнь зародилась в океане — в результате ударов молнии в солёном растворе образовались молекулы жизни... Почему же так не могло быть и с живописью... Ладно, я уже заговариваюсь... Ансельм Кифер был бы очень рад, если бы в его картину ударила молния... Однако она ударила в железо Фонтаны... Я шёл по залам, уже просто машинально регистрируя: Уорхол, Бойс, Швитерс...

Курт Швитерс говорил, что все музеи надо разрушить... Но вместо этого сам угодил в музей...

Где-то посреди этих своих мыслей я заметил нити... Натянутые от одной стенки к другой... Наклонно, немного веером... Несколько залов были заполнены этими нитями... Но что значит заполнены... Они были пустыми... Разве что кое-где нити делили пространство на «телесные углы»...

В то же время, напоминая струны, они превращали всё здание в музыкальный инструмент... Я не мог не вспомнить о «Контрабасе», из которого перешёл в пинакотеку... Причём в «Контрабасе» царил ремонт, у маляра был огромный шприц для алебаstra, бинт для стен и ещё масса всяких примочек, чуть ли не астролябий, которые мне бы тоже не помешали, кстати, чтобы выбраться наконец из закрученного пространства...

Частые белые колонны мельтешили, между ними были установлены вертикальные неоновые лампы Флавиана, я чувствовал себя попавшим внутрь стробоскопа... А тут ещё эти нити — стропы — из-за них совсем всё путалось...

Я поднялся на самый верхний уровень, там было пусто, но по периметру проёмов были тоже натянуты нити... Я уже успел забыть, кто соткал эту гигантскую паутину, и снова поискав глазами табличку, нашёл её ближе к полу, в одной из ниш... «Фред Сандбек, — прочёл я, — 1943—2002...» Но это же тот самый год...

Я разговорился с появившимся в этот момент синим служителем и узнал, что Фред Сандбек сделал эту работу специально для открывавшейся в Мюнхене пинакотеки. И в том же году умер, вскоре после её открытия...

После того, как я это узнал, мысли о собственном «id» приобрели другой характер...

Я стоял и смотрел на нити, повторявшие контуры стен верхнего яруса пинакотеки, потом я вернулся на этаж вниз, зашёл в зал, где нити были натянуты между белыми стенами, полом и потолком, и это было странно, честное слово... Я не родился в 2002 году, нет; не думаю я, что и Фред Сандбек вложил, как говорят иногда в таких случаях, *всю свою душу* в это белое здание...

И всё же это было странно — взять и натянуть здесь эти нити... И после этого умереть... Спрясть и... сыграть в прятки... Прямо здесь... Впрочем, не менее странно, чем рассказать сыну перед сном «Сказку об Украденной из Пинакотеки картине и Подкиды-

ше»... Что-то в этом было общее, в этих двух историях, а может быть, потому, что нити Сандбека напоминали стропы парашюта, я точно не знаю... Во всяком случае, мне нечего было больше делать в пинакотеке, что-то сработало, принцип минимального действия... Фред Сандбек оказался самым настоящим минималистом... А я — лишней... Во всяком случае, в этом здании, — сущностью.

Я не стал искать себя в Старой Пинакотеке после того, как не сумел найти себя в Новой, или точнее, модерновой, потому что Новая — это другая, там, в частности, висят импрессионисты, а также Бёклин, романтики и всё такое, но я — хоть и романтик — туда не пошёл, мне вполне в тот день хватило струн Сандбека и деки Кифера, который, кстати, после всех этих поисков германского id увлёкся еврейской мистикой, а может быть, это у него после занятий алхимией, you never know; а я поехал домой, опустил все жалюзи и, выкурив маленький джойнт, лёг в кровать и ещё раз стал рассматривать картины пинакотеки — на этот раз более подробно, пока не перешёл сквозь одну из них в сон.

Сквозь какую именно, я теперь уже не помню.

8. UND ICH FASSE DEN PLASTISCHEN TAG*

Не то чтобы деньги подошли к концу, что-то у меня ещё оставалось... Но, во-первых, ждать того момента, когда они на самом деле закончатся, было уже не так долго... Во-вторых, люди работают не только ради денег... Некоторые просто боятся вот этой дневной пустоты, прямо-таки сходят от этого с ума...

Я бы не сказал, что я так уж сходил от этого с ума... А впрочем, не мне судить, да...

В общем, причин, по которым я обратился к дяде Феликсу, было, как минимум, две...

— Это я, Йенс. Феликс, ты говорил, что мог бы устроить меня к своему приятелю, что там нужен человек для обучения каких-то гаджетов немецкому языку...

— Подожди минутку, Вальтер как раз на другой линии... Я сейчас его спрошу.

Так я попал в эту фирму... Состоявшую из четырёх человек, если не считать меня....

А и нет никакого смысла меня считать, потому что проработал я там всего шесть месяцев...

И потом, после разговора, который у меня состоялся напоследок с Вальтером Зоммерфельдом...

* Строчка из стихотворения Рильке.

Уже точно нет смысла меня считать... И даже не только потому, что герр Зоммерфельд меня рассчитал...

Собственно, этот последний разговор я и хотел сейчас воспроизвести, остальное — шесть месяцев «работы в бюро» — можно легко опустить... Ну ходил я, как «настоящий человек» (словосочетание Феликса), каждый день в офис, путался там в проводах, разбирался в software, предназначенной для обучения магазинной кассы языку Лютера... На кой чёрт это было нужно, я понятия не имею, для слепых, что ли, хотя, по-моему, в наших магазинах за обычными кассами легко обслуживают что слепых, что глухих, вообще без проблем...

Ах да, ну конечно... Ты смотри, как быстро я всё забываю... У герра Зоммерфельда же был «визион» — ему хотелось упразднить кассирш... Потому что они мешали ему почувствовать, что жизнь — это праздник...

Вспомнил сейчас: во вводном слове, при приёме меня на работу, герр Зоммерфельд сказал примерно следующее:

— Мне всегда было жалко этих несчастных женщин... И мужчин тоже, но особенно женщин... Которые как роботы перебирают мои продукты, проводят каждым из них по стеклу считывающего устройства... Я точно знаю, что я бы сошёл с ума, если бы оказался на их месте, через неделю я бы точно сошёл с ума!..

В общем, он так всё это обставил, что задачей его фирмы является спасение кассирш...

Хотя, по моему глубокому убеждению, герр Зоммерфельд сумел сойти с ума и не занимая их место у кассы, просто глядя каждый день или неделю — сколько он там ездит за покупками, — на руки, которые быстро перебирали продукты... Которые в этот момент становились его, переходили в его собственный мир... И так глубже, глубже — скользили вслед за продуктами — мысли герра Зоммерфельда — пока не привели его к созданию собственной фирмы...

Особняк, который снял для этой цели друг Феликса, который, в свою очередь, — напомним — был другом Ахима... Но почему особняк? Не знаю, мне почему-то хочется назвать обычный двухэтажный айнцельхойсен* особняком...

Наверное, потому что там в холле был фонтан, в котором плавали золотые рыбки... И при этом фонтан был виден с небольшой балюстрады, на которую можно было выйти из моей рабочей камеры...

Когда я устроился на работу, в фонтане было восемь золотых рыбок...

А когда я оттуда уволился — всего лишь через шесть месяцев, — там оставалась только одна...

Когда это началось — вымирание рыбок, — я не знал и спросил герра Зоммерфельда, начало ли это или продолжение мора... От чего герра Зоммерфельда всего перекивило, и он ушёл к себе в кабинет, резко хлопнув дверью, а мои коллеги сказали мне, чтобы я больше никогда, никогда не задавал этот вопрос...

Я и не задавал... я только в страхе пересчитывал каждый день золотых рыбок...

И когда в бассейне осталась всего одна... Я понял, что мне пора.

Несколько минут я молча посидел перед компьютером с закрытыми глазами, а потом резко встал и направился к двери герра Зоммерфельда.

— Я хочу подать заявление об уходе, — сказал я.

— Да вы просто нарисовали мои мысли, сударь, — сказал герр Зоммерфельд, не поднимая глаз. Он в этот момент читал какую-то документацию.

— Ну вот видите... Так я пишу заявление... Можно здесь? А то у меня нет ручки...

* Частный домик.

— Погодите. Вы понимаете, что в этом случае — если вы сами напишете заявление — Арбайтзамт несколько месяцев не будет вам платить ни копейки?

— Ну что делать, — пожал я плечами, — как-нибудь перебьюсь...

— Перебьётесь? Вы бы лучше перебесились!

— Чего? — я состроил удивлённую гримасу.

— Да-да-да! — герр Зоммерфельд встал со стула и принялся ходить по своему кабинету, а я — от неожиданности, что ли, — наоборот, сел на стул, стоявший перед его столом. — Всё это время я молчал, я ждал, что вы возьмётесь за ум! — говорил герр Зоммерфельд. — Потому что он у вас есть — так я думал, так мне сказали... Но я жестоко ошибался... Вы понимаете, что я испытываю некие моральные обязательства перед Феликсом... И перед памятью о вашем отце!..

— Ну и что теперь мне делать? Стоять у вас в офисе в виде памятника своему отцу? Мне не нравится эта работа, последнее время к тому же я действительно... топчусь на месте... Короче говоря, мне надоело.

— О работе мы ещё поговорим... А пока я скажу вам вот что. Не вы уходите от меня, а я вас увольняю, молодой человек. Я вышвыриваю вас вон. На улицу! Вы меня понимаете?

— Понимаю, — кивнул я.

— Ну вот, — удовлетворённо сказал герр Зоммерфельд. И вдруг добавил совсем другим тоном:

— Так что вы будете с завтрашнего дня получать пособие.

— Спасибо, герр Зоммерфельд.

— Я делаю это только из уважения к Феликсу... Подожди! Я ещё не всё сказал...

Вот, и после этого пошёл монолог — всем монологам монолог...

Герр Зоммерфельд, что называется, решил прочитать мне напоследок нравоучение... Наставить на путь истинный... Я не ду-

маю... да нет, я просто уверен, что он не задавался целью меня аннигилировать... Но что мне до его целей, знаем мы его цели, говорящие кассы, праздные кассирши... А куда ведут эти благие намерения? Очень даже может быть, что напрямиком... Туда, где вообще никого уже не будет, никого и нигде...

— Знаете, почему вы не смогли делать эту интереснейшую работу? — сказал герр Зоммерфельд.

Я пожал плечами. Я ведь уже всё сказал, мне хотелось выйти, хлопнув дверью, но опять-таки из уважения к дяде Феликсу я не хотел скандалов, к тому же герр Зоммерфельд подарил мне тысячу—пятнадцать в виде пособия, которое мне теперь предстояло получать... За это я должен был выслушать его...

— Потому что у вас нет абстрактного мышления! — сказал герр Зоммерфельд почему-то торжествующе... Как будто он был не начальник, увольняющий подчинённого, а врач, поставивший трудный диагноз...

Да, и в этот момент... Или через несколько минут — в течение которых герр Зоммерфельд не раз вздевал вверх указательный палец — после того, как называл очередное, полностью отсутствующее у меня, свойство...

Там были: усидчивость, трезвый образ жизни — и такой же взгляд на вещи... Социальное самосознание, когнитивный унисон, коллективный унисон, и просто — здоровый сон... То есть спать надо по ночам, а не днём... Порядочность, логика, дедукция, индукция, ёмкость мышления...

И так он постепенно дошёл до моей позы, процесс аннигилирования моей сущности перешёл с головного мозга на спинной, то есть с психики — на соматику...

— Как вы сидите? Уже по тому, как вы сидите, с вами всё ясно... Никто вас никогда бы не взял на работу, если бы вы на собеседовании так сидели, как вы сидели, когда вы сидели...

Вот, и в этот самый момент я почувствовал, что герр Зоммерфельд меня стирает — как какую-то устаревшую ненужную про-

грамму, медленно, чтобы растянуть удовольствие, по одному файлу, меня остаётся всё меньше и меньше...

А он всё говорит и говорит... В какой-то момент я просто исчезну — понял я, — растворюсь в воздухе...

Да нет же, это уже случилось, понял я ещё через секунду, ведь герр Зоммерфельд явно беседует... с самим собой! Меня уже нет в его кабинете, меня нет...

И тут — довольно-таки явственно ощутив своё отсутствие — я вспомнил, что был же точно такой эпизод...

Или с точностью до наоборот... Что в матлингвистике, впрочем, совсем неплохая точность...

В детстве я вовсю прогуливал школу... Объяснить, почему я это делал, я не мог даже самому себе, не говоря уже о других — вопрошавших меня взрослых...

Ну не приводили меня ноги в школу, и всё тут... Они сами по себе куда-то шли — мои ноги, я гулял ими по городу, а руками играл в торговых центрах — там можно было бесплатно играть — на игровых приставках к телевизорам...

Когда однажды я подобным образом прогулял подряд целый месяц, Ахима вызвали в школу и так там пропесочили мозги, что Ахим — в это трудно поверить, если знать о степени «любви» этого шестидесятника к пенитенциарной системе вообще... И своеобразное, скажем так, отношение к церебральной — в частности...

Но директор школы так промыл ему мозги, что Ахим повёл меня к детскому психиатру!

Директор поставил такое условие, чтобы я оставался в гимназии...

Мы пришли с отцом в большой праксис, там принимали сразу шесть или семь детских психиатров или психологов, я точно не помню, как их следовало величать, — из дальнейшего ясно, что это и не так важно...

В регистратуре нам сказали, чтобы мы шли по коридору в такой-то кабинет, ну мы туда и пошли...

Ахим сказал, чтобы я подождал у двери, вошёл в кабинет и вышел минуты через две-три, показал мне жестом, что меня там ждут...

Я вошёл, дверь за мной закрылась...

По-моему, я даже успел сказать «здрась»... Прежде, чем заметил, что в кабинете никого нет.

Я думал было выскочить за дверь, спросить Ахима, что это значит?

Но что-то меня остановило, может быть, присутствие тайны... Это звучит высокопарно... Na und?

Надо к тому же учесть, что я был ребёнком, мне было лет десять—двенадцать... Я решил, что доктор решил поиграть со мной в прятки...

Я обошёл письменный стол — там тоже никого не было, никто не сидел там на корточках, поджав голову, нет-нет... Я резко обернулся... И увидел, что на кожаном диване сидят всего-навсего... две нелепые куклы в цветастых дырндл (баварских платяцах)...

А под диван вообще невозможно было залезть, он был без ножек...

В книжном шкафу стояли толстые серые книги, на корешках у них были одни только цифры...

Правда, в комнате была ещё одна дверь... Она не поддавалась, я решил, что психиатр в неё и вышел — в подсобное помещение...

И я отошёл от двери... И сел на стул, стоявший перед столом, за которым, повторяю, никто не сидел...

И в комнату никто не входил...

И я тоже — не выходил из комнаты...

Я провёл полчаса, не меньше... Отец не заглянул ни разу... Ахим сидел за дверью и читал очередной роман Хандке или слушал в плеере свой любимый краут-рок*, а может, и то и другое...

* Так называли в 70-е музыку некоторых групп из ФРГ.

А я сидел в кабинете невидимого психиатра, наполняясь почему-то покоем... Мне кажется, что я повзрослел в тот момент или даже постарел... Стал «старше ста столетних стариков...», как говорил «проклятый» поэт...

Выйдя через полчаса из кабинета, я ничего не сказал Ахиму...

Он снял наушники и тревожно сказал: «Ну как?»

— Всё в порядке, — сказал я, — пошли домой.

— Подожди, мне разве не надо поговорить с врачом? — спросил он.

— Нет, — сказал я, — доктор сказал, чтобы мы просто шли домой, вопрос улажен, в школу он сообщит, что мы у него побывали... Всё теперь будет о'кей, Ахим.

— И ты не будешь теперь прогуливать?

— Нет, — сказал я, — не буду.

Ахим весь расцвёл...

— Слушай, а знаешь... — сказал он и вдруг осёкся...

— Что? — спросил я.

— Да нет, ничего...

— Ну что?! Я так не люблю, когда не договаривают...

— Ничего-ничего... Я просто хотел сказать, что тебе подарит на день рожденья Керстин... Но передумал, пусть это будет сюрпризом...

— Нет, теперь ты должен сказать! — пристал я к отцу, и он что-то такое мне сказал, что мне и подарили — телеприставку для игр, но... Сейчас мне кажется, что отец в тот момент чуть не признался мне... Если не во всём, то, по крайней мере... чуть-чуть не выдал, какое прозвище у меня было в младенчестве — с лёгкой руки дяди Феликса...

И вот почему я, значит, прогуливал школу...

Но отец ничего такого не сказал... Он выдал большую «тайну» — что Керстин, его тогдашняя спутница, подарит мне на день рожденья новую приставку...

И вот я теперь всё это вспомнил, хотя ситуация была прямо противоположная: в пустом кабинете сидел мой начальник, а меня там уже не было, потому что герр Зоммерфельд последовательно растворил меня — начав с моих мозгов и закончив развязанными шнурками — в воздухе, как в ванне с соляной кислотой, и теперь сидел один в своём кабинете и говорил сам с собой...

Мне кажется, что он и сейчас там сидит, и продолжает перечислять, чего у меня нет, и раскладывает эти недостающие мне — для того, чтобы быть настоящим человеком, — звенья по полочкам, вместе с папками документации... тогда как я лежу дома и смотрю в потолок, если не составляю буквы...

На следующий день я пришёл на работу только для того, чтобы забрать некоторые вещи и подписанные герром Зоммерфельдом бумаги, связанные с моим увольнением...

Пожав руки поочерёдно всем коллегам, я приблизился к кассе, соединённой с моим — или теперь уже не моим — компьютером, довольно ласково щёлкнул её по тач-скрину и пошёл к выходу... Помню, что когда я был уже в дверях, эта тварь громко сказала: «Auf Wiedersehen, Herr Eigner!» — так что я даже вздрогнул...

Примерно через полгода после этого (я возвращаюсь к запискам после долгого перерыва, так что все эти месяцы, недели, дни — теперь уже точно условные) я встретил в трамвае своего бывшего сотрудника... Его звали Петер... Он увидел меня первым, встал с сиденья и радостно пошёл мне навстречу, раскрывая руки для объятий...

— Grüß dich!* — сказал он. — Очень рад тебя видеть!

— Servus**, — довольно сдержанно ответил я...

* Приветик!

** Тоже приветствие.

— Я же говорил, что мы ещё встретимся!

— Да? Я думал, что мне это сказала говорящая касса... Но в любом случае: я рад, что увидел тебя, а не её... Хотя, может быть, они скоро уже будут повсюду? Как там дела у Зоммерфельда?

Петер два раза махнул рукой — как будто перебросил невидимый мячик назад — через плечо... И сказал:

— Забудь. Я ещё там числюсь, но занимаюсь, в основном, другими делами, и вовсе не там... И об этом я и хотел с тобой поговорить.

— Мне нужно ещё какое-то время восстановиться морально, прежде чем приниматься за новую работу, — сказал я.

— Подожди, подожди, ты же не знаешь, о чём я...

Выслушав его предложение, я сказал:

— Но Петер... С чего ты решил, что я вообще могу что-то рисовать?

— Потому что я видел! — сказал он. Мы с ним уже прошли по Театинерштрассе, пересекли Одеонзплац и попали в кафе «Шуманс»...

Петера там знали, и, несмотря на отсутствие свободных мест, мы простояли совсем немного — у стойки, после чего приветливый официант предложил нам места за квадратным столиком...

Снаружи в этот день был сильный, временами просто ураганный ветер, и с каждым посетителем, приподнимавшим красный парчовый занавес над входной дверью, ветер забегал в бар и забирался всем за шиворот...

Мне, по крайней мере, он туда забирался — я то и дело поёживался... Не думаю, однако, что он проникал за шиворот к дужам — они все были в галстуках... да в сущности и сами были не более, чем сгустки холодного воздуха...

Дужи превалировали, как и следовало ожидать, в этом заведении...

Но Петер оказался не дужем... На работе я его почти не замечал, и мог случайно этим превратить... Но, слава богу, этого

не случилось — также, как и герру Зоммерфельду не удалось это напоследок сделать со мной... Выйдя из офиса после его напутственного монолога, я какое-то время был дужем — когда ждал электричку на платформе, глядя на солнечные былинки... Но потом, приехав в город, я постепенно вернулся — при помощи нескольких кружек тёмного нефильтрованного — к обычной форме жизни...

— Что ты видел? — сказал я. — Петер, что ещё за фантазии?

— Я видел, как ты рисуешь!

— Ты бредишь. Я последний раз рисовал в детстве. И то не на уроке рисования — их я принципиально прогуливал, а в кабинете детского психолога... Пока его ждал... Причём он — ты будешь смеяться...

— Да погоди ты, — прервал меня Петер, — я видел, как ты рисовал на работе! На компьютере, в «пэйнтраше», «мышкой» рисовал, без всяких там световых карандашей, и это было так здорово, эти твои шаржи, в том числе на герра Зоммерфельда...

— Так, значит, ты подглядывал... И не стыдно?

— ...что я ещё тогда подумал: тебе нужно заниматься совсем другими вещами. Ты помнишь, я говорил с тобой, я спрашивал, почему ты не работаешь художником?

— Но ты не признался тогда, что подглядываешь...

— Слушай, это же смешно... Все видели, все знали — включая и герра Зоммерфельда...

— Я же их сразу стирал...

— Servus, Jens! Ты посылал их с емэйлами по всему свету, и что, думаешь, они не сохранялись при этом на нашем сервере?

— А, ну да... Честно говоря, я не особенно шифровался. Мне уже было всё равно.

— Мы знали, что ты пришёл туда как чей-то родственник или что-то вроде того... Поэтому герр Зоммерфельд тебя и терпел...

Кстати, это он первый сказал: «Парень явно не на своём месте. Ему нужно рисовать, рисовать...»

Бог ты мой, подумал я, ну что я такого там рисовал... Профили своих знакомых — иногда я сразу же им и посылал эти «benutzerdefinierte Profile»*... Помню, что особенно восхитился один одноклассник, временно проживающий в ЮАР, он пишет там докторскую... «Йенс, у тебя память, как у слона!» — написал мне Юрген... А я его спросил, почему, как у слона? Что там такого у слонов с памятью? Я слышал, что они злопамятны... Но я не таков! Я уже простил тебя за то, что ты наябедничал на меня в третьем классе...

Он ответил, что он сейчас занят приматами и не хочет читать мне лекцию про слонов (Юрген — биолог), он просто имел в виду, что здорово я его...

Ну и что?

Ещё я иногда устраивал на экране пуантилистские вакханалии, фейерверки, на компьютере это ведь получается само собой, какие-то ландшафты там возникали, марсианские, или наоборот — земные, джунгли с гирляндами чёрных обезьян...

Но в основном я, как уже сказал, рисовал знакомые физиономии и рассылал их, если знал их адреса... Кому это нужно в наше время, такое нелепое умение?

Разве что... Где-то я читал, что в тюрьме, особенно в восточных странах, это ценится — умение рисовать портреты... сокамерников.

Что такой человек бывает там почти в таком же почёте, как «сказитель», рассказчик историй... Но мы же, слава богу, и не в тюрьме, и не на Востоке... Ну то есть я отсидел свои шесть месяцев... И всё, и хватит с меня — тюремной графики...

* Профили, определяемые пользователями.

Вот примерно таким был мой ответ Петеру... Который предложил мне какую-то смешную и впрямь работу: стать «виджеем от руки». Ручным виджеем... Оказалось, что сам по себе Петер диджей, кличка — DJ Уды, причём теперь, разочаровавшись в проекте герра Зоммерфельда, он центр тяжести вообще собирается перенести в музыкальную сферу...

Он уже зарабатывает этим больше, чем на «основной» работе... И вот когда он увидел меня в трамвае и вспомнил, чем я занимался на рабочем месте... Ему пришла в голову такая... эвристическая, прямо скажем, мысль: посадить меня за древний комп с пэйнт-брашем, и пускай себе я рисую... Точно так же, как в бюро герра Зоммерфельда...

Уже в «Шумансе» план его уточнился до трёх пунктов: 1. Bilderstrom* должен быть непрерывным; 2. Как-то иногда коррелировать с музыкой — хотя бы изредка; 3. Не нужно, конечно, столько голов в одни ворота... Или можно, да — рисовать одну за другой, головы, но тогда быстро, быстро, чтобы они дышали друг другу в затылок... У него есть ремикс, к которому подойдут «головы», да-да...

Так он поговорил ещё минут пять... Я его не прерывал, я его довольно-таки внимательно слушал... И когда он замолчал, я сказал:

— Знаешь, что? Я согласен.

Почему бы мне было не попробовать, собственно... Единственное, что меня смущало, это мой так называемый сценический синдром... Ну это когда в детстве вы не научились декламировать стихи со сцены и стесняетесь направленного внимания... Но Петер моментально рассеял это сомнение: мне вообще не нужно сидеть на глазах у публики. Если я захочу, я могу сидеть в таком кубике, закрытый аппаратурой, да мало ли что можно придумать... На меня никогда не направят прожектор... Зато всё, что будет выходить

* Поток картин.

из-под моей руки... Будут видеть сотни людей — на большом экране... Да-да, на большом... Ну и что? А чем это отличается от сотен людей, которым я посылал свои рисунки из офиса герра Зоммерфельда?.. Если сложить все их экраны, как раз и получится один большой... Так что — почему бы не попробовать?

Все аргументы Петера выглядели вполне убедительными...

— Так, — сказал он, — я рад, что ты согласился... Теперь давай подумаем, что мне нужно подкупить... Карандаш, да? Ты же не хочешь, наверное, и дальше рисовать мышью? На работе ты просто вынужден был...

— Нет, — сказал я, — мышью — и только мышью... Карандашом у меня не получается, я не могу это объяснить...

— И не надо! — радостно воскликнул Петер. — Не надо всё объяснять. Тогда у нас всё есть, и завтра вечером мы уже можем начать! Сбор в девять вечера в «Сеуле». Сейчас я тебе объясню, как туда ехать...

И всё-таки я бы хотел объяснить — самому себе, почему так получается... Почему я мог за пять секунд нарисовать ваш портрет или внутренний ландшафт... Если в руке у меня не кисть, не карандаш и не авторучка... А «мышь», обыкновенная «мышка», мне в общем-то было до фени, какой она будет конструкции... Хотя Петер купил мне эту серую лапу, похожую на кастет... Вот именно лапу с маленьким красным глазом, которую я пожал и сразу почувствовал некий контакт... Или просто потому, что мы с ним перед этим вдохнули с разных концов одну полоску...

Иногда мне кажется, когда я вспоминаю эти вечера, что дело всё было вот в чём...

Я честно не умею рисовать на бумаге... Рука моя тогда вообще не движется... Она застывает где-то в центре листа — и всё... Ну из-под палки я могу, конечно, заставить себя провести линию...

Каракули, которые при этом появляются, не то чтобы ужасны... Что вообще может быть ужасным, после всего, что было в про-

шлом веке нарисовано... И продолжает рисоваться... По-моему, ничего... Но то было нарисовано хотя бы с драйвом, я надеюсь... И хотя бы исполнителю доставляло хоть какое-то удовольствие... Мне же — абсолютно никакого, поэтому я никогда и не желал карьеры художника...

А когда в моей руке оказывается «мышка», всё происходит совсем по-другому... Наверное, меня завораживает само это движение, или точнее — отслеживание движения...

Я как-то случайно, неосознанно, вошёл однажды в такое состояние, при котором не я двигаю «мышкой», а «мышка» — моей рукой...

Моя рука прилипла к ней, как к руке Ахима, когда он показывал мне что-то из упражнений тай-чи... Я уже почти всё забыл, все «формы», но вот это помню: как мы стояли с ним на альпийской поляне... Я должен был «прилипнуть» к руке, которой Ахим быстро водил в воздухе... Мы касались друг друга запястьями — известное классическое упражнение... Старые мастера выполняли его, стоя на самом краю пропасти...

Но со мной Ахим ничего такого не вытворял — тренируясь в «прилипании», мы стояли с ним посреди поляны, и до пропасти тогда было очень далеко...

Это в клубе «Сеул», вода «мышкой» по поверхности стола и глядя на возникающее на маленьком экране — я сидел, как мы и договорились, в таком закоулке с компьютером, и мне было удобнее смотреть на экран перед собой, чем на большой, висевший на стене, хотя при желании я мог смотреть и туда... Это там я почувствовал вдруг, что выполняю «прилипание»... Причём являюсь ведомым — я отслеживаю движения «мышки»... Или даже не «мышки», чьей-то руки...

Моя задача только её не упустить, не оторваться от неё, вот и всё... И не задумываться, кто её двигает, ни в коем случае...

Пока это у меня получалось, я успешно работал на новом месте — делая то же самое, что и у Зоммерфельда...

Особенно мне нравилось, заметив в зале какое-то интересное лицо... Скажем, Свена — приятеля Петера, я так нарисовал... Очень интересное лицо: кельтский профиль в форме мусульманского полумесяца...

Быстро изобразить чьё-то лицо... И после этого сделать паузу, наблюдая со своего балкончика, заметил ли изображённый, что на экране... Часто я или, точнее, «мышка» выхватывала девушек, но девушки себя чаще не узнавали... Или делали вид...

Не надо забывать, что это всё были шаржи...

А потом снова шли метеоритные дожди, разверзались болота и марсианские сиреневые хляби — всё в такт музыке... Если это можно было назвать музыкой... Петер продуцировал, как правило, «хаус» или «минимал-техно»... Ну какая это музыка?

Но справедливости ради надо сказать, что если уж то, что я выплёскивал на экран... Или не я, но — посредством меня, вода моей рукой, попадало на большой экран — если это можно было назвать «дигитальной живописью»... А ведь называли... И в модном тогда таблоиде, и в «Ночной газете», и даже в этаблированной «SZ»*, в разделе «SZ-Extra»...

То и музыку Петера можно было назвать музыкой, вай нот... Два раза в неделю Петер отдыхал, и другие диджеи ставили «транс»...

Но в последнюю ночь во время работы мне стало не по себе... Что-то такое пошло — из-под моей руки — и на большой экран... Что сначала вогнало меня самого в ступор... А потом я о чём-то задумался... И навсегда перестал совершать эти транс-акции... Вот и всё, собственно говоря... Больше мне нечего сказать....

Или я недостаточно ясно выразился? Ну если угодно: мне показалось тогда, что из этого трипа я уже никогда не выйду... Довольно банальное ощущение, знаете... Но тревожное, и потом, это же связано с моторикой...

* Süddeutsche Zeitung.

«You can check up all your life, but you can never leave...»

И так и буду сидеть в бюро у герра Зоммерфельда — мне показалось, что я там сижу, а вся история с Петером и виджейством в «Сеуле» — не более, чем дневной сон, — на рабочем месте... Так и буду сидеть... или стоять на балюстраде, глядя на фонтан, в котором умирают одна за другой золотые рыбки...

Я нарисовал на экране круглый бассейн с тёмно-зелёной водой... Может, кто-то и не понял, что это бассейн, подумал, что это просто кружок... Хотя я изобразил фонтанчик... И стал заполнять бассейн красными маленькими тельцами... Я вспомнил, что похожие ощущения — на те, что испытывает рука с «мышью», когда рисуешь ночью в «Сеуле», под «транс», — я испытывал, когда в руке у меня был спиннинг, и что-то начинало клевать из зелёной глубины Вальхензее...

У Ахима была лицензия, и хотя мы с ним рыбачили редко... по пальцам можно пересчитать все наши с ним рыбалки, но всё-таки иногда забрасывали удочки... И тогда было похожее ощущение — когда клевала большая рыба...

И вот теперь я его испытывал — руку дёргало всё сильнее, — занимаясь по сути анти-рыбалкой — заполняя — теперь уже не фонтан в офисе Зоммерфельда, и даже не Вальхензее, где мы прожили когда-то целую неделю, в посёлке Урфельд...

А весь Мировой океан — золотыми рыбками...

Я вспомнил вдруг, что в Урфельде жил Ловис Коринф... После того как у него случился первый инсульт, он купил домик... Только не там, где мы отдыхали с Ахимом, дальше от озера...

Мы жили прямо на берегу, в номере с огромной террасой на улочке Seewinkel, и в памяти у меня мелькнул вид из окна: зелёное Вальхензее, горы, осыпанные сахаром... Но тут же по ним разлилась красная краска... Из библейской картины Коринфа,

потом его автопортрет... А потом уже — его Вальхензее, но при этом я ещё не выплыл из памятной комнаты, где мы жили в Урфельде... Было так, как будто в окне у нас тогда была картина Коринфа... Просто темнело, наверно, и было похоже...

И тут — наверно, просто игра слогов — как и тогда, на Максимилианштрассе, — перед глазами у меня стал появляться Уртюп...

Я увидел его огромное лицо, написанное коринфовскими мазками, перемешанными с кровью...

Более того: я почувствовал, что Уртюп совершает «прилипание», что это его рука не расстаеться с моей... Как это было тогда — в трамвае, когда он нажал на кнопку — оттолкнув запястьем запястье... Просто потому что в этот момент визуализировался...

В невидимом же модусе... Он всё время водит вслед за моей рукой... То есть уже непонятно, кто за чьей...

То есть я почувствовал, что начал его рисовать... Но что, если я сейчас его дорисую... И сотни людей увидят его на большом экране... Случится что-то нехорошее...

Я не потерял сознание, я даже сам после этого ушёл из клуба... Более того, я даже вёл машину...

Но продолжать эту работу я после той ночи отказался категорически...

Пауза в этих записках связана с тем, что долгое время после ухода из «Сеула» я не мог вообще прикасаться к компьютеру, любому, то есть даже к своему лэптопу, в котором, кстати, вообще нет и никогда не было... ни пэйнтраша, ни фотошопа, никаких графических программ... Да и «мышки» у меня нет, я вожу пальцем по тач-скрину...

Что же я всё это время делал? Не знаю. Ничего не делал, ходил в «Чёрный петух» пить пиво...

Или водку — в панковскую «Флэксу»...

Слонялся по городу... Что-то читал, конечно... А вообще: можно сказать, что я впал в осеннюю спячку... И это было только преддверие — зимней...

Я пока что ещё просыпался, я натягивал на себя одежду, я выходил на застеклённый балкон...

Я дышал на стекло — там запотевал кружок... Я быстро рисовал на нём пальцем лицо...

И смотрел, как оно медленно растворяется — вместе с кружком...

На фоне ночных огней...

И снова рисовал... На чёрном стекле... Слегка подсвеченном... с другой стороны — дальними фонарями... Лицо, чей-то облик... В кружочке своего дыхания... И смотрел, как оно испаряется...

На запотевшем стекле у меня это получалось не хуже, чем «мышкой» в «Сеуле»...

И я стоял тогда так очень долго, напившись, кажется, в «Дикой свинье», дышал на стекло перегаром, рисовал лицо, смотрел, как оно исчезает, и снова его рисовал, и оно снова таяло, и я снова...

Это было не моё лицо, и не то, что вы подумали... Не Уртюпа, нет-нет... Это было просто лицо, Antlitz...

Их было столько, этих лиц... Одно за другим... Что какое-то, наверно, было похоже на меня... Но какое-то — на вас...

А из комнаты доносился застрявший в лэптопе ремикс Давида Моралеса, хаус или дип-хаус... Ту-ту-ту... С периодическими заплывами в ла-ла-ла... И ещё не было снега...

Да, снег пошёл потом...

Помню, что я проснулся и... Так как жалюзи были опущены, опять-таки не мог разобрать, ночь снаружи или день...

Звонили в дверь, я думал было не открывать, перевернулся на другой бок... Но не уснул... Да и звонить не прекратили... Поэтому я встал с кровати и, чертыхаясь, пошёл к двери...

На пороге стоял незнакомый человек в синем рабочем комбинезоне... Он представился хаусмайстером...

— У меня всё в порядке, — сказал я, — всё течёт, всё функционирует...

— Зато у нас не всё есть в порядке, — сказал он, — у нас с вами не всё есть...

Говорил он с каким-то балканским акцентом...

Мне вообще-то показалось, что это попытка ограбления, и я уже думал было захлопнуть дверь перед его носом... Но тут я вспомнил, что какое-то время назад в подъезде и в самом деле висело объявление... О том, что у нас теперь будет другой хаусмайстер...

К тому же этот человечек в комбинезоне пока что не делал попытку проникнуть в мою квартиру, он стоял неподвижно за порогом...

— На вас жалуются жильцы! — сказал он. — Если это не прекратится, мы вынуждены будем обратиться в полицию...

— А что я сделал? — сказал я, зевая. — В чём, собственно, дело?

Он ещё сильнее стал буравить меня своими чёрными глазами...

— Шум, — сказал он, — крик, гам... Вы не даёте людям спать... Всю ночь вы стучали в двери к соседям... Вы кричали! Дурным голосом! Из почтового ящика!

После этих слов я таки да, захлопнул перед его носом свою массивную дверь...

Я думал было даже сам позвонить в полицию и сказать, что ко мне ломится сумасшедший...

Нет, ну нормальный человек будет утверждать, что я «кричу на людей из почтового ящика»?

Я уже не говорю, что когда человека будят ни свет, ни заря... На часах было одиннадцать, по всей видимости, утра... И говорят такое...

Я поневоле вспомнил о бункере для украденных картин, с железной заслонкой... «Как огромный почтовый ящик», — говорил Ахим... Или Феликс, я уже не помню, кто это сказал...

И всё же я не стал звонить в полицию...

Выпив кофе, я подумал, что виной всему его албанский или там сербо-хорватско-немецкий... И рудименты ящиков, которые изначально были вмонтированы в дверь каждой квартиры...

Почтальон бросает почту в ящики, которые висят внизу, у входа в подъезд, а эти, в дверях квартир, просто так остались, про них забыли... Но они ведь представляют собой отверстия, ведущие в квартиры, и в них можно кричать дурным голосом... А «из них» получилось из-за незнания немецкого, ну перепутал «hinein» и «heraus», с кем из иностранцев этого не случается... Фух, подумал я, с этим разобрались...

И тут в двери снова позвонили...

На пороге стоял тот же человек в комбинезоне, может быть, он успел походить по другим квартирам...

— Это серьёзное дело, — сказал он.

— Послушайте! — я повысил голос. — Я спал! Сутки подряд! А может, и больше! Я вообще не выходил из квартиры, что вы за бред тут несёте...

— Но вас видели соседи...

— Ну так это коллективный бред! Это не мог быть я!

— А если вас видели? Дети очень испугались у Зеенхоферов, они вообще возмущены, до глубины...

— Послушайте, если надо будет, Зеенхоферы сами ко мне обратятся...

— Они теперь боятся, поэтому они и...

— Я вам всё сказал: я не выходил из квартиры, всего доброго, — и я захлопнул дверь. Потом снова открыл и почти крикнул:

— Если вы ещё раз позвоните, я вызову полицию. Надо ещё проверить, какой вы хаусмайстер. А теперь вон!

Я долго стоял под душем, прежде чем смог успокоиться.

И то сказать, успокоился ли я...

Я вспомнил, что недавно видел возле своего дома Уртюпа... И не одного, а в компании таких клошаров... Что, если это он? Я не сошёл с ума, нет... Если он выталкивал меня из меня... Там, у Изара, потом в трамвае, и было ещё много этих «потом»... То почему бы ему не явиться ко мне домой? Что, если он искал меня? Если он проследил за мной... Я ведь когда-то следил за ним... Он мог ответить мне тем же...

Но я до сих пор не знаю, живёт ли он под мостом, в смысле, ночует ли он там... На это меня не хватило — удостовериться... Довести расследование до конца... Хотя один раз я прошёлся ночью, и не под одним, а под пятью или шестью мостами — я почти дошёл до Трудеринга... Ночью, да, чтобы выследить Уртюпа, я сам не знаю, что бы я делал, если бы его нашёл... Мало того, что он слеппен из другого теста... Так у него ещё и собака...

По дороге я попал на диковинный... Или, скорее, попросту дикий... Дикий вернисаж — прямо на сводах моста висели фотографии бомжей, наклеенные на куски картона, а под ними сама «натура» квасила из пластиковых стаканчиков водку и граппу...

Фотограф был совершенно сказочный, такой кэптейн Джек на пенсии...

Там была и дама с попугаем, которую я вижу с детства на мюнхенских озёрах... Нет, эта — не бомжиха, скорее, что-то вроде буржуа — в старом смысле этого слова... Ну она и смотрелась там белой вороной*... То есть на плече у неё сидел огромный попугай «ара», который в таком освещении тоже выглядел чёрной, гипертрофированной вороной...

* В оригинале «чёрной овцой», и это, конечно, больше подходит, потому что «на плече у неё сидел огромный попугай».

Даму эту я видел с детства, повторяю, на пляжах, она возлежала в шезлонгах, а жёлто-синий попугай всегда сидел рядом в клетке, но несколько раз я видел его и на ветке сосны, стоявшей недалеко от хозяйки...

Почему я их вспомнил? Не знаю... Или да: они были под мостом, на вернисаже, и там же были бомжи со всей округи, но моего Уртюпа там не было, и я так до сих пор и не знаю, где он живёт, зато он мог запросто меня вычислить...

Вместе с тем, даже зная его... Или, точнее, не зная... Но что-то всё-таки зная, имея его визуальный образ, по крайней мере, я с трудом мог себе представить, что он ходил по моему подъезду и кричал в почтовые ящики жильцов...

К тому же, если кого-то наверняка нельзя перепутать со мной, то это Уртюпа...

А хаусмайстер утверждал, что Зеенхоферы видели в глазке моё лицо...

Но мало ли что они все там видели, я им не верю...

«Они могут всё что угодно, сказать, — бормотал я, возвращаясь в свою взъерошенную берлогу, — интересно, медведя они там случайно не видели? Которого все видели...»

И, так как я сразу не уснул, мои мысли переключились с Уртюпа на Бруно — точно так же, как медвежьим летом, когда... Кажется, только мы с Дженни его не видели — да и то чисто случайно... Потому что мы два раза были в тех же местах и в то же самое время, где был Бруно, — это стало ясно, когда уже после выстрела, прозвучавшего на всю Баварию, в горах, мы увидели в газете карту, на которой были обозначены последние перемещения бурого мигранта...

Почему, кстати говоря, с итальянской стороны Альп медведи спокойно живут, не вызывая никакого ужаса, и в них никто не стреляет? Я не знаю...

После смерти Бруно Италия требовала выдачи его шкуры, вообще от всей этой истории на меня повеяло тогда чем-то... Что пока трудно выразить словами...

Последний раз мы должны были встретить его на Шлиерзее — и встретили бы, если бы не поплыли на необитаемый остров...

Но мы поплыли на остров... И встретили там не медведя, а У-у-у...

Да ладно, просто мне так показалось в первый момент, Дженни же подумала, что это Пан с картины Бёклина, он в самом деле был похож... Точнее, не он, а вся композиция — просто один к одному...

Мы увидели его в бёклинских зарослях, когда покидали остров — вплавь... Ходил ли он за нами всё это время, прячась в кустах? Нет, я не думаю...

Ни я, ни Дженни никогда там раньше не были и ничего не знали о назначении этих странных сооружений... Что в них странного? Странно было выйти из амальгамовых волн Шлиерзее на берег, зайти в чашу и увидеть там закрытый терем, рядом с ним деревянную вышку... По всем признакам это была гостиница, да... Но в ней никого не было, стеклянные двери были заперты...

Сквозь них, тем не менее, видны были многочисленные столы... Не обязательно только что сервированные — как нам показалось в первый момент, потому что на них стояли белоснежные накрахмаленные салфетки... Похожие на паруса яхт, качавшихся за нашей спиной — в озере, я даже подумал было, что это отражения....

Вскоре после того, как Бруно был «обезврежен» неким анонимным стрелком (имя его до сих пор хранится в тайне — имя стрелка, — потому что какие-то безумные жители Шлиерзее — этикие «эко-фашисты», хе-хе... угрожали после смерти Бруно

даже местным властям, а уж если бы они узнали имя стрелка...)...

Да, так вот как он стал бумажным: на выставке дипломных работ в Академии... Или нет, курсовых, потому что там была и картина Дженни, а она же так и не закончила Академию... Замазанный серебрянкой квадрат, с содранными тут и там окошками — как сдирают ногтем слой с билетика лотереи, чтобы проступили цифры... У Дженни там и проступали цифры... И ещё — тёмный силуэт боинга...

Да, но я вспомнил Бумажного Бруно... Не прошло ещё и недели после выстрела...

Нет, что-то было в этом уже мета-перверсное... Медийного медведя успели сделать всеобщим любимцем... Им не пугали детей, нет-нет, скорее влюбились в него... Ну задрал где-то овцу... Ну напугал где-то туристов... Но всё же его не объявляли международным террористом, и я не верил, что его убьют... Ну, максимум, усыпят на час-другой ампулой, перевезут в зоопарк... Так я думал — так все думали...

Не знаю, как все, но Дженни таки да, плакала — когда его застрелили...

И эти наши с ней три не встречи с медведем... Как будто это из-за него мы и ехали каждый раз в горы — неосознанно... Нас тянуло туда, как вслед за курсором по карте в e-rareg... Но мы разминулись...

И вот, через неделю после выстрела, прозвучавшего в горах, кто-то из соучеников Дженни сделал такую работу...

Бумажный медведь стоял в комнате, у входа в которую висела табличка: «Бруно, медведь», при этом он заполнял комнату почти целиком — от пола до потолка... Из коричневатой — обёрточной... Точно такой бумаги, как в фильме Гондри, «Science of Dreams», только там был не медведь, а... Всё остальное, скажем, полицейские машины — во сне...

Видно было, что сделан он наспех — и это было правильно, это не скрывалось, все швы были налицо...

То есть не швы, а скотч (клеящая лента), очень много скотча — просто им всё это было соединено, связано, гигантский такой получился пакет — в виде... Медведя пустоты?..*

Если так, то вообще всё, что было тем летом, поместилось в этого медведя — пустоты... Было упаковано, запелёнато скотчем —

* Просто не мог не вспомнить, переведя, такую строчку: «По комнате бродит медведь тишины» (К. Кедров). Если бы я переписывал текст совсем свободно, непременно ввёл бы её на этом месте в контекст скрытой цитатой — именно так мне представляется комната, да и вообще квартира Йенса, в которой я никогда не был... Ну и хочется уже тогда присовокупить своё воспоминание: сам я — на следующий день после выстрела — обсуждал смерть Бруно не с Йенсом, но с похожим на него спящим принцем по имени Тэди — владельцем бара, в котором я тогда подолгу просиживал (нет, это был не «Teddy Bar» в Глокенбахфиртель)... Тэди был таким нефтяником, спящим в обнимку с плюшевым медвежонком рядом со скважиной, которая его кормила и поила (пиво это ведь и жидкий хлеб, и баварская нефть), но это, конечно, отдельная притча во языцех... Я просто хотел сказать, что само его имя — не Йенса, а Тэди — напомнило мне тогда, после смерти Бруно, стишок, который я выучил в детстве, года в три, наверное, я уверен, вы его тоже знаете... А теперь — во время перевода — он снова стал вертеться у меня в голове, чередуясь с кедровской строчкой... «Teddy Bear, Teddy Bear, look around, Teddy Bear, Teddy Bear, touch the ground, Teddy Bear, Teddy Bear, switch of the light, Teddy Bear, Teddy Bear, say good night». По-моему, здесь — всё, что Йенс силится выразить на многих страницах... Ладно, так или иначе, не только Йенс, не столько Йенс и не один только Йенс... был тогда под впечатлением от судьбы несчастного Бруно... Наверное, поэтому я и позволил себе этот длинный коммент, наверное, абсолютно обсолентный... Не надо переводить непонятные слова, они ничего не означают... Вот что я, однако, скажу в своё оправдание: зато я выпустил — на волю... Я убрал из текста массу бормотаний, урчаний, хрюканий и вообще — звукоподражаний, которыми были буквально нашпигованы эти страницы, как будто Йенс всерьёз решил перейти то ли на птичий, то ли на медвежий какой-то язык... А я, соответственно, хотел вообще бросить перевод, потому что так мы с ним не договаривались... Ладно, я немного разрядился... Теперь буду переводить дальше.

в огромного Бруно... Бумажного, ну да: «Бумага — это очень важно, Йенс...»

Конечно, мы не могли не подумать на следующий день о том, что мы должны были его встретить — на Шлиерзее... Если бы не поплыли на остров, мы бы его точно встретили...

А так мы встретили Уртюпа...

«Да и никакой это был не Уртюп, — сказала она, — вообще... Йенс, я не хочу больше о нём слышать... Хватит с меня Бруно...»

Я так до конца и не понял смысла этой её фразы — тогда, но должен сказать, что в самом деле медведь отвлѣк мысли от Уртюпа... Как-то умеют переводить наши внутренние стрелки... Эти внешние — вроде бы — средства — масс-медиа...

Значит ли это, что медведь меня, в частности, спас от Уртюпа?*

Не знаю, по крайней мере, Уртюп перестал вращаться вокруг меня... Он исчез.

* Кстати, свои собственные опусы я в последнее время совсем забросил, и всё, на что меня хватало, это совсем уж беспозвоночный текст, ни для кого и ни о чём, под названием «Гаджеты и дайджесты»... По сути, просто газетные вырезки, если не на все случаи жизни, то... на всякий случай. Вот как раз такой случай, как раз по теме, звучит прямо-таки контрапунктом к тексту Йенса, а взято прямо из вчерашней (т. е. за 9 июня 07-го) газеты: «Вчера в “SZ” я прочёл в разделе “Наука и техника” заметку: “Спаси меня, Тедди”. Подзаголовок гласит: “Робот с головой плюшевого медвежонка будет спасать раненых солдат”. Американская армия заключила договор на испытания робота, который будет доставать раненых с поля боя. Гаджет, названный “Das Bear” («медведь» расшифровывается так: Battlefield Extraction Assist Robot), способен своими гидравлическими лапами поднимать грузы до 220 кг и переносить их по пересечённой местности, а также вверх и вниз по лестнице... Голова робота не случайно сделана в виде головы плюшевого медвежонка, с которым каждый играл в детстве, — как сказал представитель армейской пресс-службы Гарри Гилберт журналу “New Scientist”: “Когда речь идёт о раненых, особенную важность приобретает такой фактор, как человечность”».

Ну да, после того как Дженни утонула, был у меня ещё один приступ ур-тика*, я искал его под мостами через Изар, а потом поехал на Шлиерзее — с друзьями...

Я пишу не рассказ... О духах... Или в духе — мистического реализма... Поэтому сразу скажу, что мы там не нашли никакого Уртюпа и что там вообще никого не было, на этом острове, ни души...

А в неодушевлённом аспекте остров выглядел точно так же, как и в первый раз — когда мы заплыли туда с Дженни... Закрытые стеклянные двери гостиницы — теперь я знал, что это гостиница для новобрачных, и сказал это Флориану и Кристиану, они же никак на это не прореагировали — пожали плечами...

Пускай не Уртюп, я же не возражаю, пусть это был не он... Но тот, кого мы увидели, покидая остров, — кто сидел в кустах возле привязанной лодки...

И сторожил гостиницу для новобрачных...

— Эта гостиница и ресторан от пивзавода Траунштайн, — сказал он, — специально для свадебных торжеств. Так что вы, ребята, знаете теперь, где будете справлять свою свадьбу, правда?

Вспомнив сейчас, как он при этом улыбнулся, я понял, что Дженни была права — это был не Уртюп...

Просто немного одичавший ввиду долгого отсутствия молодожёнов сторож, который объяснил нам назначение столь странных — в том смысле, что совершенно пустых и при этом выглядящих так, будто в них кто-то есть... Сооружений на маленьком острове посреди... в свою очередь, небольшого озера... Что-то в этом было, безусловно... от фата-морганы...

* Наверное, тут имелось в виду, что Ур — это ещё и часы (*нем.*), а часы ещё и тикают, идут... Есть ещё немецкое выражение «понять, как кто-то тикает» — означает, «как кто-то устроен», я думаю, здесь это всё вместе имелось в виду, бормотание то есть в этом месте показалось мне не совсем бессмысленным, и я его, как мог, перевёл.

Я его заподозрил — этого сторожа... во время ур-тика, после безуспешных поисков Уртюпа под мостами... Вспомнив, что когда он — тогда уже точно Уртюп — стрелял у Дженни сигарету в кафе возле Фрауэнкирхе, я подумал, глядя, как он уходит... как натягивается канат его собаки...

Что видел его на каком-то озере, что он отдавал там швартовы...

Только сначала я подумал о большом озере...

Поэтому я поехал на своей колымаге в Штарнберг, купил билет на рейс по кругу — чтобы изучить эту систему канатов, блоков и грузов...

То есть я внимательно следил на каждой остановке за тем, кто отдавал швартовы...

И после того как я на одном причале увидел, что их отдаёт столетняя — как минимум — маленькая старушенция... И она же продаёт в кассе билеты — на теплоход... У меня что-то сжалось внутри, мелькнула мысль сменить её на этом причале, самому отдавать швартовы, такой вот представился мне в тот момент траум-беруф*...

Перед этим у меня, кстати говоря, была не менее странная мысль — по поводу своего трудоустройства... Я ехал в метро и, подобрав лежавшую на соседнем сиденье газету — кажется, «Бильд», — прочёл там, что в Бундеснахрихтендинст** в Пуххайме*** нужны 2 000 человек на шпионские должности... Вай нот? — подумал я, эта мысль развеселила меня на некоторое время...

Так же как альтернативная: занять место столетней старушки, отдающей швартовы — на Штарнбергерзее...

* Траум — мечта или сон, Беруф — работа, профессия (нем.).

** Служба внешней разведки (нем.).

*** Район под Мюнхеном.

Я подумал, впрочем, что не следует её замещать... Что у неё это, наверное, связь с жизнью — этот канат... А мне — если я хочу жить жизнью, а не... Нужно искать себе другую связь... Или спать себе дальше в своей квартире — что я пока что и делаю, причём всё более и более успешно...

Мне даже непросто теперь различать, что было в последнее время наяву, а что во сне...

Нет, но в шпионы — в Пуххайм — я ездил записываться точно во сне... Меня там взвешивали на тех же весах, что и Дженни... Потому что шпион — тоже госслужащий — как и учитель... Всё это было во сне — траум-беруф, хальт... но откуда я так хорошо помню высокую стену, вдоль которой я еду и еду — на велосипеде... На ней висят щиты с надписями: «На каждого сумасшедшего...» Нет, я путаю, там висели такие: «Съёмки категорически запрещены...» Но всё это как-то снималось...

А вот выпив виски, я вспомнил, что это было не только во сне...

Что в детстве мы заезжали туда с Ахимом — на велосипедах, в лес Пуххайма то есть, по дороге в Вольфратсхаузен, к дяде Феликсу, объезжали весь этот наш Бундеснахрихтендинст по периметру...

Зачем мы его объезжали, я не знаю, наверное, просто так... Да куда только мы не заезжали с отцом тем летом на велосипедах... Мы объездили весь город... Разве что за высокую бетонную стену мы так и не заехали...

Но я побывал там на интервью — во сне, хальт... Взяли ли меня на работу? Кто знает, кто знает... На должность Gehirngespenster*, скажем, с заброской в какую-нибудь из «стран-бастардов», хе-хе...

* Буквально: «призрак, обитающий в мозгу». Это понятный неологизм, означающий (как видно из последующего контекста) приблизительно то же самое, что и «Hirngespinst» (нем.).

А propos Hirngespenster... Я перечитал эти страницы и подумал: получается, что медведь таки надёжно вытеснил из моего сознания Уртюпа... Не прошло и года...

Как мне, кстати, удалось тогда заманить Дженни в воду?

На острове, на Шлиерзее, повторяю, была гостиница для новобрачных, с рестораном, где можно было справлять свадьбу... И только для этого — по словам сторожа, которого мы встретили, когда уплывали оттуда... гостиница была предназначена только для этого — для брачных торжеств... И первых ночей... Поэтому она и стояла — в остальное время — пустая...

Мы с Дженни побывали там в остальное время... Выплыв туда, мы вышли, раздвигая кусты, к странному дому — высокие стеклянные двери были закрыты, но сквозь них — если прислониться лицом... Потому что иначе видно было только отражение леса... А если припасть лицом — видно было, что там всё готово... Для каких-то торжеств — мы в тот момент ещё не знали, что для свадебных... Треугольники крахмаленных салфеток... Мы надолго припали к стеклу — хотели разглядеть людей... Это выглядело так — внутри, как будто люди только что там были, просто минуту назад поднялись по тёмной деревянной лестнице наверх...

Когда же мы отошли от входной двери, мы заметили, что в окне выставлен большой белый лист с надписью: «На каждого сумасшедшего найдётся ещё более сумасшедший!»

Мы не знали, что это гостиница для новобрачных, поэтому прочли плакат совсем иначе, в другом смысле, теперь-то я понимаю, что он значил, но тогда... Мы после этого так озирались по сторонам... Дженни споткнулась о какой-то крюк, торчавший из земли, повалилась — как медвежонок... попавший в капкан... Из ноги у неё пошла кровь... И капала всё время... И полностью остановилась уже только в воде — когда мы плыли обратно... На другом берегу крови уже не было...

Рядом с гостиницей стояли деревянные столы — маленький биргартен и деревянная же вышка — всё как у людей... вышка такая же высокая — как у пожарных...

Хотя более бессмысленного места для пожарной вышки трудно было придумать — в центре озера...

А это просто наверху стоял столик, и можно было пить пиво... Но у нас его не было... Нас не обслуживали... Хотя прекрасно было видно вокруг — воду, тёмный лес на противоположной горе, крыши посёлка на зелёном склоне...

Это был единственный раз, когда мы с Дженни были вместе в воде... В тот день она будто бы забыла о своей водобоязни... Но сразу же стало тревожно, кстати говоря, на суше... Дженни умела плавать, но не была амфибией...

И потом: мы же не знали, что этот *Geistergaststätte** на самом деле — дом для новобрачных... Мы подумали, что это «Hotel California», *oder so was in der Art***... Поэтому так оглядывались, пробираясь сквозь кусты обратно к воде...

Уже после потопа, который Дженни устроила в своей комнате... Я один раз ездил на остров — вместе с Флорианом и Кристианом...

Мы взяли в посёлке лодку и сплавали... Была осень, вода уже была холодная, чтобы в ней плавать...

Там не было ни души... На этот раз у нас было с собой пиво...

И всё, больше вообще ничего не было... Всё последнее время я по сути спал, с какого-то момента... Во всяком случае, не выходил из квартиры... Пил виски, писал или вообще ничего не делал, валяясь в постели...

* Гостиницы для привидений (нем.).

** Или что-то вроде того.

«Ich hätte Lust mit großen Tieren. Hab' keine Lust es zu riskieren...»*, — я ставил эту песню много раз... И вспоминал в деталях — медвежье лето, остров на Шлиерзее, населённый Бруно, Уртюпом и Дженни... Потом всё это сворачивалось... Заворачивалось в обёрточную бумагу — то, что не попадало в газеты...

Помню, одна статья в «SZ» называлась: «Германия ещё не готова к возвращению крупных хищников...»

А плакат на острове гласил: «На каждого сумасшедшего найдётся кто-то ещё более сумасшедший».

Эх, Бруно, Бруно... Что-то крутится у меня в голове... Или вокруг моей квартиры, какой-то смерч... Медведь пустоты?

«Мы думаем, что от того, что мы напишем, заплачут звёзды, а получается у нас всегда только сломанный бубен, под который пляшут медведи на базаре», — писал Флобер...

Но если даже он был прав — по большому счёту, то что же тогда получается у нас, хотелось бы мне знать...

Танец мёртвого медведя... Или просто сломанный бубен... Отбросим же его в сторону наконец... По крайней мере, оставим медведя в покое...

Час назад я залёг в кровать, закрыл глаза и с удовольствием вспомнил, если даже не почувствовал, что вчера или позавчера, перед тем как лечь, закрыл не только веки, но и ставни...

* «Я бы хотел попробовать с большими зверями... Но нет никакого желания подвергать себя риску», — строчка из песни группы «Раммштайн». Воистину вспоминается строчка из предыдущего текста: «Китч — это то, что нравится...» И ещё: хотелось бы знать, не писал ли Йенс под эту музыку эти страницы — как, скажем, упомянутый мной Джонатан Мизе картинки.

Да, я забыл сказать... Не только сказать, я вообще забыл, что в моём доме у всех есть ставни... Которые мало кто трогает, потому что у всех есть жалюзи, а ставни — это так, для декорации... фасада...

Но ставни — это ведь веки окон* — вспомнил я, и таким образом, лежал теперь, закрыв не одни, а сразу же несколько век, следовавших в пространстве — одни за другими...

Я понятно сказал? Не рядом, не параллельно, как на офисном здании — куда я, опять-таки, по наводке дяди Феликса, ходил устраиваться на работу, вроде бы не во сне... Во всяком случае, это не была моя траум-беруф...

Во время собеседования со мной там случился сбой в системе автоматизированных жалюзей... То есть собеседование было — со мной, а сбой — во всём здании... Представьте себе: огромное офисное здание, в каждом окошке — силуэты дужей, пальмы, компьютеры, белые доски с графиками...

Солнца не было, и кому, спрашивается, пришло в голову опускать жалюзи на работе, я не знаю... Не иначе как моему брату... по чистому разуму... Но получилось у него хорошо: вместе с его жалюзями стали опускаться все без исключения жалюзи, на всех окнах здания...

Потом они все поползли в обратную сторону... А потом снова вниз... И так это продолжалось несколько минут: тысячи серых жалюзей с жужжанием ползали вверх и вниз, а наш разговор —

* На немецком ставни — Fensterläden, созвучное с Fensterlider — дословно «веки окон», очевидно, это дало Йенсу очередной повод поиграть словами, но часть этой игры я при переводе, каюсь, пропустил, в частности, реминисценции, вызванные в сознании автора созвучием «Fensterlieder» и «Finstere Lieder» («тёмные песни»), мне не показалось всё это хоть сколько-то осмысленным, скорее, просто явным перебором, даже на немецком, так что подбирать этот перебор и эти аккорды на «семиструнной гитаре»... Ну не вижу я в этом никакого смысла.

о приёме меня на эту работу — выглядел под этот аккомпанемент... как-то всё более странно, я бы сказал...

У меня было примерно такое чувство... Как будто я на самом деле пришёл устраиваться шпионом, а оказалось, что на меня реагирует... автоматика офисных зданий... Что-то в таком духе мелькнуло у меня тогда в голове во время интервью, хотя я не принимал перед этим ничего паранойяльного...

Да, но дома у меня жалюзи опускаются не все сразу, не автоматически...

А вручную и по отдельности...

Я подхожу к одному за другим — ко всем своим окнам... И вполне последовательно опускаю жалюзи, натягивая брезентовый ремешок, похожий на поводок собаки...

Или медведя пу...

Однако в этот раз я пошёл ещё дальше — я наглухо затворил перед этим ещё и ставни...

Что обеспечило мне абсолютную темноту в квартире... И соответственно — хорошее качество изображения на другой стороне... уже глазных, а не оконных век...

Впрочем, через какое-то время я понял, что темнота не абсолютная...

Что-то где-то явно осталось — маленькая пробоина, что ли, в которую вытекала темь...

Но я не мог сообразить, где она... Так что достичь такого изображения, какого мне хотелось, я вчера не мог, пока не уснул...

А потом меня разбудил стук в дверь... Причём он был странным, этот стук... Как будто в дверь барабанили костяшками пальцев... Не очень громко, но отчётливо... И как бы в задумчивости... Раз... И раз... И тишина... И снова — хрясь...

Я встал, вышел в коридор и, стараясь идти как можно бесшумнее, подошёл к двери, глянул в глазок...

Я никого не увидел, но вроде бы услышал шаги... убежавшего по лестнице...

Я почувствовал, что на что-то наступил... Я был босиком... Наклонившись, я увидел человечка, лежавшего на паркете...

Вместо ладоней и стоп у него были синие шарики...

Ростом он был... Наверное, сантиметров десять...

Вот кто кричал на соседей из почтовых ящиков...

Запустив руку в прорезь, сделанную во входной двери, я почувствовал под пальцами края картонных листов...

Мой дверной ящик был забит картоном... «Бумага — это очень важно, Йенс...»

Ну да, потому что он уже лет тридцать как не действовал — ящик, во всяком случае, сколько я себя помнил...

Но картоном он был забит не доверху, остался зазор — в который и угодил пластмассовый человечек — падая вскользь, он попал в забрало двери...

Ребёнок, очевидно, пытался его оттуда достать — своей ручонкой...

Но вместо этого протолкнул дальше — в мою прихожую...

Я знал эту игрушку, не так давно она ползала по стеклу, в трамвае, такой же точно человечек...

Обдолбанные великовозрастные шалуны швыряли его по очереди — на стекло...

Но был ли это он? Я решил проверить... Поэтому я взял его в руку, прошёл в гостиную, размахнулся... И бросил его в окно...

Окно при этом было закрыто — зима на дворе... Услышав, как громко он хрякнулся о стекло, я испугался, что оно треснет...

Но стекло выдержало, и человечек прильнул к нему всем телом...

Секунды три он лежал на спине, совершенно неподвижно... Потом потянулся... Встал в борцовский мостик... То есть на голову и четыре конечности, не отличимые, впрочем, от головы... И начал было крутить сальто... Но снова распластался на стекле — только теперь уже ниже... На этот раз он даже сел... Попытался

дотянуться рукой до носка вытянутой ноги... Но снова перекувыркнулся... И припал к стеклу...

Глядя, как он медленно, но верно подбирается к подоконнику, а потом укладывается на нём, как на гигантской постели... Я подумал, что ничего странного не произошло... Соседский ребёнок решил поделиться со мной своей игрушкой, только и всего...

Или ничего он такого не решал, этот ребёнок, просто человечек запал ко мне — случайно...

Почему ребёнок бросал игрушку в мою дверь? Так ведь и не только в мою... Странно было то, что хаусмайстер подозревал в этом меня... Меня, который лежит в своей комнате с опущенными жалюзи и закрытыми веками...

И что самое смешное... Меня, которого, если верить Ахиму, самого по себе подбросили в почтовый ящик — «Йенс, представь себе огромный почтовый ящик...»

«Да уж теперь представляю, — сказал я себе, — после такой визуализации...»

Я поднял человечка и швырнул... На этот раз — в балконную дверь, чтобы он кувыркался по стеклу подольше — до самого пола...

Глядя, как он переваливается через плинтус, я подумал, что хаусмайстер просто брал меня на понт... Пытаясь разрешить загадку, которую ему загадали соседи...

Я ещё немного подумал и решил, что не буду выдавать человечка... Надо ещё разобраться, что это у нас там за мастер... хауса...

И выбрасывать его за дверь — тоже не буду... Ребёночек обойдётся... А мастер пусть идёт подальше, может, найдёт там чего...

На мгновение мне показалось, что я сплю... Что это — один из матрёшечных снов*...

* В оригинале — *verschachtelte*, но это слово, по-моему, больше сочетается со «вложенными сюжетами», зато «матрёшечные сны» здесь как нельзя более подходящий термин.

Шарики в конце рук и ног его, а также шарик головы были уже не такими клейкими, и когда я бросал его в стекло, человечек совершал отчаянную попытку там задержаться, но это ему больше не удавалось — он падал на пол...

Я вынул наугад из ящика в мебельной стенке коробку, открыл... Там оказались слайды, но человечку там хватило бы места... Просто вместо того, чтобы положить его туда, я высыпал часть слайдов на журнальный столик... И теперь вокруг человечка веером расходились чёрно-белые квадраты... Я поднимал их поочерёдно, смотрел сквозь них на балконную дверь... И видел того же человечка... Хотя он теперь лежал на столике...

Я видел Ахима, летевшего вдоль скалы...

Силуэт его был похож на пластмассового интервента...

На голове у Ахима был шлем; что он был синим, я не видел при таком показе, но помнил довольно отчётливо...

Если бы я верил в кукольную магию, вуду или нечто подобное... Я бы выбросил человечка подальше от греха — сквозь открытое окно, он бы у меня, как миленький, канул... в сугробе...

Потому что Ахим тоже прыгнул в замкнутое пространство... С никому неизвестной целью... Как Алиса за Белым Кроликом... Я говорю, мне показалось, что я сплю... Когда устраиваешь себе такую зимнюю спячку, спишь сутки напролёт, сны неизбежно становятся матрёшечными, по крайней мере, у меня это так... Поэтому, обнаружив наяву в своей квартире человечка, о-лице-творяющего собой и то и это... И пятое и десятое...

И отца, и сына... Вот только что не Святого Духа...

Хотя Дух-то ведь как раз... и веет, где хочет, нет?.. И почему б ему было не стать пластмассовым человечком, залетевшим в мою квартиру совершенно фантастическим, если вдуматься, образом...

Мало того, он проник ко мне сквозь недействующий почтовый ящик... Чем его оживил — я, кстати, не удивлюсь, если теперь сквозь него начнёт поступать ещё какая-нибудь почта...

Или ящик заработает в обратную сторону, то есть я буду выбрасывать сквозь него, распечатав на принтере, эти свои *Aufzeichnungen** во внешний мир, скажем, по одному листу в день...

Человечек напомнил собой и о последнем прыжке моего отца... И о моём собственном появлении на этот свет...

И надо признать, что он меня разбудил, этот человечек...

У него малиновый кафтан, синяя голова и, как уже было сказано, синие кругляки вместо ладоней и стоп... Ещё ноги, или во всяком случае, чёрные штаны — кто знает, что там под ними...

Никто не знает, потому как он самый внутренний, этот человечек — он, в отличие от атома, неделим...

Он умеет ползать по стенам, точнее, умел, слой клейкой субстанции оказался исчерпаемым, и теперь человечек неподвижно лежит возле коробки, а я смотрю в окно, потому что мои веки открыты: идёт снег...

Я нахожу диск и ставлю песню, записанную группой, в которой мой отец играл на ударных инструментах...

Группа называлась «Аксолотль»... Как это ни странно, я недавно узнал, что в нашем городе её многие до сих пор помнят...

Слова этой песни написал, наверное, дядя Феликс... Он и картинки тогда писал такие — «клеверные»... А свой краут-рок Йозеф и Ахим уже подгоняли под слова, в сущности, это даже не песня, скорее, мелодекламация...

Музыка чем-то похожа на Дебюсси... Ну да, импрессиум *per se*...

* Записки.

...Wind jagt die grünen Wellen des Weizenmeers
 Sie entstehen an der staubigen Landstrasse
 Und laufen bis zum Horizont
 Der Wind riecht nach dem Klee und Gewitter
 Der warme Juniwind öffnet mich wie ein Buch,
 Blättert durch die Seiten, blast den Staub weg
 Sie flattern wie die Flügel
 Eines endlosen Flamingoschwarms
 Der sich als rosa Wolke in die Luft erhebt...*

Аксолотль — это уникальная личинка, которая никогда не вырастает во взрослую особь, остаётся инфантом... Но зато обладает фантастическими возможностями регенерации...

То есть у аксолотля регенерируется всё: лапка, глазик, сердце, желудок...

Хотя вряд ли эта группа возродится, и дело даже не в смерти Ахима...

Хендрикс говорил: «Когда умру, просто крутите мои плёнки...»

* Мне не то чтобы лень переводить эти стихи, довольно слабые сами по себе, просто мне кажется, что за неимением музыки, под которую их декламировали, нужно дать им самим прозвучать, по крайней мере, для читателя, не знающего немецкий, как музыке, содержание же правда не имеет никакого значения... Ладно, чёрт с ним... Вот, если угодно, их подстрочник:

Ветер гонит волны,
 Зелёного моря пшеницы
 Они рождаются у пыльной дороги
 И добегают до горизонта.
 Ветер пахнет клевером и грозой.
 Июньский тёплый ветер
 Раскрывает меня, словно книгу,
 Листает страницы, сдувает с них пыль...
 Они хлопают, как крылья
 Бесчисленной стаи фламинго,
 Взлетающей розовым облаком в воздух.

Но Ахим не Хендрикс, он не в записи...

Это трогательно, конечно, слушать пластинки «Аксолотля», но ясно же, что это было для него мимолётное, по сути, баловство, аматорство...

Я смотрю в окно и замечаю, что снег летит не с неба, а наоборот... То есть ветер вздымает тот снег, что уже лежал на земле, на балконе, на кронах...

Снег пытается вернуться на небо... Очень мелкий, как белый песок в часах, которые перевернулись вместе со всем светом...

Как прах Ахима, который я высыпал в воздух, стоя на Бенедиктинской Стене...

Когда я на следующий вечер зашёл в гостиную и зажёл свет, пластмассовый человечек по-прежнему лежал там на столике, в россыпи старых слайдов...

Он показался мне пределом, к которому сошлись плёночки зимних снов...

Но сам не принадлежал ни одному из слоёв...

Как я уже сказал, он оказался самым внутренним — этот человечек...

А вот SMS, меня разбудившее, было если и не внутренним (у снов есть свои SMS, и я мог ещё просто спать), то и не слишком человеческим... Но и не совсем спамом всё-таки... Я думаю, у них там программа работает, посылает сотни, тысячи SMS — с сервера... Хотя подписаны они реальными людьми: Филипп, Мэлони, Тоби...

«Hallo, zusammen! Сегодня над “Цахесом” гордо реют диджей Чосси&Месси. Приходите, будем рады, Филипп, Мэлони...»

Я получаю эти SMS уже третий или четвёртый год, попал когда-то в список гостей, Мэлони внесла, когда у них всё это только

начиналось... Я ни разу там не был, хотя несколько раз уже вроде бы ехал в их сторону...

Но «Цахес» находится неподалёку от «Контрабаса», а зайдя в «Контрабас», чтобы выпить там сто грамм да и пойти себе дальше...

Я ни разу не смог покинуть «Контрабас» после этих самых ста грамм и поэтому так и не дошёл до сих пор до «Цахеса»...

Теперь же никакого «Контрабаса» больше не было, и ничего не мешало мне вроде бы одеться, спуститься в гараж, поехать...

И я всё это проделал, хотя, несмотря на выпитый эспрессо, чувствовал, что спячка продолжается...

В каком-то американском романе я читал, что есть два модуса бытия: «Великий Тик» и «Великая Спячка»...

Так вот, я проснулся в центре Великого Тика, но это уже был не Ур-тик, с тем было покончено...

Я как будто телепортировал туда со своей кровати... И теперь сидел, точнее, полулежал на чёрном диване — там за U-образной стойкой есть мягкий уголок, в который я забрался, очевидно, взяв какой-то лонг-дринк...

Высокий стакан стоял на низком столике... Был ли это мой стакан... Я всегда вынимаю соломинку...

В этот раз, может, и не вынул... Не заметил... Соломинку в стакане, своём или чужом, неважно... В моей голове были такие брёвна, что соломинки не имели значения... Стакан же всё равно оказался пуст...

И не только в голове — я был совершенно деревянный, очевидно, розовая таблетка, которую я проглотил перед выездом, не сошлась даже с той каплей алкоголя, которую я успел выпить...

В общем, я проснулся на кожаном диване в центре огромного зала, заполненного танцующими тинейджерами... Мне бы надо было после этого посидеть спокойно или полежать, потом выпить

кофе... Но я, как дурак, сразу же встал, сделал шаг, качаясь, сделал другой...

Я понял, что мне надо вернуться на диван... Но меня уже подхватило пляшущее перед глазами ювенильное биоморе...

Я оказывался в тесных его кольцах, которые сжимали меня, я качался вместе с ними... А потом они выдавливали меня дальше, дальше...

При этом моё тело совершало как бы вынужденные колебания... И так продолжалось, пока я вдруг не выпал из толпы в пустоту с каким-то странным запахом, не дополз по тюремному коридору с железными решётками (раньше в этом здании была тюрьма, сказала мне Мэлони) до своей машины...

Оказалось, что бензин практически на нуле, но я вспомнил, что буквально в ста метрах есть заправка, надо только свернуть налево...

Я взял шланг, вставил его в соответствующее отверстие... Не сразу, но попал... И одновременно — как будто я вставил не шланг... И не то, что вы подумали... А кабель, кабель — в розетку... Короче, я после этого увидел прямо перед собой... Точнее, чуть поодаль, но всё равно очень близко, к тому же таблетка вкупе с лонг-дринком, кажется, перестала меня плющить изнутри, но зато поменялась метрика наружного пространства... Оно становилось всё более эшерным... Выделялось то, на чём останавливался взгляд... *Meine Blicke sind reif... und wie das Ding meine Braut...**

Передо мной стояла Штефи, на губах у неё играла улыбочка... Или просто по лицу её проходила в этот момент кривизна пространства... визуализируясь при этом...

Штефи обошла машину, подставила мне щёчку...

* «Мой взгляд созрел до такой степени, что невеста стала как вещь...» — совершенно по-дурацки перефразированная строчка Рильке, в оригинале: «Мой взгляд достиг такой степени зрелости, что каждая вещь, которую я пожелаю, падает мне в руки, как невеста».

— Йенс, сколько мы не виделись? Два года? Три?

— Наверное.

— Ты не знаешь?

— А по-твоему, я должен был считать дни? — спросил я. — Делать засечки на дереве?

— Я знаю, что случилось с твоей подругой, — сказала она.

— Вот как? Даже я не знаю, что с ней случилось, — сказал я и сразу пожалел об этом...

Меньше всего мне хотелось обсуждать со Штефи то, что случилось с маленькой Дженни...

Но Штефи не стала об этом спрашивать...

Я подумал, что я недооцениваю её тактичность, наверное, просто стал уже её забывать...

А женщины это чувствуют, и как раз в момент, когда начинают вымываться временем из нашей памяти, они вдруг материализуются — женщины... Если, конечно, могут себе это позволить...

Штефи, в отличие от Дженни, вроде бы могла...

Впрочем, вид у неё был вполне привиденческий...

— А где твоя машина? — спросил я.

— Я без машины, — сказала Штефи, — планирую хорошенько наклюкаться.

— Погоди-погоди, — сказал я, — я что же, ещё сплю...

— Да! И я тебе снюсь! — сказала Штефи и всплеснула руками, как балерина. — Так что ты от меня так просто не отделаешься. — Она в шутку вцепилась в мой рукав...

— Нет, но что ты делаешь на заправке без машины?

— Йенс, что с тобой? Я хотела купить сэндвич. Может быть, чипсы. Почувствовала голод, вот и спустилась...

— Откуда спустилась?

— С неба!

— Что, правда?

— Йенс, а ты уверен, что тебе сейчас так уже нужно вести машину? Может быть, ты её оставишь, например, вон там...

— И дальше? Я даже не помню номер, как вызывать такси...

— А ты пойдёшь со мной. Я тебя приглашаю.

— Куда?

— Туда, — сказала Штефи и показала вверх указательным пальцем.

Собственно говоря, я не думал продолжать эти записки. Потому что, полистав их недавно вспять, я был в очередной раз разочарован, а переписывать не хотел. Ради чего было мне корпеть над ними, где могло быть вознаграждение за мои труды...

Да и потом, мне казалось, что я всё уже сказал, приступ говорливости был инспирирован... Моим выдающимся родителем, но опять же, я не думаю, что Ахим завещал мне стать писателем, в конце концов, он мне желал добра... И не завещал при этом, кстати, состояния, подобно отцу Поля Остера... Остер писал где-то, что если бы отец не оставил ему столько денег, хрен бы он стал писателем, он не дурак...

Я хочу продать квартиру и пуститься в путешествие... Не обязательно кругосветное... Но столь же длительное.

Что касается записок... Я думаю заменить ими картон, заложенный в рудимент почтового ящика во входной двери моей — пока ещё — квартиры...

О том, что я буду делать по возвращении в Фатерлянд, я почти не задумываюсь...

Ну а что, при таком образе жизни, который я до сих пор веду, недвижимость — скорее обуза... Из-за неё мне не светит пособие для убогих, даже если я истрачу все деньги, до последнего цента, и так и не придумаю себе ремесло...

Это не очень-то честно, да, но я ведь собираюсь так поступить только в крайнем случае.

Я хочу начать новую жизнь в одной из стран, скорее всего, не этого континента...

Но всё это пока что остаётся в мечтах или в кошмарах, если вы принадлежите к тем, для кого за границей Германского мира — только кольца руин, как вам будет угодно...

Я возобновил свои записи после того, как Штефи, что называется, «попала пальцем в небо». Ночью, на пустой заправке, к которой за то время, пока я заливал в баки горючее, а потом общался, впервые за два года, со своей бывшей, со всех сторон подтянулся такой густой туман, что, когда эта самая бывшая предложила мне оставить машину и куда-то там пойти наверх вслед за ней, я подумал, что, может быть, это и не такая плохая идея... Потому что на следующем перекрёстке я уже встречу Дженни... А я не готов к встрече с ней... Так что лучше уж, пока суд да дело, вслед за material girl... In material world...

По правде говоря, была и другая причина, вполне очевидная, если предположить, что когда-то я испытывал по отношению к Штефи что-то вроде «great love»...

То это чувство в принципе никуда не улечивается, но остаётся, как тяжёлый дым в рассказе Фолкнера... Или того же Набокова — у которого дым развязывает язык и дальше «дихтер дихтет»*, в бреду подбирая слова...

У Фолкнера же с помощью этого самого дыма судья заставляет обвиняемого во всём сознаться...

На самом деле никакого «тяжёлого дыма» в коробке, конечно же, не было — обвиняемого, что называется, развели...

— Ну ладно, так ты идёшь со мной? А то я замёрзла. — Штефи передёрнула плечами и ударила сапожком об асфальт... А потом о другой сапожок...

— Штефи, ты что, куда «идёшь»? В два часа ночи, ты же знаешь этот район... Только разве что в «Цахесе» ещё не спят... Хотя я и там умудрился уснуть, в центре зала, я сейчас оттуда...

* Поэт слагает стихи.

— Ты ошибаешься, — улынулась она, — в «Пентхаусе» всё в полном разгаре.

— Где-где?

— «Пентхаус» — это просто клуб, диско, такое же, как «Цахес», но поменьше... Пойдём со мной, это прямо над заправкой...

— А я думал, что в башнях над заправками — бензохранилища...

— Йенс, не смей меня, — хохотнула Штефи, — «он думал»!

Мы вошли внутрь, я расплатился за бензин, Штефи за трамезцини с тунцом, которые она поедала на ходу... Она провела меня к двери, за которой оказалась лестница... Навстречу нам сбежали двое юношей, Штефи они знали и радостно приветствовали...

— Только я с другом, — сказала она перед входом в зал, где грохотала музыка и в дыму мелькали ноги, — я хотела ещё поговорить с тобой тет-а-тет... Поэтому пройдем вон туда для начала... Там тоже зал, но маленький...

Это был, скорее, тупик коридора, завешенный парчовым занавесом... Там стояли нелепые кресла, в одно из которых погрузилась Штефи, я же сел напротив, на такой пуфик...

Впрочем, вскоре Штефи пересела ко мне на колени...

Странно, что всё может быть так же, как в первый раз... Желание, которое я чувствовал, было ничуть не меньше... Я бы даже сказал: оно было сильнее...

Но Штефи вдруг оказалась на ногах... Она стояла передо мной... Она была чертовски красива в тот момент... Я едва разбирал слова, весь этот «транс-трэш-хаус» грохотал совсем рядом, за стенкой...

— Штефи, дорогая, что ты сказала? Я не расслышал.

— Ты издеваешься.

— Да нет же. Я сейчас не совсем адекватен, к тому же музыка...

— Я предложила тебе стать четвергом, — повторила она.

— Что это значит, я давно читал Честертона, Штефи, объясни...

— Честертон тут ни при чём. Я сказала тебе, что уйти от Конрада в данный момент я не могу. Мы живём в одной квартире, только что съехались... Но я тебе предлагаю — если ты хочешь — встречаться. Четверг для меня самый удобный день. Согласен?

После этого мы прошли с ней в зал, где она выхватила из дыма какого-то клерка...

Повернула его по часовой стрелке — ему нравилось, что им управляют, — и представила нас друг другу...

Он мне дико обрадовался, я даже подумал, что он би...

Но нет, он просто рад был поболтать с «экзотом»... Он, конечно, так не сказал, но это видно было в его глазах...

Штефи же осталась в облаке испарений азота, она танцевала в ту ночь очень долго, со мной она никогда так... Впрочем, что значит, со мной, без меня... Мы стояли с её клерком у стойки, пили пиво, ужасный зануда, не знаю, что она в нём нашла...

Ну да, ну да, это был офисный дуж, с ним можно было строить какие-то планы на будущее — в отличие от меня...

Но в четверг на следующей неделе мой дневной сон был прерван звонком в дверь.

На пороге стояла Штефи.

На губах у неё играла улыбка.

Это продолжалось месяца полтора... Не непрерывно, нет, через час она уходила, иногда через два...

А через неделю снова звонила в мою дверь...

Так как, в отличие от Штефи, у меня, кроме неё, никого не было... То после третьего или четвёртого такого визита я стал немного психовать... Я пытался силой удержать её в квартире, требовал назвать мне телефон клерка...

Но Штефи захлопнула у меня перед носом хэнди, а потом и дверь — выскользнув из квартиры...

Я открыл дверь и закричал ей вслед бранное слово...

Хотя не такое уже оно и бранное... Через четыре дня я вспомнил его, когда открыл дверь, а там никого не было, потому что это был не четверг, а вторник, и в дверь никто не звонил, я просто так её открыл, проходя мимо по коридору... И вдруг услышал... Как бы эхо... Того самого слова, которое я крикнул вдогонку Штефи — в четверг...

Я прошёл на кухню, достал с полки бутылку скотча, налил треть куба... Стаканы у меня просто кубические...

Выпив залпом, я в очередной раз сказал себе, что в такой роли — «Четверга» — есть что-то позитивное... Как бы даже лестное для мужского самосознания, нет?..

Лясы точить ведь не обязательно со Штефи, скажем, публика из «Контрабаса» после разброда и шатаний прочно обосновалась в заведении под названием «Вектор»... Там всегда можно найти собеседника или собеседницу...

Зато сознание, что твоя бывшая подруга не выбросила тебя из своей памяти на какую-нибудь свою микрокосмическую помойку...

А, наоборот, нашла тебе такое узкое применение... Способно даже повысить твою самооценку, разве нет? — говорил я, наливая виски в стакан...

Но, вернувшись в комнату и сев к компьютеру, чтобы набрать вот эти строки, я подумал, что я занимаюсь самообманом...

Дело в том, что я-то знал, как устроена Штефи, и как часто ей нужно...

Ну, допустим, она на самом деле не может, «не светясь», трахаться со мной чаще...

Но, скорее всего, это означает нечто другое...

Штефи решила позаботиться об оставленном ею создании...

Я вмиг прочитал её мысли...

«Потерял отца, потерял подругу, себя так и не нашёл... Бедный, глупый мальчик... Пропадает совсем...»

«Она делает это из милосердия, — подумал я, — это унижительно...»

И я решил ещё выпить...

Виски напомнили мне, что я ничего не ел, я пошарил по столу в поисках проспектов, предлагающих «летающие пиццы» и «азиатские коктейли»...

Я плеснул себе ещё виски, выпил, а потом вышел из квартиры, спустился на полпролёта вниз и поднял со ступеньки одну из бесплатных газет, сложенных в стопку...

Вернувшись в квартиру, я выбрал одно из объявлений и позвонил по указанному там телефону...

После чего снова вернулся к компьютеру, чтобы набрать эти строки...

Я в самом деле чувствую себя маленьким мальчиком в пустой квартире отца...

Играл с игрушкой...

А теперь вот пью виски из отцовской бутылки... Совсем как взрослый, но пока он не придёт домой, надо успеть подлить туда воду, подкрасив её чаем...

Вот только он не придёт...

И мама не придёт... Просто потому, что мамы вообще никогда не было...

Хотя кто-то же подбросил меня... Может быть, дать объявление в газету? Вот бредовая идея...

Ладно, надо открывать дверь... Быстро же, однако...

Ну да, потому что газета районная... Может быть, мне прислали одну из соседок?

Вряд ли, просто быстро реагируют... Почти как «скорая помощь»...

Всё, что последовало, я бы не стал стенографировать ввиду очевидной банальности, если бы девушка не прервалась вдруг и не произнесла эту фразу...

Но она вдруг схватила мои руки, заставила меня отпустить её голову, выпустила изо рта мой член и сказала:

— Послушай, я же всё-таки не резиновая кукла. Не надо так. И глубже всё равно я не буду, есть норма в сантиметрах, установленная профсоюзом, я её чётко соблюдаю...

После чего она продолжила свою работу и довела её до конца...

Кончил я, может быть, не совсем так, как мне хотелось бы, но это уже мелочи...

Дело было не в этом, во всяком случае, после того, как я эякулировал... Нет-нет, совсем не в этом...

Фишка была в том, что была у меня раньше девочка с резиновым бочком...

И теперь эта шлюха напомнила мне всё сразу, и на уровне тактильных ощущений, и на уровне образов, которые сразу же закрутились в голове таким водоворотом...

Шутки шутками, но одной фразой, произнесённой в процессе blow-jobbing'a...

Эта девушка вызвала всю цепочку образов, которые вели меня в омут... Где маленькая Дженни торчала в воде головкой вниз... И болтала в воздухе ножками...

Я почувствовал, что вступаю в ту самую воду...

Я не сочиняю... Я даже поднял ногу и посмотрел на свой носок...

И попросил шлюху немного задержаться.

Сорри... Я бы никогда не назвал её так, если бы она внешне хоть немного соответствовала своей благородной профессии.

Но Сюзи была похожа на студентку технического университета...

Ну или на работницу бухгалтерии...

У неё был очень маленький нос и золотистые дальнозоркие очки, которые она снимала во время работы...

Расплатившись, я предложил ей посидеть ещё немного, выпить со мной скотча или пива...

Поколебавшись, она прошла вслед за мной в гостиную...

Взгляд её остановился на большой чёрно-белой фотографии...

Ахим был снят снизу — в момент приземления...

Сюзи быстро обернулась ко мне и сказала:

— Это что, твой отец?

— Да, — сказал я, — похож я на него?

— Не знаю. Просто я его видела раньше по телевизору. Когда он разбился, его много показывали, и мне он запомнился. Как он летал с орлом через Гималаи...

— Это его друг... Который учился летать у своего орла... Ну хотя да, они вместе однажды перелетали, только не через Гималаи...

— И когда я прочла на твоей табличке его фамилию, я в первый миг подумала о нём... Но тут же вспомнила, что он разбился, и вообще, мало ли людей с такой фамилией...

— Например, я. Похож я на отца? Посмотри вот пока другие фотографии, а я принесу выпивку, — я протянул ей альбом.

— Даже не знаю, — сказала Сюзи, когда я вернулся из кухни, — я плохой физиономист.

— При чём тут... Ну а что же ты учишь в университете?

— Откуда ты знаешь, что я что-то учу?

— Ну, может быть, я чуть лучший физиономист...

— Ты что-нибудь ещё хочешь?

— Пока нет.

— У меня не так много времени.

— Я заплачú по счётчику, ты не волнуйся.

— У тебя есть подруга?

— И да и нет*.

— Это как?

Я чокнулся с ней, сделал глоток виски и объяснил, в какую игру в последнее время играла со мной моя бывшая.

* В оригинале: «Jein».

По-моему, ничего особенного в этом не было, пол-Мюнхена так живёт. Но Сюзи, выслушав меня, серьёзно сказала:

— Так не годится.

— Ты так считаешь?

— Я вижу.

— Что ты видишь?

— Что эта женщина... Е...т твои мозги, — прости за резкость, но точнее я не могу сказать, хотя ты прав, я прослушала три семестра общей психологии... Тебе нужно сказать ей «нет». Или поставить ультиматум. И если она не оставит своего друга, тебе нужно завести себе другую подругу.

— Может, лучше кошку? — сказал я, но она пропустила это мимо ушей.

— Это не дело, возвращаться в прошлое, да ещё в такой унижительной роли. Тебе надо порвать с этой женщиной, пока не поздно, я чётко вижу такие ситуации, как на рентгене. Она е...т твои мозги.

Я был настолько удивлён этим внезапным проникновением в мою психику...

Что отказался от повторного, может быть, более глубокого, чем в прошлый раз... Проникновения. Скажем, в филейную часть Сюзи...

Тем более, что нормы могли быть установлены профсоюзом или там Евросоюзом, не только для фелляции...

Но и для миссионерской позы...

И вот она стояла в двери... Это было поразительно, она стояла точно как Штефи четыре дня назад... И говорила со мной таким хозяйским тоном... Который не позволяла себе даже Штефи...

— Подумай, когда я уйду, о том, что я тебе сказала.

Какой-то п...ц... Ну просто учительница... Задавшая домашнее задание...

— Я понял, понял, — послушно кивал я, — мне нужно искать новую подругу... Ну а что, если я... так сразу никого не найду?

— Ничего страшного, — улыбнулась она, — найдёшь. А если нет... Запомни: Сюзи всегда с тобой!

После чего она сделала реверанс, вручила мне свою визитку, повернулась и... Как-то совсем уже легкомысленно для представительницы столь почтенной профессии... Сбежала по лестнице... Забыв, что в моём доме есть лифт.

У меня в ушах после этого долго звучало это: «Сюзи всегда с тобой!»

Чередуюсь с другой её фразой: «Я не резиновая кукла!»

Круги... на покрытой ряской воде... Болтающиеся в воздухе ножки...

Гостиница для новобрачных на острове посреди озера... Её уже, впрочем, почти стёрла из памяти всё та же вода...

Es gibt nur zwei Dinge:
Die Leere und
Das gezeichnete Ich*

Я бы, правда, добавил к этому ещё виски...

Но виски у меня в доме больше не было, выходить же на улицу мне совсем не хотелось, и, повращав в руке пустой квадратный стакан...

Я запустил его в стенку...

Проклятье, он не разбился — толстое стекло... Или я так ослаб, что...

Пробормотав «да пошли они все...», забрался наконец обратно в постель...

Где и проспал... Вплоть до третьего адвента.

* «Есть только две вещи: пустота и обведенное “Я”...» — строчка из стихотворения Готфрида Бена (в вольном переводе).

9. ВЫЛАЗКА В СВЕТ, ВОЗВРАЩЕНИЕ В БУНКЕР

Нельзя сказать, что я праздновал Сильвестер* в кругу случайных или незнакомых мне людей... Во-первых, меня туда позвали Флориан и Кристиан, а это уже две родные души...

И потом, после часа ночи там стали появляться другие знакомые физиономии...

Просто я пришёл туда в десять, а Флориан и Кристиан с Анкой и Сарой — в одиннадцать тридцать, поэтому полтора часа я и провёл... Не очень-то по-новогоднему...

Я никого там не знал, при этом в квартире Отто Лунсберга (галериста Флориана) были одни швуле**, и вступать в контакт мне не хотелось... Во всяком случае, самому заговаривать с кем-то...

Я ничего не имею против швулей, я же не из Сибири туда пришёл... И даже не из Польши...

Но сочетание двух факторов: полное отсутствие, во-первых, женщин и, во-вторых, гетеросексуалов... заставило меня замкнуться в себе...

И на меня там нашла такая безумная тоска, что я уже думал было уходить... Когда раздался звонок, Отто открыл дверь, и в квартиру влетели Флориан, Кристиан и две... львицы полусвета, которых я, кажется, уже видел однажды...

Но мне почему-то хочется вспомнить сейчас полтора часа, проведённых мною в одиночестве — посреди однополой толпы...

* Немецкая новогодняя ночь.

** Гомосексуалисты (нем.).

Пустые мальчишки с как будто пустыми бокалами — на самом деле у всех было налито белое вино, — грациозно переминающиеся с ноги на ногу...

Впрочем, очень может быть, что я неправ, расчёсывая их под одну гребёнку... Может быть, не все были «голубыми», почём я знаю... Просто Флориан сказал мне заранее, что все гости, помимо тех, кого приведут с собой они с Кристианом, будут швули... А так — я не проверял...

Флориан и Кристиан привели с собой не только меня и двух девиц... Только остальные пришли намного позже, после часа ночи, как я уже сказал, окружающая меня среда стала вполне гетерогенной, в этом смысле... Но до того момента, то есть полтора или два часа... Мне было очень тоскливо, и время тянулось, как сыр с пиццы или как вот эти строки... Сейчас, сейчас я их порву...

Да, но что-то там всё-таки было, на этом парти, из-за чего я оказался там сейчас заново, уже в письменном виде...

Толпа «голубых» послужила усилением отстранения, наверное, в этом всё дело... Я и так в последнее время слегка отмороженный... А тут ещё, будучи помещён на полтора часа в такую среду...

Швули всё время ставили диско-музыку восьмидесятых годов, которая напоминала мне о доме для престарелых: *Oh, I love to love you, baby...*

К тому же одеты они были по большей части «от кутюр», и это тоже действовало мне на нервы, напоминая, что на мне норвежский свитер Ахима — с протёртыми локтями...

Я чувствовал на себе эти двухтактные взгляды: сначала некоторое удивление, лёгкая досада... Потом — утешение, консолидация, «не бойся, мы с тобой», заговорщическое подмигивание... От которого меня всего передёргивало...

И я решил углубиться в артефакты, благо в доме владельца едва ли не самой модной мюнхенской галереи было на что посмотреть...

Взгляд мой остановился на графике Тобиаса Флейшера...

Я хорошо знаю Тоби, я видел множество его картин, но как раз эту я не знал: видимо, Отто сразу упрятал её в свою квартиру, я, во всяком случае, не помнил, чтобы она выставлялась в галерее... Хотя я не все вернисажи посещаю, конечно...

Так или иначе, я был чрезвычайно рад тому, что вдруг оказался перед новой для меня картинкой Тоби...

Может быть, даже ещё больше рад я был бы *углубиться* в неё; в конце концов, для мальчика, найденного среди груды холстов, не так уж и странно было бы пройти в грифельный лес и там заблудиться...

— Ты тоже художник? — спросил оказавшийся рядом со мной Отто Лунсберг.

Я подумал, что он должен был бы остерегаться задавать такие вопросы... Потому что столько художников мечтают оказаться в его галерее...

Владелец такой галереи должен быть завален мэйлами с портфолио, он должен был давно устать от навязчивых предложений; во всяком случае, сам спрашивать в новогоднюю ночь, кто художник, а кто просто так вышел... По идее, он уж точно не должен...

Но он сказал мне: «*Du bist auch ein Künstler, nicht?*»*

И я ответил: «*Wenn du das sagst...*»**

После чего он рассмеялся: «Ну конечно, я это говорю!» — и протанцевал — в буквальном смысле, — изображая что-то такое в воздухе руками, — протанцевал в прихожую, а я зашёл в угол, где висели две картины, которые я уже видел когда-то в его галерее... Я смотрел на них машинально, к тому же было темно, и картины были тёмные, их легко было не видеть, а делать вид, что их рассматриваешь, на самом деле идя по маршруту, который начертала Дженни...

* Ты тоже художник, не так ли? (Нем.)

** Если ты это говоришь... (Нем.)

Год назад, вскорости после прошлого Сильвестра, Дженни устроила выставку в квартирах знакомых... Надо было ходить по городу по нарисованному ею плану, во всех квартирах кто-то сидел и ждал гостей, Дженни позаботилась об этом... Если хозяева никак не могли днём быть дома, там сидел кто-то другой, скажем, в одной из квартир дежурил я... В других — студенты из её группы...

В моей квартире она не выставляла свои работы, потому что я живу немного в стороне, на выселках, слишком далеко от квартала Глокенбах, — Дженни же хотела, чтобы люди передвигались от картины к картине без транспорта...

Там, где я сидел, на кухне была газовая печка, я помню, что одна некрасивая девица, болтая со мной, тёрлась об эту печку... И как-то умудрилась своим задом включить одну из конфорок, а может, и не одну... Причём не раз... Конфорки так устроены, что через несколько секунд, если нет огня, они выключаются... Но девица, видимо, крутила задом туда и сюда, произвольно включая и выключая конфорки, так что в конце концов в кухне запахло сибирским газом... Когда мы поняли, в чём дело, девица ужасно смутилась, а потом расхохоталась вслед за мной...

Теперь я не слышал смех, но видел эту сцену, почему-то чёрно-белую... Я видел и смеющуюся Дженни, всё это тоже беззвучно...

План, по которому надо было переходить из квартиры в квартиру, она нарисовала на тонком картоне, размножила в количестве трехсот экземпляров и разослала по почте...

Надо ли мне говорить, что план, нарисованный Дженни, был похож на ландшафт пинболл-автомата, в котором перекачивается никелированный шарик?.. Я думаю, не надо мне больше ничего такого говорить...

Уже пришли Флориан и Кристиан, уже все поглядывали на часы, всем предложено было перейти на террасу, откуда предполагалось запустить ракеты... Так как я в тот момент по-прежнему

стоял один перед тёмным квадратом... Я перешёл на террасу одним из первых и оказался у бортика... За спиной у меня была толпа людей, расчехлявших бутылки и пиротехнические снаряды, передо мной — тёмный фрагмент Мюнхена, блочный и совершенно безлюдный...

Отто жил на последнем этаже, с его балкона были видны не только стены, но и крыша музея Reich der Kristalle*...

Это большое скучное здание, напоминающее какое-нибудь учреждение, при этом сознание того, что в каждой комнате там сидит не человек, а камень, в тот момент, когда я смотрел на здание с балкона Отто, меня просто-таки гипнотизировало...

Когда-то я был там на экскурсии, ещё в гимназии, нас водили туда всем классом...

Запомнились не только золотые слитки, но и куски смарагда, сапфиры, агаты, яшма, всё это мерцало теперь в моей памяти, так что, сложив два диапозитива, я увидел здание насквозь...

Причём так как обитателями его и так были не люди, а камни... За двадцать лет там мало что изменилось...

Я обернулся, чокнулся шампанским... С кем, не помню... И вместе с толпой мюнхенских швулей и затесавшихся в их ряды гетерогенных художников и гетер... Переместился ещё на один шаг... Точнее, на год — вперёд...

Небо теперь, что называется, было в алмазах, и это отвлекло меня от камней, которые я разглядел в своей памяти сквозь крышку «Царства кристаллов»... Кстати, теперь видно было, что там тоже встречают Новый год — работники музея, надо было полагать... Хранители коллекции принца Люитпольда...

Чёрные силуэты появились на балконах здания, и даже я увидел, как на крыше выросли две тёмные фигурки... И стояли там неподвижно, обнявшись, на фоне озаряемого сиреневыми вспышками неба...

* Царство кристаллов (нем.).

Флориан сосредоточил свои залпы на хранилище камней — некоторые из пущенных им ракет туда долетели, слышны были удивлённые крики, сопровождавшие их прибытие, видны россыпи ярких брызг...

В ответ оттуда жажнули по нам... Вот только ни одна из их ракет не попала в цель...

Я услышал или мне показалось, что к пиротехническому дыму примешивается несколько более сладкий...

Нет, не показалось...

Но пока джойнт дошёл до меня, в нём уже мало что оставалось...

Рядом лежали связки ракет, шутих: Кристиан в пьяном угаре совал их мне в руки, но мне лень было их поджигать, я улыбался и пожимал плечами, Кристиан говорил «ну как хочешь» и поджигал сам, издавая йодельное пение...

Голубые гости были более сдержанными, но тоже все запустили по ракетке...

Слегка опьянев, я подумал, что если теория панспермизма верна...

Я уже не первый раз об этом задумываюсь, хотя недавно читал в «SZ», что учёные окончательно поверили в зарождение жизни в некоем Уг-супе (*протобульоне*)... Но всё равно свою роль сыграли и в этом случае молнии, так что без неба не обошлось, и потом, знаем мы этих учёных, завтра они могут вернуться к теории панспермизма...

Короче говоря, я подумал, что, может быть, этот странный обряд — запускать в Новый год ракеты в чёрную прорву — не что иное, как... привет от живой материи...

Я вспомнил также и то, что в «Царстве кристаллов»... на крыше которого, кстати, до сих пор стояла то ли пара влюблённых, то ли проросший сквозь потолок сталагмит о двух головах...

Так вот, я вспомнил, что там, на стеллажах музея, есть не только земные камни, но и метеориты... И кусочки небесных тел — Марса, Луны...

И мне показалось, что космос начинается прямо за балконом Отто... И запуск ракет в Мир кристаллов... Поэтому был символичен...

Почему вообще всё это делается в Сильвестр? Я точно не помню теперь, но тогда, стоя на балконе Отто, я нашёл ответы на все вопросы, связанные с часовым, или точнее, годовым механизмом...

Потом я вернулся с балкона в комнату, прошёл сквозь прихожую на кухню, чтобы взять в холодильнике пиво или налить себе водки — там лежало какое-то невероятное количество бутылок «Абсолюта», казалось, Отто припас их на век вперёд, потому что кроме меня и Кристиана водку никто не пил, а если уж Отто не пьёт её в Новый год, то посреди года и подавно...

На кухне две девушки — я не заметил их прихода, я был на балконе — гадали с помощью олова...

Я последний раз видел эту картину в далёком детстве... И тогда это ещё, скорее всего, был свинец... Потом стали смешивать эти два металла, а потом уже стали использовать одно только олово...

Поэтому я решил выпить прямо на кухне — глядя на олово...

Созерцание металла, растекающегося по воде в кастрюльке... В сочетании с теплотой, которую водка вызывала в моём желудке, было вдвойне завораживающим...

Вспоминая в этот момент, что совсем рядом — на стеллажах «Царства кристаллов» — лежат не только камни, но и слитки металлов, в том числе благородных, а то и вообще неземных... я чувствовал, что меня затягивает в заколдованный круг... Или в психоделическую цепную реакцию... Что с того, что на кухне гадали не мне и не обо мне, — я кожей и слизистой чувствовал свою причастность... И к разлитому олову... И к слиткам, лежавшим на стеклянных стеллажах как бы параллельного Мира кристаллов...

Мне было жарко и холодно одновременно...

И к зелёным хризолитам — я был причастен... И к розовому кварцу — напомнившему мне ещё тогда, в детстве, куски сырого мяса, которое не резали, а рвали на части...

Я вышел из кухни, зашёл в одну из комнат... Это оказалась спальня, на кровати были свалены в кучу пальто, не поместившиеся в коридоре на вешалке, я не сразу заметил, что в комнате кто-то есть...

Это был Отто с каким-то парнем... Они стояли возле полки, Отто держал в руках одну из белых статуэток — на полке стояло ещё несколько таких же...

Он быстро обернулся, я пробормотал «простите» и хотел было выйти, но Отто радостно сказал:

— Нет-нет, ты не помешаешь.

Я пожал плечами.

— Знаешь, что это? — спросил он, показывая мне фигурку.

Я подошёл и, посмотрев на неё вблизи, сказал:

— Нет, не знаю.

— Это человеческий зародыш, — сказал Отто. — Я только что объяснил Хайнеру, но я повторю специально для тебя. Моя знакомая — художница, которая у меня выставляется, недавно родила. Когда она ещё была на сносях, ей делали УЗИ, как и всем... Но аппарат был подсоединён к 3D-принтеру... Ты знаешь, как он устроен? Как бы ванночка, наполненная до краёв белым порошком nano-пластмассы... В электромагнитном поле в этом «сугробе» затвердевают формочки — координаты точек передаются с компьютера на пластины... Вот а теперь туда перешло трёхмерное изображение эмбриона, который был в тот момент в животе Веры, и в центре порошкового «сугроба» затвердела... Пред-жизненная маска, или даже не маска... А слепок всего будущего человечка... Правда же, это похоже на сказку?

— Правда. Но знаешь, что самое удивительное?

— Что?

— Слова... Которые ты сказал вначале.

— А что я сказал?

— Ты сказал: «Специально для тебя...» Можно?

Я взял в руки «статуэтку» и немного постоял молча, чувствуя, что всё это тоже связано с «Царством кристаллов»... И непосредственно со снегом, который пошёл за окном...

— А что ребёнок, родился? — спросил я, отдавая Отто фигурку. — Всё в порядке?

— О да, в полном порядке. Три восьмьсот, замечательный мальчик. На самом деле, это копия копии — Вера Зелигер сделала её специально для меня. А потом я надоумил её сделать ещё несколько, мы очень хорошо их продали... Людям, которые влюблены в её картины... Таких теперь немало, Вера идёт по нарастающей — на расхват...

Я отдал фигурку и вышел из комнаты... Я подумал, что не удивлюсь, если на кухне мне теперь покажут гомункулуса, появившегося из кастрюльки с холодной водой и горячим оловом...

Но на кухне никого не было. Я отпилил себе кусок от лежавшей на столе глыбы твердокаменного сыра, налил стопку ледяного «Абсолюта»... Выпил, закусил и думал было уже отправиться восвояси... Потому что танцевать мне не хотелось, а все теперь только этим и занимались... Если не вообще уже чёрт знает чем, — заглянув от нечего делать в третью комнату Отто, я увидел там мельком картину... Вполне уже содомическую...

Кто-то лежал на диване, задрав ноги, со спущенными штанами, а рядом стоял кто-то другой, тоже со спущенными...

Я закрыл дверь и прошёл в гостиную — где-то там я бросил свой свитер...

Там теперь плясали... Причём на плечах у девиц, которых привели с собой Кристиан и Флориан, вырос какой-то искристый мех... Может быть, они в нём пришли, но я не заметил... Или Отто подкинул им что-то из своего гардероба... И теперь они танцевали вдвоём, по-кошачьи, очень завлекающе...

Я хотел подойти к одной из них: мало ли, кто с кем пришёл... Важно, кто с кем уйдёт, да?

Но я почувствовал какую-то скованность... Я был где-то не здесь, может быть, за окном — в «Царстве кристаллов», а может быть, в силу недолёта, — просто в сугробе, где со мной происходил процесс, противоположный тому, что только что описывал Отто Лунсберг...

Впрочем, я вспомнил, что я и сам — трёхмерный Друкер*... И могу поэтому выйти на балкон и, сдавив ладонями снег... Интересно, заброшу ли я его в «Царство кристаллов»?

Чтобы узнать это, я вышел на балкон... И увидел девушку, курившую в гордом одиночестве...

Она была очень маленького роста, в первый момент я даже подумал, что это подросток...

К тому же на голове у неё была какая-то шляпка... Или шапочка...

Нет, скорее, шляпка, чем шапочка...

И какое-то нелепое розовое пальто...

Тем не менее, она казалась довольно милой, а когда заговорила — даже более чем...

Премило так шепелявила... И я вдруг узнал её... Сначала по голосу...

А потом вспомнил и это круглое личико... И эти локоны...

Это была молодая писательница... Её книга, выпущенная, если мне память не изменяет, в издательстве «Дюмонт», называлась «Записки кисейной барышни»...

Сборник странных таких новелл... Некоторые тексты образовывались у вас на глазах из омонимов...

Иногда омоним звучал уже в самом конце, финальной нотой, но ясно было, что в этом случае Мони писала новеллу с конца — как это порой делают авторы детективов...

Конечно, в её книге были не одни омонимы, не только омонимы, просто омонимы были первым, что я вспомнил, когда узнал Мони...

* Принтер (нем.).

О, Мони... Ну да, ну да... Там — в твоей книге — было и другое... Нельзя сказать, что это были лишь упражнения... Разводы на поверхности кисельной словесности... Нет-нет... Такие внезапные заезды там были... на нераспаханные — или, по крайней мере, казавшиеся мне нераспаханными — территории...

И много неба... Которое, в свою очередь, иногда казалось нераспаханным... Несмотря на подробные белые борозды — следы истребителей... И перистые рентгенснимки Клетки, что-то ещё...

Имена тоже играли большую роль в её книге и, в свою очередь, часто оказывались омонимами в том смысле, что это были говорящие имена, от которых «кисейная барышня» иногда плясала, рассказывая свои истории...

Но один её рассказ, наоборот, родился из синонимов, причём оба были прилагательными и относились к одним и тем же трусикам...

Мони Шнайдер читала этот рассказ в Литературном доме — на своём вечере... Там я и купил её книгу...

Уже светало... Или так казалось — из-за снега...

Два тёмных силуэта снова стояли на крыше «Музея кристаллов»...

И, надо полагать, целовались...

Но это точно были не мы с Мони...

Мы с ней стояли на балконе, в верхней одежде нам не было холодно, шёл снег, оборачиваясь, я видел сквозь шторы, что в комнате продолжают плясать маникини...

Я хотел было признаться Мони Шнайдер...

Нет, не в любви...

Всего лишь в том, что я тоже что-то пишу, и у меня тоже часто всё рождается...

Если не из одного слова, то, во всяком случае, из фразы...

Да-да, из одной какой-то фразы... которая не даёт мне покоя, звучит в голове...

Кроме того, я вдруг вспомнил отрывок, который написала Дженни... От руки, я читал его на вырванном листке...

Начиналось там всё с созерцания собственных ног, «слишком белых и слишком толстых», но потом перо уводило Дженни куда-то в сторону — она вспоминала второй ультиматум, предъявленный ей бывшим возлюбленным...

Первый был довольно естественным — сделать тест на СПИД...
А вот второй...

Я попытался вспомнить дальше текст Дженни, но он уже расплывался, кажется, листок в самом деле промок к тому моменту, когда я его читал... Там были такие слова: «Я подумала, что вполне могла бы ею быть...» Или «запросто могла бы»... Или: «Я подумала, что вполне могла бы быть этой женщиной...»

Имелась в виду женщина, жившая по соседству, я даже примерно представлял, о ком могла идти речь...

А потом уже эту фразу Дженни использовала в качестве названия... Для своего автопортрета... Масло поверх фотографии... Или акрил, я точно не помню... Большого размера, два на полтора — где-то так... А внизу, в уголке: «Я могла бы ею быть...»

Я подумал, что надо бы связаться с её родителями... И сказать, что я не хочу быть единственным выставочным залом для картин Дженни Хольц...

У меня нет в памяти должных условий, я имею в виду сырость, влажность...

А потом я прочёл эту фразу у другой немецкой писательницы: «Я подумала, что вполне могла бы ею быть...»

На экранах прошёл недавно фильм с названием «Я — это другая»...

Фраза то есть не просто зазвучала вдруг у меня в голове, но её стали произносить самые разные люди... И при этом как раз самое страшное было, что они могли, таким образом, перестать *быть разными*...

Я на самом деле ощутил дуновение деперсонализации, этакий сквознячок... И поспешил вернуть свои мысли в литературное русло...

Цепочка тянулась дальше и дальше... Я вспомнил, что эта фраза звучала у Рольфа Бринкмана... Причём у него она звучала так: «Ich IST der Andere...»*

Меж тем мы вернулись в комнату, потом по длинному коридору с тремя или четырьмя картинами Веры Зелигер (на которых были изображены огромные белые эмбрионы, и я подумал, что это уже слишком... Но в то же время в этих постоянных «inside-out» что-то есть... Впрочем, тут же я вспомнил, что так называется какой-то «голубой» журнал... Я подумал, что вся квартира Отто представляет собой инсталляцию Веры Зелигер) прошли на кухню, и там я сказал Мони, что есть одна фраза, которая меня не то что преследует...

— Но это же *общее место*, — улыбнулась Мони, поигрывая словами, как мускулами. — Это же суть открытия Фрейда, in a nutshell**...

— Разве?

— Ну конечно: «Ich IST der Andere». Почитай Лакана...

— Лаконичная форма фрейдизма?

— Ну да... А недавно я где-то видела эту же фразу в виде императива... Где же? Ах да, в романе Бенджамина...

— ...фон Штукарда-Барре! — торжествующе прервала её я.

— Да нет, — сказала Мони, — Бенджамина Кункеля. «Я хочу, чтобы ты был мной». Фраза была сказана в джунглях Эквадора, после принятия галлюциногенного кактуса «Дон Педро» и таблетки абулиника... А дальше шли рассуждения о том, что если бы каждый человек на Земле побывал другим человеком, то, может быть, и Земля бы тогда стала *другой*...

* Я есть другой (неправильная грам. форма).

** В двух словах (англ.).

— Такое может прийти в голову только после кактуса с таблеткой, — прервал я её, чувствуя, что эта маленькая и сама по себе похожая на гриб девочка кружит мне голову — во всех смыслах...

— Таблетка, между прочим, оказалась плацебо, изобретённым автором, — улыбнулась Мони.

— Ясно. А что ты сейчас пишешь?

— Роман, — сказала Мони. — Название как раз придумала, когда стояла на балконе.

— Понятно, — догадался я.

— Хорошее название?

— Неплохое.

— А сейчас мне пришёл в голову и эпиграф... Из Достоевского, если я правильно припоминаю... Там у него было — в «Бесах»: «...пропел о чём-то один минерал — то есть предмет уже вовсе не одушевленный...» Это ещё не точно — возьму ли я это эпиграфом... Но название теперь точно есть, название — это самое главное...

Мони подняла со стола маленькую формочку, получившуюся после гадания...

— Вот что это, как ты думаешь?

— Оловянный солдатик.

— Этакий Войцек...

— Ну почему Войцек...

— Наверное, потому что я вспомнила текст Хайнера Мюллера: «...структура “Войцека”, возникает, как при гадании на расплавленном олове... Когда рука с ложкой дрожит от взгляда в будущее...» И там ещё что-то про отрезанные при рождении веки — такой род обрезания...

— С тобой страшно говорить, — сказал я. — Недаром в «SZ» тебя называли вундеркиндом...

— Это неправда, я уже взрослая...

У неё в кармане зазвонил телефон, она взяла трубку... Я жестом спросил, не оставить ли её одну, Мони благодарно кивнула...

В комнате я увидел несколько новых лиц... Был юный английский художник, похожий на принца Гарри... Только немного ярче...

То есть его рыжие волосы были намного ярче, чем у принца, если только последнего показывают на снимках в реальном цветовом разрешении...

На художнике было чёрное пальто с золотой нашивкой...

Приехав в Мюнхен поступать в Академию, он в первый же день встретил в баре «Etcetera» скульптора Морица... И после разговора — по всей вероятности, телепатического... Или они рисовали в четыре руки на салфетках... Потому что старик не знает английского... А Джеф — немецкого...

Мориц пригласил его жить на свой чердак...

Примерно год назад к нему приезжала младшая сестра, пыталась забрать его на родину, но он упирался... И тогда она тихонько нашла ему, сидя на высоком стульчике у стойки бара, герб Англии — на чёрное пальто... После чего уехала.

Кивнув Джефу, я перевёл взгляд на девушку в высоких чёрных сапогах, которая танцевала на фоне картины Тобиаса Флейшера...

Она встретилась со мной глазами, пришлось с ней поздороваться, после чего она сказала: «Я — Сильвия!»

— Странное имя, — сказал я... — Особенно в этом месте...

— Ты имеешь в виду Сильвестр? — улыбнулась она, чокаясь...

— Нет, — сказал я. — Место — это место... Я имел в виду картину, которая у тебя за спиной, *silva* на латыни — лес...

— Ну а тебя как зовут?

— Просто Йенс... А ты не знаешь, Сильвия, почему в Сильвестр стреляют в небо ракетами?

— Знаю, конечно. Чтобы пугать злых духов!

В этот момент снова грянула музыка, и Сильвия стала танцевать, как бы накручивая на руку невидимую пряжу...

Я почувствовал себя клубком, который она сматывала... Нет, она что-то уже упустила — или просто махнула на меня рукой... Я думал было вернуться на кухню, но тут со мной заговорил Кристиан...

Однако описание затянулось...

Поэтому я не буду пересказывать разговор, тем более что вскоре после Нового года мы встретились с Кристианом в кафе «Атлас», что недалеко от Гастайга, и произвели подробную разборку полётов... Поэтому сократим сейчас, просто перемотаем плёнку или пряжу, если угодно, хотя бы и рукой танцующей Сильвии — раз уж она всё равно это делает...

В результате чего я снова оказываюсь на кухне с писательницей... Теперь немного вперёд... И вот уже мы стоим с ней в спальне...

Двуспальная кровать Отто завалена куртками, не поместившимися на вешалке; Мони без труда находит своё розовое пальтишко... Мне сложнее, моя куртка — это очередное *общее место*... По-моему, я уже несколько раз ошибся и продолжал свои поиски, когда в комнату залетел...

Я ничего не придумываю, не тот настрой души у меня сейчас, чтобы думать... Я механически записываю, что со мной было в последний Сильвестр...

Честное слово, я собирался встретить его дома, один, в добротном шерстяном сне, этот Сильвестр... Но проявил малодушие и пошёл на парти к незнакомым людям... Приглашение ведь пришло через вторые руки... И вот я рылся теперь в куче какой-то чужой одежды, неряшливо набросанной на кровати Отто, а рядом со мной стояла надежда немецкой литературы, которую я взялся проводить...

И в этот момент в комнату влетел один из гостей...

И вместе с ней повалился на кровать...

Вот уже он лежал на Мони, и куртки, пальто, шубы сразу стали оживать — казалось, я склонился над клубком шевелящихся тел...

При этом было ещё одно, совсем странное чувство... Как бы раздвоения... В голове снова вспыхнуло: «Я — это другой...» Я вспомнил, что начала она мелькать у меня в голове в этот вечер — эта фраза, в другом роде... Но если учесть, что гостями Отто были однополые... и в то же время, наверное, всё-таки разнополые... по крайней мере, в ролевом смысле, существа...

С одной стороны, для этого я и пишу — чтобы в чём-то разобраться, хотя бы и задним числом...

С другой — у меня сейчас такое ощущение, что я только больше запутываюсь, вспоминая пургу... Ворвавшуюся тогда на мгновение в мою бедную голову...

Закрывая глаза, я как бы вижу теперь такую сцену... К гостям Отто Лунсберга прикреплены концы канатов, уходящих под купол церкви или цирка... И они все совершают гигантские шаги... Как будто кто-то играет ими в «йо-йо»... И они как бы летают — как в цирке или на рок-концерте...

По-моему, это я и почувствовал в тот момент — натянутый канат у себя между лопаток, когда один из гостей перелетел от двери спальни к кровати — по воздуху, когда он повалил Мони и стал изображать изнасилование... Или даже свальный грех, потому что вся одежда при этом зашевелилась... Мне показалось, что та же сила отрывает меня от земли и сам я сейчас, наоборот, вылечу за дверь...

А потом уже, когда это не произошло, когда меня не выдернуло в коридор и я остался стоять у кровати... Мне показалось, что это лежу я сам...

И в то же время стою над собой...

И над грудой шевелящейся одежды...

И никак не могу — ни так, ни этак... Найти там свою куртку...

Моя куртка — это другие...

Лёжа на Мони, он — не я — двигал её руками — как будто это была маленькая балерина...

То есть ручки Мони вынужденно ёрзали по кровати, по чужим пальто...

Кажется, я вышел из оцепенения, когда этот балет на плоскости вдруг оказался оперой... Когда этот залётный швуль запел тенорком... Или всё же закричал, а не запел? Скажем, это было проландо...

— Ты думаешь, я не заметил, что ты весь вечер думаешь только о моём члене? Ты думала, я не замечаю?! Да? Да?! Ты...

Он думал, что это очень смешно, потому что мы же понимаем, что он голубой...

Но мне было не смешно — я ударил его по голове бутылкой «августинера»...

Я взял её из ящика, стоявшего возле балконной двери...

Ударил не сильно...

Ткнул, тюкнул... Будто играя в каком-то водевиле, совсем без усилия...

При этом и силы гравитации, казалось, не было в этот момент — по соседним комнатам летали гости, этот случайно залетел в спальню...

Может, он сделал вид, что потерял сознание...

Ещё до того, как мы вышли на улицу — где нас встретила метель, — мне показалось, что всё окружавшее нас пространство наполнено белым нано-порошком, в котором возникают какие-то формы...

И сразу же роняют головы...

Я не имею в виду порошок, который вдохнул в себя этот кретин внутрь...

Я имею в виду внешнюю пластмассу, впрочем, я уже сам не знаю, что я имею в виду...

Наверное, я почувствовал — ещё в момент, когда он прыгнул на Мони, что меня вовлекают...

В балет «Война магов»... Или в оперу Фридриха Достоевского...

Штефана Трофимовича — я сейчас уточнил по переводу Светланы Гайер, — где поют минералы...

При этом из параллельных миров не всегда можно вернуться...

Поэтому я категорически не хотел в этом участвовать...

Можно сказать и так: в этот момент я почувствовал, что наткнулся на свою собственную границу.

Да, так и будет точнее всего...

Сбросив груды одежды на пол, я наконец-то нашёл свою куртку... Мони уже стояла на ногах, более того, она была в пальто и завязывала пояс... Я взял её за руку... Или это она взяла меня за руку... В общем, кто-то кого-то схватил за руку и буквально выдернул из квартиры...

А когда мы оказались на улице, я схватил Мони в охапку и стал хищно целовать...

Наши языки сосредоточенно заскользили друг вокруг друга... Нельзя сказать, что я полностью превратился в *Gefühlsmann** в этот момент... В голове у меня шевелилась мысль: а будет ли она об этом писать? А я?

Послышались голоса, совсем рядом... Мони поспешила отстраниться, я отпустил её...

И увидел, что из подъезда вываливается толпа...

Причём это были гости Отто — те из них, кто пришёл после часа...

Вот они и увлекли нас за собой в клуб «Woanders»** , хотя я предлагал Мони пойти совсем в другое место или сразу ко мне... Мони рассмеялась и сказала, что хочет танцевать, и дальнейшее я помню, честно говоря, смутно... Мне кажется, что пол был наклонным, но наклон был небольшим, и это не мешало танцевать, наоборот — ноги пускались сами собой.

* Человек чувств.

** «Где-то ещё», «другое место» (нем.).

Музыка была упругой и распространялась на всё тело... Маленькая Мони смотрелась во всём этом транс-пикчерз-шоу... как-то не совсем антропоморфно: фея летнего утра, девочка-гриб...

Когда я стоял в туалете возле писсуара, по кромке которого бежала светящаяся надпись «Wasser kommt von woanders her» («Вода придёт из другого места»), в момент, когда я прочёл эти самые слова, я почувствовал, что за шиворот мне на самом деле льётся вода, и слегка похолодел — от стечения обстоятельств...

Обернувшись, я увидел девочку, примерно такого же роста, что и Мони, примерно в таком же платье типа «я — японская Лолита»... Но в чёрном... И волосы у неё были чёрные, и огромные зрачки — на самом деле огромные... Я подумал, что это как бы негатив Мони, её тень... Ну всё равно, что твой Уртюп...

Она рассмеялась и не стала объяснять, почему пошла в мужской туалет, почему облила меня водой — набрав её в рот предварительно, я это понял, потому что, прыснув от смеха, она выпустила изо рта фонтанчик — на сей раз просто в воздух... После чего выпорхнула сама... И я — вслед за ней, но в зале я её потерял...

Мони сказала, что она натанцевалась и хочет домой...

Я снова предложил поехать ко мне, но Мони сказала: «Я правда очень устала...»

К себе домой она меня не звала... И провожать её не надо было, она вызвала такси...

От меня нужно было только одно: достать её пальто...

В зале стояли такие... Огромные кубы из чёрного дерева, без крышек, куда можно было бросать опять-таки одежду...

То есть сначала все вешали одежду на стены куба, но потом, достигая какой-то критической массы, одежда валилась внутрь...

Я склонился туда и стал шарить, зависнув вниз головой... И вдруг ощутил, что соскальзываю вниз, прямо туда, туда, туда-а-а-а...

Перевернувшись на спину, я увидел белые локоны — где-то высоко, над краем чёрного квадрата стенки...

Я крикнул: «Прыгай!» — и распахнул руки...

Услышав «Нет!», я взмахнул правой рукой и вырубил изображение и звук...

Я не знаю, кто выловил для Мони её пальто, как его извлекли из-под меня, наверное, у них есть для этого специальные работники, великаны с полутораметровыми руками, или, наоборот, гномы, которые залезают по лестничке, сосредоточенно перерывают всю гору одежды...

Проснувшись в кубе, я не сразу же стал выползать... Куда и зачем? Там было мягко, тепло, как в колыбели... Я знал, куда упасть, мягко постелил... И не провалился в шахту вслед за Ахимом, нет, подо мной промежуточная площадка, за окном — новый день или даже год...

Я напеваю, лёжа на спине: «Choke me in the shallow waters, before I get too deep...»*

Или это уже было дома, на кровати, куда я каким-то образом телепортировал?

Скорее всего, потому что вряд ли я мог петь в таком грохоте...

Звук в «Woanders» был громкий, и даже лёжа на дне ящика среди всяческих пуховиков, которые, как известно, хороши как звукоизоляторы, я чувствовал вибрации всем телом... А надо мной проносились огни — как бы линейные продолжения фейерверка...

Там, на потолке, на рельсах, проносятся разноцветные огни, и сейчас мне кажется, что я просто, закрыв глаза, превратился

* «Утопите меня на мелководье, пока я не зашёл слишком глубоко» (англ.) — слова из песни «What I am» группы «New Bohemians».

в один из них — и только таким образом достиг своей квартиры... Даже если это трамвай принёс меня туда, я ехал не в салоне, а сверху — по проводам...

Какое-то время я лежал в кровати, продолжая напевать (очевидно, я подхватил этот старый мотивчик в клубе — там звучала масса ремиксов): «What I am is what I am...»

Скажу ещё только, что, прежде чем провалиться в сон, я закрыл двери, жалюзи, отключил все телефоны... Я закрыл веки окон*!..

Более того, я вдруг *ощутил*, что у входной двери тоже есть веко... Да, я вышел в коридор и увидел, что заслонка-крышечка на входной двери отодвинута, стеклянный глазок открыт... На всякий случай заглянув в него, я пробормотал «экое безобразие», поднял руку, надавил пальцем... Дверное веко опустилось...

И моя квартира стала наконец полностью герметичной.

* Fensterlider — дословно: «веки окон».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	4
1. Введение в блог бастарда	5
2. Нарушение закона об отражениях.....	36
3. Заговор вещей.....	49
4. Sweet child in time	65
5. Домовой с Домагштрассе	83
6. И были тогда ещё четыре времени года	100
7. Последняя тайна воды	133
8. Und ich fasse den plastischen Tag	177
9. Вылазка в свет, возвращение в бункер.....	231

Журнал НАШ® рассматривает интересные книгоиздательские предложения: иллюстрированные книги, альбомы и пр. nashizdat@mail.ru

**Журнал
©ОЮЗ
ПИСАТЕЛЕЙ**

**308 страниц
актуальной
литературы**

ПРОЗА

ПОЭЗИЯ

ЭССЕИСТИКА

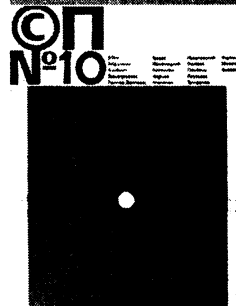
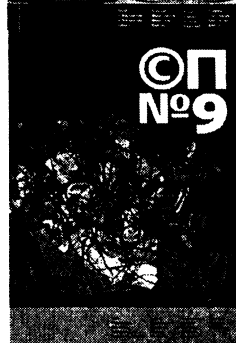
ДРАМАТУРГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

МЕМУАРЫ

ПЕРЕВОДЫ

<http://sp-issues.narod.ru>

Литературно-художественное издание
Серия «Проза Нова»

Мильштейн Александр

ПИНОКТИКО

роман

Издано в авторской редакции
Руководитель проекта Д. Н. Нестеренко
Технический редактор М. Б. Духнич
Корректор В. Н. Ашиткова

Подписано в печать 20.06.2008. Формат 84x108/32.
Бумага офсетная. Гарнитура «Миньон». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 13,44. Уч.-изд. л. 10,10.
Тираж 3000 экз. Зак. № 44/06.

АОЗТ «Тяжпромавтоматика».
Свидетельство ДК № 2836 от 24.04.2007 г.
61072, г. Харьков, пр. Ленина, 56

Отпечатано в типографии ООО «Торнадо»
г. Харьков, ул. Отакара Яроша, 18

По вопросам реализации обращаться по тел.:
8 (057) 751-86-67, 703-58-55, 8 (067) 270-29-31, 8 (093) 978-30-87.
E-mail: info@format.kharkov.ua, dnn78@mail.ru
www.format.kharkov.ua

АЛЕКСАНДР МИЛЬШТЕЙН.

Родился в 1963 году в Харькове, образование — мехмат ХНУ, с 1995 года живет в Мюнхене.

Книги: сборник новелл «Школа кибернетики», роман «Серпантин». Публикации в журналах «НАШ», «©оюз писателей», «Звезда», «Нева», «Даугава», «Урал», «22», «Зарубежные записки», «Новый берег», «Крещатик», «Case» и др.

Переводы с немецкого.

По мне, самое главное в «Пиноктико» — что роман увлекательный. Скорость такая, что остается чувство, будто что-то важное упущено, и надо бы перечитать. В чем секрет этого фокуса — не понимаю.

Самуил Лурье

Опыт, эксплицированный Мильштейном, характерен для многих... но такое ощущение, что изложить его по-русски пытаются только он один... Такой уж у него специальный талант.

Борис Кузьминский

«Пиноктико» — очень хороший роман, все там как надо, близко. Пронзительно.

Александр Иличевский

